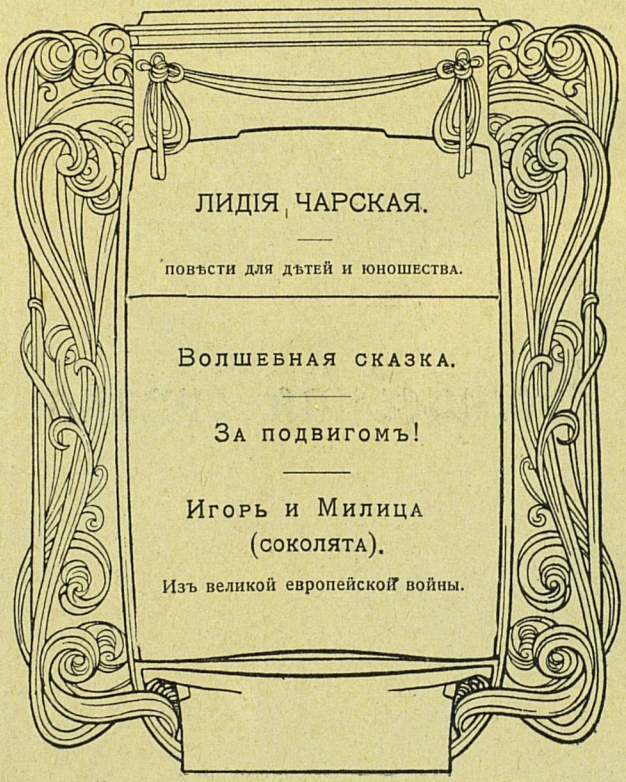
ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ЛИДІИ ЧАРСКОЙ

Волшебная сказка.


ЛИДІЯ ЧАРСКАЯ.
повѣсти для дѣтей и юношества.
Волшебная сказка.
За подвигомъ!
Игорь и Милица
(соколята).
Изъ великой европейской войны.

Заказ № 202-4 Пор. № 27

Книга имеет: 270 стр. . . . . иллюстр.

. . . . табл. . . . карт.

Примечания: Сохранить обл, полей не резать

Расписка отв. за подгот. в перепл. . . Ц . . . .

Зак. 3801 18-11-68

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

* * *

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ЛИДІИ ЧАРСКОЙ

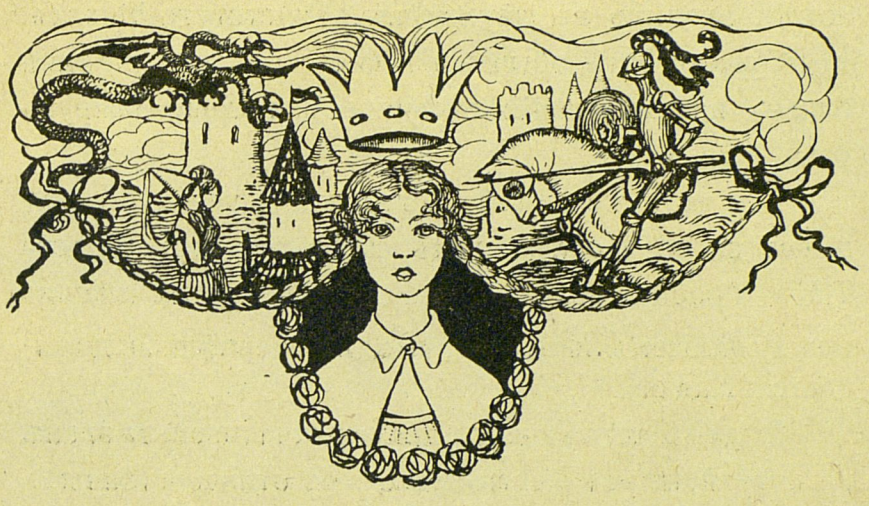
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

А. М. ПЕТРОВОЙ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ Петроградѣ, Изм. п. 7 рота, 26.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1977 акт Р К- 1363/



Надя Таирова.

Каждое воскресенье тетя Таша надѣваетъ свое сѣрое «праздничное», очень ветхое и во многихъ мѣстахъ подштопанное платье, и отправляется на пріемъ въ институтъ. По дорогѣ, прежде чѣмъ сѣсть въ трамвай на Суворовскомъ проспектѣ, она заходитъ въ знакомую фруктовую. Фунтъ шоколада «ломъ», коробка карамели и пятокъ апельсиновъ-корольковъ (Наденькиныхъ любимыхъ) составляютъ обычную покупку тети Таши для Наденьки.

Пріемъ въ Н-скомъ институтѣ начинается ровно въ часъ дня, и когда тетя Таша робко, «боч-

комъ», входитъ въ двухсвѣтный институтскій залъ, тамъ уже стоитъ обычный воскресный гомонъ, такъ близко напоминающій пчелиное жужжаніе вокругъ улья.

Все такъ же держась сторонки и невольно смущаясь за свой болѣе чѣмъ скромный нарядъ, тетя Таша пробирается въ «свой уголокъ», на скамью между роялемъ и печкой, и здѣсь терпѣливо дожидается Надю.

Когда-то тетя Таша служила кастеляншей въ этомъ институтѣ, и всѣ здѣсь знаютъ ее отлично. Знаютъ ея сѣрое старенькое платье и давно лишенную фасона бархатную шляпу капотикомъ и всю ея застѣнчивую незначительную фигурку съ сѣдѣющей головой и робкой, словно извиняющейся, улыбкой. Ее привыкли видѣть черезъ каждое воскресенье на пріемѣ, поэтому «шестушкамъ» (воспитанницамъ шестого класса), дежурившимъ въ залѣ, не приходится спрашивать у тети Таши, кого ей вызвать. Дежурныя воспитанницы знаютъ, что маленькая женщина въ заношенномъ сѣромъ платьѣ приходитъ на пріемъ къ Надѣ Таировой, и, отвѣсивъ наскоро традиціонный реверансъ передъ новой посѣтительницей, дѣвочка мчится въ пятый классъ.

— Таирова, на пріемъ! Къ вамъ пришли! — бросаетъ она съ порога классной комнаты.

Съ одной изъ заднихъ скамеекъ поднимается высокая, тонкая, какъ жердочка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати и, рѣзкимъ движеніемъ бросивъ въ ящикъ стола книгу, въ чтеніе которой только что углублялась забывъ весь міръ, идетъ къ каѳедрѣ.

У Нади Таировой миловидное, нѣсколько блѣдное лицо, на которомъ застыло скучающее недовольное выраженіе, и большіе, сѣрые на выкатъ, разсѣянные глаза. Если бы не это надутое выраженіе лица — Надя была бы прехорошенькой. Ни у кого изъ ея одноклассницъ нѣтъ такихъ пышныхъ бѣлокурыхъ волосъ, такого изящнаго тонкаго носика, такой милой неожиданной улыбки, которая, впрочемъ, такъ рѣдко появляется на ея недовольномъ лицѣ. Чаще внѣшній видъ Нади не внушаетъ симпатіи. Сейчасъ же, когда дѣвочка, остановившись передъ каѳедрой, отвѣшиваетъ реверансъ классной дамѣ и тянетъ усталымъ голосомъ:

— Разрѣшите мнѣ, m-lle, итти въ пріемную, — это недовольное личико дѣлается еще болѣе надутымъ и скучающимъ.

Наставница, маленькая, съ замученнымъ жизнью лицомъ пожилая женщина, смотритъ нѣсколько минутъ съ укоромъ на Надю.

— А вы опять вчера единицу за невниманіе на урокѣ математики получили, Таирова, и два съ

минусомъ за нѣмецкій? — спрашиваетъ она по-французски.

Блѣдное лицо Нади густо краснѣетъ.

— И въ пятницу мнѣ жаловался на васъ учитель исторіи, что вы опять читали на его урокѣ, — продолжаетъ классная наставница. — Я должна нынче же переговорить обо всемъ этомъ съ вашей теткой... На третій годъ въ классѣ оставаться нельзя. Надо довести до ея свѣдѣнія о вашемъ нерадѣніи. Ступайте. Я приду позднѣе, въ концѣ пріема. — И наклоненіемъ головы Варвара Павловна Студенцова, классная дама пятаго класса, отпускаетъ дѣвочку.

Красная, какъ піонъ, Надя машинально одергиваетъ на себѣ пелеринку и отправляется въ пріемный залъ, куда, въ сущности, ее совсѣмъ не тянетъ.

— Опять тетя Таша съ ея укорами, нотаціями и жалобами. Опять совѣты-навѣты «Студня», опять непріятности... Терпѣть не можетъ этихъ пріемныхъ дней она — Надя. Хорошо еще, если отецъ не пришелъ, а то, Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось. И зачѣмъ только эти пріемные дни существуютъ! То ли бы дѣло сидѣть надъ книгою, не отрываясь цѣлый день. О! что за прелесть дала ей вчера эта Нюта Бѣляева! Всю ночь въ дортуарѣ и цѣлое утро читала упоительно-захватывающую

книгу Надя, захлебываясь отъ восторга и нетерпѣнія узнать, что будетъ дальше. Что за очарованье эта герцогиня Лила! А графиня Аделаида, такая героическая, такая очаровательная дѣвушка! А молодой герцогъ Рудольфъ, не побоявшійся драться на дуэли съ тремя противниками сразу!.. Что за жизнь, что за волшебную, сказочную жизнь они ведутъ!

Въ воображеніи Нади мелькаютъ картины прочитаннаго. Веселая охота... Звуки рога... лай собакъ... Нарядные полумужскіе костюмы у дамъ... Развѣвающіяся перья беретовъ... Изящное оружіе... Изысканная рѣчь... звонкій смѣхъ молодой красавицы-герцогини... И вдругъ, волкъ, страшный огромный волкъ, бросившійся на отважную красавицу... Мѣткій выстрѣлъ, пуля, попавшая въ пасть чудовища, общія поздравленія и заздравная чаша, поднятая въ честь молодой охотницы. Потомъ вечеръ... Роскошно иллюминованный дворецъ герцога... Тихо плещущіе среди таинственнаго сада фонтаны... Серебристое сіяніе мѣсяца, заливающее гротъ и красавицу герцогиню, выслушивающую признаніе графа... Какія изысканныя слова, какія рѣчи! Все это такъ ярко переживаетъ въ своемъ воображеніи Надя, заслонившись этими образами отъ дѣйствительной жизни, такъ живо и ярко! И, словно, падаетъ съ облаковъ на землю, очутившись передъ

тетей Ташей, поджидающей племянницу на своемъ обычномъ мѣстѣ.

— Наденька!

Тетя Таша такъ трогательна сейчасъ съ ея мгновенно просвѣтлѣвшимъ лицомъ и радостною улыбкой при видѣ Нади. Надя — ея любимица. Изо всѣхъ дѣтей покойной сестры, которыхъ теперь, вотъ уже восемь лѣтъ, воспитываетъ тетя Таша, Надя всѣхъ дороже и милѣй теткѣ. По ея же, теткиному, настоянію Надю отдали въ институтъ на казенный счетъ. Отдали вопреки желанію отца. Маленькій банковскій чиновникъ, обреченный получать всю жизнь пятьдесятъ рублей жалованья, сынъ слесаря, съ трудомъ убѣдившій въ свое время отца отдать его въ юности въ городское училище, Иванъ Яковлевичъ Таировъ съ трудомъ пробрался въ люди, сталъ грамотнымъ работникомъ. Старшаго сына, Сергѣя, ему удалось опредѣлить въ гимназію. О Надѣ же отецъ имѣлъ свое особое мнѣніе, совершенно обратное мнѣнію свояченицы. И поэтому, когда четыре года тому назадъ, Татьяна Петровна пристала къ деверю съ настойчивыми просьбами отдать Надю въ институтъ, благо она имѣла право на это, какъ бывшая институтская служащая, послѣдній долго упорствовалъ, не сдавался на всѣ просьбы.

— Нечего баловать дѣвчонку, — со свойственной ему грубой прямолинейностью возражалъ онъ на всѣ доводы тети Таши. — Чѣмъ она лучше другихъ ребятъ — Клавдіи, Шуры? А тѣ, вѣдь, объ институтѣ и мечтать не смѣютъ. Не принцесса какая-нибудь, нечего ей изъ среды своей лѣзть... Еще заважничаетъ, пожалуй, съ разными тамъ аристократками якшаться станетъ, носъ задирать. Не потерплю, отдамъ въ мастерство, какъ Клавдію, толку больше будетъ. Въ профессіональную школу куда-нибудь... А то: ин-сти-тут-ка, скажите на милость, важная птица какая!

— Братецъ! Разрѣшите! Сами потомъ благодарить будете! Вѣдь если кончитъ курсъ въ институтѣ наша Надя — дипломъ получитъ. А съ дипломомъ ей всюду дорога открыта. Классной дамой можетъ быть, учительницей. Наконецъ, на курсы поступитъ. Свое учебное заведеніе откроетъ, если захочетъ. И потомъ, вѣдь, платить за нее не надо, братецъ, за Наденьку, а за мою двадцатипятилѣтнюю службу въ ихъ стѣнахъ ее даромъ, на казенный счетъ, примутъ. Должны же они мнѣ что-нибудь сдѣлать! Вѣдь я столько силъ и здоровья потеряла, заботясь и денно и нощно о казенномъ добрѣ. Не мѣшайте же счастью Нади, братецъ, разрѣшите ей поступить въ институтъ!

Долго и убѣдительно просила деверя тетя Таша. Наконецъ, онъ сдался. Послѣдній аргументъ о возможности дарового ученія для дочери повліялъ больше всего. Перспектива платить за дочь изъ своего скромнаго пятидесяти-рублеваго жалованья въ другое учебное заведеніе настолько страшила Ивана Яковлевича при другихъ существенныхъ вопросахъ жизни, что поступленіе Нади на казенный счетъ нѣсколько успокоило его.

— Смотрите только, чтобы бѣды изо всего этого не вышло, сестрица, — уже сдаваясь, говорилъ онъ свояченицѣ. — Надежду я раскусилъ давно: лѣнивая, нерадивая и пустая дѣвчонка. Богъ вѣсть, какой трухой голову себѣ набиваетъ. Не на радость обучили вы ее, видно, грамотѣ. Намедни книжку у нея отнялъ; не стоющая книжонка, пустая — говоритъ, лавочница дала — о приключеніяхъ какихъ-то, про князей да графовъ. Съ десяти-то лѣтъ себѣ голову какой трухой набиваетъ! За уши я ее выдралъ за это. Пусть-ка попробуетъ еще. А насчетъ института, конечно... Лучше бы, понятно, подождать, когда Шурка подрастетъ; дѣвочка смышленая и воспріимчивая и учиться будетъ хорошо. Шесть лѣтъ еще не минуло, а грамоту разбираетъ по кубикамъ... Что, если бы вмѣсто Нади да ее въ институтъ? А? Что вы на это, скажете, сестрица?

Но «сестрица» думала совсѣмъ иначе. Кому же, какъ не Наденькѣ, этому бѣлокурому ангелу, съ ея манерами переодѣтой принцессы не быть воспитанной и образованной барышней наравнѣ съ аристократками лучшихъ домовъ? Конечно, ей, Надѣ, этой изысканной, изящной дѣвочкѣ, а не мужиковатой Шурѣ необходимо поступить въ привилегированное учебное заведеніе. И, рѣшивъ на этомъ, тетя Таша, заручившись согласіемъ деверя, начала дѣйствовать.

Этотъ разговоръ происходилъ четыре года тому назадъ. Вскорѣ десятилѣтнюю Надю отвезли и помѣстили на казенный счетъ въ Н-скій институтъ. И почти въ первый же годъ ея поступленія, опасенія Ивана Яковлевича оправдались. Надя училась дурно, застревала въ классахъ или переходила съ переэкзаменовками. Разсѣянная, нерадивая, не желающая учиться, она если и не бросала занятій совсѣмъ, то только изъ боязни заслужить справедливый гнѣвъ отца, передъ которымъ трепетали дѣти. Все свое время Надя отдавала чтенію, чтенію безо всякаго разбора глупыхъ бульварныхъ романовъ, къ которымъ питала слабость съ самаго ранняго возраста. Читала тайкомъ, на урокахъ, въ промежутки между ними, въ дортуарѣ ночью, на прогулкахъ въ институтскомъ саду. Съ поразительною изобрѣ-

тательностью доставала она книги, вымѣнивая ихъ на свою обѣденную порцію сладкаго блюда, на гостинцы, на картинки и учебныя принадлежности. Тетя Таша не разъ убѣждала дѣвочку прекратить это вредное занятіе, совѣтовала ей читать классиковъ или другія полезныя книги, но Надя совсѣмъ не слушала ее. Вообще, Надя мало проявляла послушанія, за послѣдніе годы особенно, и Татьяна Петровна переживала далеко не первое разочарованіе по поводу занятій и поведенія ея любимицы, но несмотря на это не переставала любить дѣвочку болѣзненно сильной любовью.

— Наденька!

Тетя Таша широко раскинула руки и обняла свою любимицу. Потомъ, отстранивъ ее отъ себя, долго вглядывалась въ тонкое блѣдное личико.

— Похудѣла, какъ будто, Надюша, щечки стали что-то прозрачнѣе. Да и глазки невеселые. Что съ тобою? Случилось что? — И добрые глаза тети вглядываются съ тревогою въ черты дѣвочки.

Надя ежится. Ей непріятны эти слишкомъ бурныя, по ея мнѣнію, выраженія родственныхъ чувствъ на глазахъ всего пріема. Вонъ, на нихъ смотритъ сейчасъ генералъ Ртищевъ, съ дочерью котораго, Наточкой, Надя учится въ одномъ классѣ. И сама Наточка глядитъ сюда и какъ будто усмѣхается по

поводу нѣжной родственной сцены. Вонъ баронесса Шталь, мать этой насмѣшницы Даси, тоже направляетъ въ ихъ сторону свой черепаховый лорнетъ. Надѣ кажется, что всѣ глядятъ на нее съ теткой и удивляются несдержанности и безтактности послѣдней.

А тетя Таша ничего и никого не замѣчаетъ, рѣшительно никого, кромѣ своей ненаглядной Наденьки и говоритъ, говоритъ безъ умолку. Она цѣлую недѣлю не видѣла своей любимицы и теперь ей есть о чемъ разспросить Надю, есть что ей поразсказать. Дома у нихъ уйма новостей. Сереженька еще одинъ урокъ досталъ за шесть рублей въ мѣсяцъ. Клавдія отъ какой-то генеральши очень выгодный заказъ получила. А Шурѣ новые сапоги купили, желтые съ помпончиками (цвѣтные на лѣто выгоднѣе: пыли такъ не принимаютъ, какъ черные). А у кошки Машки котятки родились, всѣхъ роздали, одного только себѣ оставили — черненькій, съ бѣлымъ пятнышкомъ на лбу, такой забавный! Вотъ пріѣдетъ на лѣтніе каникулы Надя, сама увидитъ, что за прелесть коташка. Тетя Таша увлекается, какъ дѣвочка, разсказывая все это. Но мысли Нади далеки отъ ея разсказовъ, такъ же далеки, какъ и сѣрые разсѣянные глаза дѣвочки, не видящіе ни тети Таши, ни посѣтителей и посѣтительницъ ин-

ститутскаго пріема. И не слышитъ Надя ни слова изъ всего того, что ей разсказываетъ тетка. Какое ей дѣло, въ сущности, до уроковъ Сергѣя, до желтенькихъ ботинокъ Шурки, до кошки Машки съ ея котятами. Все это — проза, будни жизни... А она, Надя, рождена для праздника, для сказки, для роскоши и довольства, для той жизни, о которой написано въ романахъ, которые она проглатываетъ съ такимъ увлеченіемъ. О, какъ хороша та жизнь, про которую пишутъ въ книгахъ! Жизнь, похожая на волшебную сказку! Всѣ эти графы, герцогини, принцессы; всѣ эти праздники, обѣды, рауты, балы, охоты, дуэли... Всѣ эти хитросплетенныя интриги, неожиданности и случайности, надъ которыми такъ колотится и замираетъ сердце.

— Ахъ, кто это такой? Не самъ ли герцогъ Альфредъ вошелъ въ залу? Онъ, конечно, онъ...

Надя вздрагиваетъ отъ восторга и неожиданности и долго смотритъ на высокаго, тонкаго юношу, появившагося на порогѣ пріемной. Потомъ сразу падаетъ съ неба. Увы! Какой же это герцогъ? Это только Миша Боярцевъ, братъ ея одноклассницы, Лили Боярцевой. Да.

А та высокая дама въ траурѣ, можетъ быть, это — графиня Ада послѣ смерти убитаго на дуэли жениха-герцога? И опять не то. Опять вмѣсто вол-

шебныхъ грезъ скучная проза. Высокая «черная» дама — извѣстная всему институту, бывшая здѣшняя воспитанница, явившаяся на пріемъ къ младшей сестренкѣ.

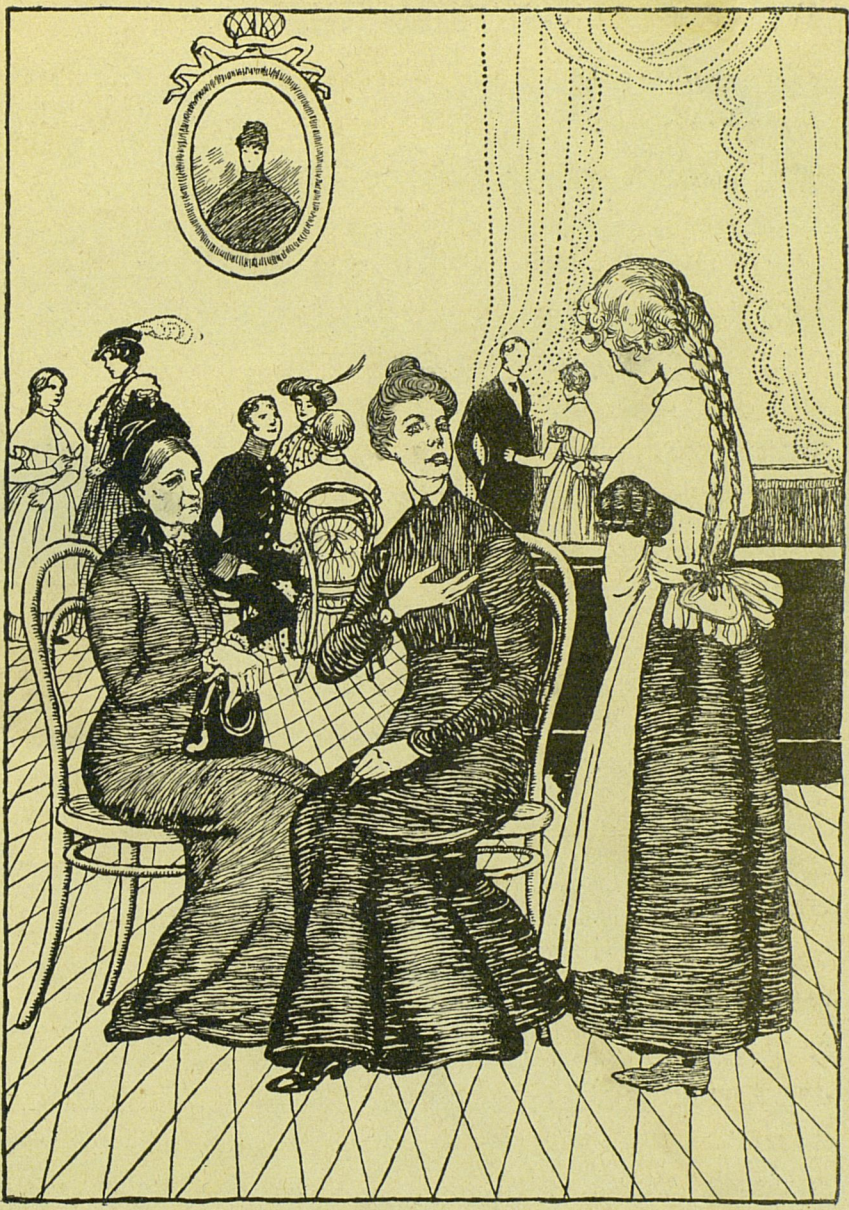
Настроеніе Нади совсѣмъ падаетъ. Она отвѣчаетъ невпопадъ на вопросы тетки. Въ головѣ уже работаетъ иная тревожная мысль: что если тетя Таша «отличилась» снова сегодня и, чего добраго, опять притащила эти ужасные фунтики шоколада-лома, какой-то мѣщанской карамели и грошевыхъ апельсиновъ, отъ которыхъ сводитъ ротъ и набиваетъ оскомину... Вѣдь раскрыть нельзя пакета при Наточкѣ Ртищевой, Лили Боярцевой, баронессѣ Шталь, которымъ родные приносятъ на пріемъ самыя изысканныя лакомства, дорогіе фрукты, конфекты, торты и которыя въ тайникахъ своихъ душъ, конечно, смѣются надъ мѣщанскими гостинцами Нади. Какой позоръ! Какая гадость — эта бѣдность, эти грошевыя приношенія, все это ничтожество и мѣщанство!

Надя такъ уходитъ въ свои думы, что не замѣчаетъ приближенія Варвары Павловны и только тогда, когда классная дама уже здоровается съ тетей Ташей, дѣвочка неожиданно видитъ ее и вскакиваетъ со скамейки. Густая краска румянца заливаетъ теперь лицо Нади. И въ лицѣ самой

тети Таши смущеніе. Появленія m-lle Студенцовой бываютъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и никогда не приводятъ къ добру.

Такъ и есть. Варвара Павловна садится около тети Таши и начинаетъ разсказывать самыя непріятныя вещи про ея любимицу.

— Надежда Таирова совсѣмъ не учится, не хочетъ учиться, не готовитъ уроковъ. Читаетъ слишкомъ много и въ неурочное время. Два раза у нея уже отбирали книжки, оказались совсѣмъ не отвѣчающими ея возрасту романами. Этого допускать нельзя. Всѣ учителя жалуются на нее. Всѣ недовольны ею. Она такъ разсѣяна, такъ невозможно разсѣяна и лѣнива. И изъ рукъ вонъ слаба въ успѣхахъ. Вчера опять получила двойку съ минусомъ и единицу. А вѣдь она — второгодница, на третій годъ ее, ни подъ какимъ видомъ, оставить въ классѣ нельзя. Безспорно ей грозитъ исключеніе, если она не возьметъ себя въ руки и не подтянется во время экзаменовъ. Казна не намѣрена платить за нерадивыхъ ученицъ, тѣмъ болѣе, что на ихъ мѣста есть столько прилежныхъ, жаждущихъ учиться. Конечно, Татьяну Петровну всѣ знаютъ здѣсь, помня ея безпорочную службу, но, тѣмъ не менѣе, нельзя же дѣлать исключенія, согласитесь сами, во вредъ дѣлу...



— Она такъ разсѣяна, такъ невозможно разсѣяна и лѣнива...

И долго-долго еще говоритъ на эту тему Варвара Павловна.

Безмолвно, съ растерянным выраженіемъ лица, съ яркими пятнами волненія на щекахъ, слушаетъ ее тетя Таша. Добрые сѣрые глаза устремлены съ молящимъ выраженіемъ въ суровое лицо классной дамы.

И сама Надя какъ будто смущена на этотъ разъ. Ей кажется, что всѣ на нее смотрятъ, что весь «пріемъ» догадывается о томъ, что говоритъ классная дама. О, какъ искренно хочется провалиться сейчасъ сквозь землю! Какъ стыдно ей, Надѣ, какъ мучительно стыдно сейчасъ!

Спасительный звонокъ, возвѣщающій о концѣ пріема, внезапно прекращаетъ эту пытку. Облегченный вздохъ вырывается изъ груди дѣвочки. Классная дама уходитъ. Тетя Таша, взволнованная, красная, встаетъ со своего мѣста, беретъ обѣ руки Нади въ свои и смотритъ на дѣвочку испуганнымъ, полнымъ укора и слезъ, взглядомъ.

— Наденька, какъ же это такъ, родная? — шепчетъ она растерянно, — что же это такое будетъ у насъ? Подтянись хоть на время экзаменовъ, Надя. Брось свои книжки, брось вздорныя мысли. Вѣдь, не дай Богъ, исключатъ — куда ты дѣнешься? Папаша разсердится, въ ремесло отдастъ. Ахъ,

мыслимо ли это! Ты, — моя Надя, нѣжная, хрупкая и вдругъ — портниха! Вѣдь убить тебя тяжелый трудъ можетъ! Такъ постарайся же, Наденька, какъ-нибудь. — И голосъ маленькой женщины звенитъ слезами.

Надя сконфужена, смущена. А бѣлокурую головку сверлитъ одна и та же мысль:

— Скорѣе бы кончилось это непріятное прощаніе, скорѣе бы уходила тетка домой.

Слава Богу, конецъ. Поцѣловала, перекрестила и спѣшитъ къ дверямъ зала. Теперь можно итти въ классъ, забиться тамъ въ излюбленный уголокъ за доскою и грезить до обѣда, грезить надъ раскрытой страницей безъ конца, безъ конца...

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Что за роскошный, чарующій уголокъ между густо разросшимися кустами сирени отыскала себѣ Надя въ большомъ институтскомъ саду! Сюда никто не заглянетъ. Заросли кустовъ такъ плотны, что сквозь зеленую живую стѣну при всемъ желаніи нельзя разсмотрѣть тонкую фигурку въ камлотовомъ платьѣ и въ бѣлой пелеринкѣ и передникѣ. Да и въ голову никому не придетъ смотрѣть, кто притаился здѣсь въ зеленой чащѣ. Завтра экзаменъ исторіи у пятаго класса и «свои», пятиклассницы, заняты усердной къ нему подготовкой. Семь экзаменовъ уже сошли, остается восьмой, послѣдній и са-

мый страшный. Михаилъ Михайловичъ Звонковскій, преподаватель русской и общей исторіи, справедливъ, но строгъ и требуетъ знанія «на зубокъ», какъ говорится, своего предмета. Поэтому, къ его экзамену воспитанницы готовятся съ особеннымъ усердіемъ, зная, что здѣсь о поблажкахъ и снисхожденіи не можетъ быть и рѣчи и что «Мишенька» рѣжетъ безжалостно, не взирая ни на что.

Вотъ почему самымъ добросовѣстнымъ образомъ нынче учатся въ классѣ, учатся по ночамъ въ дортуарѣ, учатся въ саду.

Май въ этомъ году стоитъ удивительный. Небо лазурно и прозрачно, словно на югѣ. Бѣлыя гряды облаковъ красиво и медлительно-важно плывутъ по бирюзовому фону. Солнце играетъ, шутитъ, смѣется, выглядывая изъ своего ажурнаго дворца. Зеленые побѣги такъ бархатисты и свѣжи по-весеннему. А на гибкихъ вѣтвяхъ сирени повисли лиловыя и бѣлыя гроздьи одуряюще-вкусно пахнущихъ цвѣтовъ.

Надя лежитъ, растянувшись во всю длину на молодой зеленой муравѣ, собравъ жгутикомъ передникъ, чтобы не запачкать его случайно зеленью и обернувъ его вокругъ таліи. Бѣлую пелеринку она сбросила съ плечъ и повѣсила на вѣтку куста. Въ правой рукѣ лиловая кисть сирени, въ лѣвой — учебникъ русской исторіи, другой, по всеобщей, брошенъ

на траву. Но глаза дѣвочки устремлены не въ книгу, и мысли Нади дальше, чѣмъ когда-либо, отъ экзаменовъ, занятій, отмѣтокъ и всей прочей институтской «прозы», какъ она называетъ дѣйствительную жизнь. Глаза устремлены въ зеленую заросль кустовъ, въ самую чащу и Надя забываетъ весь міръ въ эти минуты, забываетъ предыдущіе неудачные экзамены, забываетъ «провалъ» по ариѳметикѣ, переэкзаменовку по-нѣмецки и по-русски. Забываетъ и слова начальницы, строгой, сдержанной, всегда ровной въ обращеніи со всѣми воспитанницами баронессы Х. послѣ неудачнѣйшаго изъ отвѣтовъ Нади во время русскаго экзамена, отмѣченнаго полученіемъ дѣвочкою злосчастной двойки:

— Тебѣ будутъ три переэкзаменовки, Таирова, въ томъ только случаѣ, если ты выдержишь экзаменъ по исторіи. Иначе, не взыщи, твоей тетѣ придется взять тебя изъ нашего учебнаго заведенія. Смотри же, готовься къ исторіи особенно прилежно, твое положеніе весьма серьезно, помни это хорошенько.

Къ чести Нади сказать, что слова эти смутили дѣвочку. Но не надолго, однако, смутили онѣ ее.

Дня за три до рѣшительнаго экзамена она увидѣла на постели дортуарной дѣвушки Маши небольшую затрепанную книжонку и въ какой-нибудь часъ времени одолѣла ее. Такой книжки ей еще не при-

ходилось читать. Всѣ прочитанныя ею прежде померкли передъ этимъ сказочнымъ, захватывающимъ романомъ, гдѣ описывалась жизнь какой-то красавицы-принцессы, похожая на волшебную сказку, полная превратностей судьбы и самыхъ изумительныхъ случайностей, словомъ, та самая жизнь, о которой такъ сладко грезила въ своихъ мечтахъ Надя.

И сейчасъ она вся еще находится подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. И грезитъ имъ на яву.

Вотъ раздвигаются кусты сирени и изъ зеленой заросли показывается высокая стройная фигура дѣвушки. На ней бархатный беретъ съ плюмажемъ и дорогой нарядъ, приспособленный для верховой ѣзды. У красныхъ каблучковъ — серебряныя шпоры. На тонкихъ аристократическихъ рукахъ перчатки; въ одной изъ нихъ она держитъ хлыстъ съ серебряной рукояткой. А лицо ея знакомо, очень знакомо Надѣ... Бѣлокурые волосы выбиваются изъ-подъ берета. Сѣрые глаза радостно щурятся. Счастливая улыбка не сходитъ съ капризныхъ губъ.

Да вѣдь это она сама, Надя: ея лицо, ея манеры, хотя на ней и надѣтъ этотъ роскошный костюмъ, измѣнившій ее до неузнаваемости; этотъ костюмъ говоритъ за то, что она только что примчалась съ турнира, даннаго въ честь дочери королемъ-отцомъ. На турнирѣ храбрѣйшіе рыцари прославляли

въ бою ея имя, имя принцессы Изольды. А вечеромъ будетъ балъ, на которомъ она встрѣтитъ нынѣшняго побѣдителя турнира. Она оставила ему свой первый гавотъ, она будетъ танцовать съ нимъ весь вечеръ, она знаетъ, что скоро онъ будетъ ея мужемъ, что герольды отца уже ѣздятъ по столицѣ и извѣщаютъ народъ о ея помолвкѣ съ герцогомъ-побѣдителемъ. Ее ждетъ впереди безграничное счастье.

Но что это? Почему вдругъ померкли сѣрые глаза принцессы? Кто это ползетъ тамъ въ кустахъ? Змѣя? Тигръ? О, нѣтъ, нѣтъ! Кто этотъ темный, грубый человѣкъ со зловѣщей улыбкой? О, это онъ, злодѣй Раймундъ, когда-то изгнанный королемъ-отцомъ изъ ихъ королевства за тяжкую провинность и теперь жаждущій мщенія. Его мысли темнѣе его лица, онъ весь горитъ жаждой отмстить королю и его дочери за свое изгнаніе. Какой коварный планъ онъ замыслилъ теперь: похитить принцессу, увезти ее въ свой замокъ и жениться помимо ея воли на ней. Это онъ, злодѣй и преступникъ, крадется въ кустахъ, ползетъ, припадая къ землѣ, какъ разбойникъ, какъ ночная тать... Еще минута и дѣвушка въ бархатномъ беретѣ очутится въ его рукахъ.

— Ахъ!

Лицо Нади, не принцессы Нади-Изольды, а настоящей скромной институтской Нади мгновенно

обливается румянцемъ неожиданности и испуга. Какой ужасъ! Вмѣсто бѣлокурой принцессы и страшнаго «мстителя» среди зелени кустовъ появляется Варвара Павловна Студенцова.

— А вы опять размечтались, Таирова, опять не учитесь? — звучитъ знакомый Надѣ, (о, какой знакомый!) голосъ. — Должно быть, хотите, чтобы васъ исключили изъ института? Ну, что жъ, до этого уже недалеко. Ваше желаніе, конечно, будетъ удовлетворено. Искренно сожалѣю вашу достойную, уважаемую тетушку. Искренно сочувствую ей... Имѣть въ домѣ такую лѣнтяйку! И потомъ, что это у васъ за поза? Лежать на землѣ, когда есть скамейка... И зачѣмъ вы смяли передникъ? Зачѣмъ сбросили пелеринку? Какое вы имѣете право такъ небрежно относиться къ казенному имуществу?

Варвара Павловна смотритъ въ лицо Нади недовольнымъ, суровымъ взглядомъ. Краска негодованія заливаетъ ея лицо.

Сконфуженная, пристыженная дѣвочка поднимается съ травы. Ея передникъ, дѣйствительно, смятъ, волосы растрепаны, пелеринка виситъ на вѣткѣ. Смущенная улыбка застыла на лицѣ. Эта несчастная улыбка даетъ поводъ къ негодованію классной наставницы.

— Какъ вы смѣете смѣяться, когда вамъ дѣлаютъ выговоръ? За этотъ смѣхъ вы будете наказаны.

И такъ какъ Надя все еще молчитъ смущенная, Варвара Павловна беретъ ее за руку и выводитъ на дорожку.

— Ступайте въ классъ, садитесь на ваше мѣсто и извольте заниматься серьезно. Я вижу, что въ саду вы не можете учиться совсѣмъ.

Ночь... Окна дортуара, несмотря на строгое запрещеніе начальства, открыты настежь. Нестерпимо душна майская ночь. Сиреневыя деревья подъ окнами пахнутъ одуряюще сильно... Какой пряный, вяжущій ароматъ!

Въ дортуарѣ кишитъ жизнь, несмотря на позднее, ночное время. Благодаря бѣлой сѣверной ночи мая, здѣсь свѣтло, какъ днемъ. Пятиклассницы небольшими группами расположились у оконъ и усердно затверживаютъ имена, названія и года по учебникамъ исторіи.

Особенно года, хронологію. «Мишенька» исключительно требователенъ и строгъ въ отношеніи послѣдней. Бѣда перепутать у него лѣта царствованія того или другого царя или же періоды войны и со-

бытій. Особенно взыскателенъ онъ почему-то ко всему, что касается Греціи въ общемъ и Пуническихъ войнъ въ частности. О, ужъ эти Пуническія войны! Къ нимъ Михаилъ Михайловичъ чувствуетъ какое-то исключительное, ничѣмъ необъяснимое тяготѣніе и чуть ли не каждую экзаменующуюся спрашиваетъ на экзаменѣ о той или другой Пунической войнѣ.

Наточка Ртищева, «генеральша», какъ ее называютъ въ классѣ, клюетъ вздернутымъ носикомъ надъ учебникомъ исторіи у себя въ «промежуткѣ», то-есть въ узенькомъ проходѣ между своей кроватью и кроватью сосѣдки. Зажавъ уши, чтобы не слышать жужжанье подругъ, шопотомъ лепечущихъ пройденное, Наточка изрекаетъ, какъ Пиѳія съ треножника, раскачиваясь изъ стороны въ сторону на своей табуреткѣ, цифры за цифрами, имена за именами.

Гдѣ-то неподалеку въ коридорѣ пробило три. Скоро утро. А она еще семи билетовъ не знаетъ изъ сорока. Какой ужасъ! Неужели провалъ? Съ нескрываемой завистью оглядывается Наточка на тѣхъ счастливицъ, которыя прошли уже всю программу на завтра и пользуются сейчасъ вполнѣ заслуженнымъ отдыхомъ и ужъ, конечно, проснутся съ бодрымъ сердцемъ и свѣжею головою. Счастливая эта Лилька Боярцева, — вызубрила всѣ билеты и теперь

храпитъ, раскрывъ съ блаженнымъ выраженіемъ свой пухлый ротъ. А вонъ Дася Шталь встаетъ, потягиваясь, съ пола, на которомъ сидѣла поверхъ теплаго пледа и идетъ, сладко позѣвывая, ложиться въ постель.

— Всѣ билеты прошла? — завистливо спрашиваетъ Наточка.

— Всѣ, конечно, — радостно бросаетъ Дася.

И опять сердце бѣдной Наточки вздрагиваетъ завистливымъ чувствомъ.

— Mesdames, кто знаетъ про битву въ Ѳермапильскомъ ущельѣ и можетъ разсказать? — неожиданно раздается чей-то повышенный шопотъ.

Это Саша Гурвина. Она считается одною изъ слабыхъ ученицъ.

— Вотъ святая наивность! Спроси у учебника, онъ лучше всѣхъ знаетъ, — отвѣчаетъ кто-то изъ «зубрящихъ», въ то время какъ другія продолжаютъ священнодѣйствовать, не отрываясь отъ книги.

— Не могу: страницы нѣтъ. Какъ разъ вырвана на этомъ мѣстѣ страница, — жалобнымъ голосомъ стонетъ Саша.

— Бѣдняжка, ступай сюда. Я тоже сейчасъ на Греціи... Будемъ каждая про себя читать по одной книгѣ. Только, чуръ, уговоръ дороже денегъ, не жужжи, а одними глазами читай, безъ шопота.

— Хорошо, душка моя, хорошо, не буду! Спасибо...— и босыя ножки Саши замелькали по направленію Мани Златомиримовой, самой отъявленной «зубрилки» на институтскомъ языкѣ, очень комфортабельно устроившейся на подоконникѣ огромнаго дортуарнаго окна. Теперь вмѣсто одной закутанноі въ теплый платокъ дѣтской фигурки на окнѣ выросли двѣ. Книжка лежитъ на колѣняхъ Мани. Она — хозяйка и не хочетъ стѣснять себя. Гостья же только бочкомъ заглядываетъ въ раскрытую страницу.

А короткая весенняя ночь уже выводитъ на далекомъ небѣ первые предразсвѣтные узоры.

Надя Таирова, притаившаяся на другомъ дортуарномъ окнѣ съ учебникомъ на колѣняхъ, съ удивленіемъ замѣчаетъ розовую полосу зари, опоясавшую небо. Боже, какъ скоро промчалась эта ночь! Все казалось, что до утра еще далеко. А какъ прекрасны были ея ночныя грезы нынче! Какое дивное настроеніе давалъ этотъ блѣдный, призрачный свѣтъ. Какъ рельефно переживались въ воспоминаніяхъ картины и образы прочитаннаго. Дѣйствительность съ ея скучной прозой отошла далеко-далеко и дѣвочкѣ въ эту ночь кажется снова, что не Надя она, не Надежда Таирова, воспитанница пятаго класса Н-скаго института, которой суждено

держать послѣдній, рѣшительный экзаменъ завтра, а принцесса, плѣнница какого-то таинственно заколдованнаго замка, плѣнница злого чародѣя-чудовища, который держитъ ее за семью затворами высокой башни. А тамъ, внизу, герои-рыцари осаждаютъ замокъ, пытаясь освободить принцессу изъ плѣна... Но высока, неприступна башня, крѣпки затворы замка, далеко имъ до терема плѣнницы. Самъ колдунъ о семидесяти драконовыхъ головахъ стережетъ входъ въ башню, не допускаетъ освободителей проникнуть въ свой волшебный чертогъ. Плѣнница знаетъ, однако, въ чемъ ея спасенье: ей необходимо первый взглядъ проснувшагося добраго чародѣя-солнца. Если первый взглядъ его золотыхъ очей упадетъ на нее — она спасена; тогда рухнутъ злые чары, падутъ сами собой крѣпкіе затворы, ослабѣетъ драконъ-чудовище, и смѣлые рычари проникнутъ въ башню. Вотъ уже скоро-скоро поднимется съ голубой постели прекрасный добрый волшебникъ. Алое пламя зари уже залило небо... Надя смотритъ туда большими, остановившимися отъ ожиданія глазами, и душа ея трепещетъ и сердце бьется частыми-частыми ударами... Сейчасъ-сейчасъ поймаетъ она первые брызги золотыхъ лучей!

— Таирова, ты кажется спишь съ открытыми глазами? Вотъ смѣшная! Ха, ха, ха!

Какъ несносна эта Софи Голубева. Какое ей дѣло до Нади? Что ей надо отъ нея? Она своимъ неожиданнымъ смѣхомъ нарушила очарованье, прогнала грезы, прекратила волшебную сказку.

— Мильтіадъ при Мараѳонѣ... Мильтіадъ при Мараѳонѣ... При Мараѳонѣ, при Мараѳонѣ, при Мараѳонѣ...— совершенно безсознательно начинаетъ твердить Надя, поднимая къ самому лицу книгу и закрываясь ею отъ подруги.

А утромъ, когда заливается, поетъ звонокъ въ коридорѣ, безжалостно прерывающій особенно сладкіе сны институтокъ, Надя съ пустой головой и разбитымъ отъ безсонницы тѣломъ, лѣниво и апатично одѣвается, чтобы итти на молитву. Изъ сорока билетовъ по курсу исторіи она знаетъ только первые пятнадцать да и то съ грѣхомъ пополамъ.

Длинный, крытый зеленымъ сукномъ экзаменаціонный столъ, выдвинутый на середину класса, уже самъ по себѣ говоритъ за торжественность случая.

Пятый классъ весь въ сборѣ. Воспитанницы еще задолго до звонка, возвѣщающаго о времени экзамена, сидятъ на своихъ мѣстахъ и, спѣшно перелистывая страницы «курса», наскоро пробѣгаетъ въ памяти пройденное.

Надя тоже, для «очистки совѣсти», беретъ учебникъ. Пуническія войны еще туда сюда, она съ грѣхомъ пополамъ кое-какъ помнитъ. Но что идетъ дальше — все уже перепуталось въ головѣ. Про русскую же исторію и говорить нечего. Всѣ эти удѣльные князья—какая путаница, какой сумбуръ!.. А потомъ Иваны... Иванъ Калита, Иванъ Третій, Иванъ Грозный... И кто такой Калита? И почему Калита? Какое странное названіе... А татарское иго? Про иго она совсѣмъ плохо помнитъ... Былъ Мамай, былъ Батый... И кого-то ослѣпили... И будетъ двойка въ лучшемъ случаѣ, а потому только, что единицъ не принято ставить на экзаменаціонныхъ испытаніяхъ, только поэтому...

Звонокъ. Всѣ встаютъ. Всѣ кланяются.

— Nous avons l'honneur de vous saluer, madame la baronne! (Имѣемъ честь здороваться съ вами, госпожа баронесса) — дружнымъ хоромъ восклицаютъ дѣвочки.

Входитъ начальница, инспекторъ классовъ, «свой» преподаватель, чужіе учителя-ассистенты, назначенные на экзаменъ и въ ихъ числѣ «Мишенька».

Еще не старый годами, но болѣзненный и старообразный, съ подагрическими ногами, Михаилъ Михайловичъ Звонковскій кажется особенно озабоченнымъ и суровымъ сегодня. То и дѣло своими нерв-

ными пальцами онъ пощипываетъ маленькую жидкую бородку съ пробивающейся на ней сѣдиной. Михаилъ Михайловичъ не можетъ не волноваться. По его мнѣнію, пятый классъ слишкомъ мало преуспѣваетъ по исторіи и совсѣмъ уже не имѣетъ понятія о хронологіи. А между тѣмъ онъ, Звонковскій, усерднѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ занимался съ этимъ классомъ.

Экзаменъ начинается, по разъ навсегда заведенному правилу, общей молитвой. Всѣ воспитанницы поднимаются, какъ одинъ человѣкъ, со своихъ мѣстъ и выстраиваются въ промежуткахъ между скамейками. Дежурная по классу звонкимъ голосомъ читаетъ раздѣльно «Преблагій Господи...» Потомъ всѣ снова садятся, начальство — вокругъ зеленаго стола, воспитанницы — на своихъ партахъ.

— Арсеньева, Аргенсъ, Бѣляева, Бобринцева... — громко произноситъ инспекторъ классовъ, глядя въ журналъ.

Маленькая Арсеньева съ испуганнымъ лицомъ бросается къ столу.

Михаилъ Михайловичъ чуть замѣтно улыбается дѣвочкѣ ободряющей улыбкой. О, за эту ему нечего бояться: она на двѣнадцать балловъ знаетъ предметъ, а вотъ Бобринцева такъ можетъ смутить своими познаніями кого угодно... Веселая проказ-

ница-толстушка со смѣющимися глазами и ямками на щекахъ развязно несетъ какую-то чепуху о Карѳагенскихъ войнахъ и Александрѣ Македонскомъ и такъ быстро при этомъ, что за нею трудно услѣдить.

— Позвольте, позвольте... — не выдержавъ, останавливаетъ инспекторъ классовъ Варю, — не такъ скоро, не такъ скоро, я ничего не могу разобрать...

Но та уже несется на всѣхъ парахъ безъ удержу, сыпя первыми попавшимися въ голову именами, цифрами, названіями мѣстъ и городовъ.

Вереніусъ, Вартышевская, Голубева... — продолжаетъ вызывать инспекторъ.

Мишенька, съ лицомъ покрывшимся пятнами волненія во время отвѣтовъ Вари Бобринцевой, теперь облегченно вздыхаетъ. Добросовѣстная шведка Вереніусъ и одна изъ лучшихъ ученицъ пятаго класса Софья Голубева безспорно отличатся своими отвѣтами и загладятъ предыдущіе, онъ это знаетъ хорошо.

Такъ и есть: обѣ дѣвочки отвѣчаютъ прекрасно. Баронесса улыбается довольной улыбкой; инспекторъ одобрительно киваетъ головой; лица ассистентовъ проясняются.

— Дарлингъ, Дмитріева, Звонарева...

Надя Таирова, словно сквозь сонъ, слышитъ произносимыя фамиліи своихъ одноклассницъ, такія знакомыя и незнакомыя въ одно и то же время. Вслушивается въ ихъ отвѣты, ловитъ то или другое названіе, годъ или имя и обливается потомъ отъ волненія и страха.

— Нѣтъ, такъ, какъ онѣ, она не сумѣетъ отвѣтить никогда. Китайскою грамотою кажутся ей всѣ эти года событій и войнъ древности съ ихъ героями. Никогда она не запомнитъ въ точности ни одного изъ нихъ. Никогда.

— Мильтіадъ при Мараѳонѣ... Ѳермапильское сраженіе... Ахъ Ты, Господи, и когда все это было? Когда?

А экзаменъ приближается, между тѣмъ, къ концу. Добрая половина класса уже вызвана въ алфавитномъ порядкѣ. Все больше и больше прибавляется спрошенныхъ. Воспитанницы съ красными, взволнованными лицами, одна за другою возвращаются отъ зеленаго стола и снова помѣщаются за своими партами.

Однѣ — удовлетворенныя, счастливыя вслѣдствіе удачнаго отвѣта, другія — встревоженныя, съ безпокойнымъ выраженіемъ глазъ.

Миновали уже буквы к, л, м, н... Скоро придетъ очередь Нади... Машинально перебираетъ дѣвочка

страницы учебника и ничего не можетъ понять; строки сливаются со строками; въ головѣ сумбуръ; въ ушахъ звонъ отъ безсонной ночи и въ мысляхъ не удерживается ничего, совсѣмъ какъ рѣшето стала голова Нади, самыя дикія мысли мелькаютъ сейчасъ въ ея мозгу.

— Что за лицо у инспектора? Какъ онъ похожъ на отца герцога Адольфа, а «Мишенька» — на того кастеляна замка, который похитилъ брилліантовое колье герцогини... Ну, конечно на него, вотъ только бы наклеить ему большую бороду и...

— Госпожа Таирова, Тонская, прошу... — откуда-то издалека-издалека звучитъ голосъ инспектора.

Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, Надя быстро поднимается и идетъ къ зеленому столу. На сукнѣ лежатъ раскинутые красивымъ вѣеромъ экзаменаціонные билеты. Тонкая трепещущая дѣтская рука протягивается къ ближайшему.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... — шепчетъ Надя обычную школьную молитву, помогающую, по убѣжденію институтокъ, во всѣхъ страшныхъ и трудныхъ случаяхъ жизни, и лѣвой рукой незамѣтно крестится подъ пелериной въ то время, какъ правая уже несетъ невѣдомый билетъ.

— Господи, помоги, чтобы изъ перваго десятка, изъ перваго, изъ перваго...—одними губами беззвучно шевелитъ Надя и, вспыхнувъ до ушей, переворачиваетъ къ себѣ лицевой стороной билетъ.

— Пятнадцатый...—говоритъ, какъ будто не она сама, а кто-то иной, чужимъ незнакомымъ голосомъ. —Пятнадцатый... все кончено... она пропала!.. Въ билетѣ стоитъ: по древней исторіи — Периклъ и украшенія Аѳинъ; по русской — Іоаннъ III-ій, его княженіе. Про Перикла Надя помнитъ кое-что, совсѣмъ смутно и вотъ это-то обстоятельство безспорно погубитъ дѣло. Можетъ быть, кое-какъ еще выручитъ Іоаннъ? Она недавно читала про него въ какомъ-то историческомъ романѣ. Правда, тамъ больше описывались похожденія какой-то цыганки-колдуньи, но было кое-что и про царя. Она, Надя, запомнила это «кое-что» и можетъ быть сумѣетъ разсказать экзаменаторамъ. Можетъ быть дѣло еще не такъ плохо обстоитъ; въ сущности и одинъ изъ Іоанновъ, которыхъ такъ боялась Надя, выручитъ Перикла на этотъ разъ.

— Помяни, Господи, царя Давида...—одними губами, побѣлѣвшими отъ волненія, лепечетъ Надя.

— Ну-съ, госпожа Таирова, извольте начинать,— и глаза «Мишеньки» устремляются въ лицо дѣвочки пытливымъ вопрошающимъ взглядомъ. Онъ точно

насквозь видитъ мысли своей ученицы и вѣроятно уже заранѣе увѣренъ въ неудовлетворительномъ отвѣтѣ дѣвочки.

Такъ не дастъ же она, Надя, ему торжествовать! Ни ему, Мишенькѣ, никому! Надо только быть храброй и смѣлой, какъ герцогиня Аделаида, какъ принцесса Изольда, какъ всѣ тѣ дѣвушки, которыхъ она такъ много знаетъ и которымъ поклоняется въ глубинѣ души.

— Мы ждемъ. Итакъ, что вы можете сказать про Перикла? — спрашиваетъ чужой преподаватель-ассистентъ, поднимая глаза на воспитанницу.

Надя густо краснѣетъ, потомъ блѣднѣетъ сразу. Что-то словно ударяетъ ей въ голову... Сердце стучитъ... руки стискиваются конвульсивно, зажавъ въ пальцахъ смятую бумажку съ номеромъ билета.

— Периклъ... Периклъ... Онъ былъ... онъ былъ очень смѣлый... онъ былъ очень храбрый... и украшалъ Спарту... Нѣтъ, не Спарту, а Аѳины и носилъ на плечахъ хорошо задрапированный плащъ... И греки ему за это поставили статую... — лепетала Надя, краснѣя снова до ушей, до корней волосъ и до тонкой дѣтской шеи.

— Хорошо-съ, все это такъ, но слишкомъ уже сжато. Необходимо указать пространнѣе заслуги Перикла передъ Греціей, — звучитъ убійственно спо-

койно и совсѣмъ уже не въ интересахъ Нади вопросъ Звонковскаго, въ то время какъ тонкая, все понимающая улыбка играетъ на его губахъ.

Надя молчитъ. На что она можетъ указать? На какія заслуги Перикла? Ничего она не можетъ указать, рѣшительно ничего. Что она аѳинянка, что ли, что должна восторгаться заслугами передъ родиной какого-то противнаго грека?

И Надя готова расплакаться отъ горя и острой ненависти не то къ Периклу, не то къ «Мишенькѣ», заставляющему ее такъ подробно заниматься дѣлами Перикла. Она молчитъ, попрежнему до боли, до судорогъ въ пальцахъ, сжимая руки.

— Ну, въ древней исторіи вы недостаточно, какъ видно, компетентны, госпожа Таирова. Перейдемъ къ русской, — говоритъ снова чужой преподаватель-ассистентъ.

Словно гора падаетъ съ плечъ Нади. Слава Богу, ей даютъ возможность поправиться по русской, если по древней провалъ, а она и не надѣялась на такого рода снисхожденіе. Ну, романъ про колдунью-цыганку, вывози! — проносится въ ея головѣ, какъ птица встрепенувшаяся мысль.

Дѣвочка откашливается, поднимаетъ глаза на экзаменующаго и приступаетъ къ отвѣту. Теперь она говоритъ быстро-быстро, такъ и сыплетъ сло-

вами, извергая цѣлый букетъ, цѣлый фейерверкъ самыхъ разнообразныхъ событій изъ устъ.

— Іоаннъ Ш-ій... былъ еще маленькій, когда его мучили бояре. Потомъ онъ бросалъ кошекъ изъ окна... Потомъ людей давилъ на улицѣ и при немъ былъ пожаръ въ Москвѣ и пришелъ Сильвестръ и еще Адашевъ. А потомъ онъ созвалъ опричниковъ, которые съ песьими головами и метлами на сѣдлахъ губили хорошихъ людей изъ бояръ и слушались одного Малюту Скуратова...

Рѣчь Нади, вначалѣ сбивчивая и отрывистая, дѣлается все плавнѣе и послѣдовательнѣе съ каждой минутой. Упомянута Софья Палеологъ и взятіе Сибири. Кажется, все хорошо, повидимому, идетъ. Такъ почему же съ такимъ сожалѣніемъ смотритъ на нее начальница и съ такой насмѣшкой «свой» преподаватель?

Смущенная на мгновенье, она подбодряется, однако очень скоро и съ новымъ жаромъ дѣлаетъ вслухъ открытіе, что Іоаннъ III убилъ собственнаго сына въ запальчивости и умеръ въ мукахъ раскаянія, видя призраки погубленныхъ имъ людей.

Двѣ молоденькія ассистентки-учительницы младшихъ классовъ, не выдержавъ, фыркаютъ въ платки. Фыркаетъ кто-то и изъ подругъ тамъ за спиною

Нади, на партахъ. А у начальницы лицо дѣлается такимъ страдающимъ и утомленнымъ.

— Довольно, да довольно же, госпожа Таирова...— морщась, какъ отъ физической боли, говоритъ «Мишенька», повышая голосъ,—вы все перепутали... Мелькомъ упоминаете про Іоанна III, а подробно разсказываете про Іоанна IV Грознаго, про котораго у васъ въ билетѣ нѣтъ и помина. Простите, но вы совершенно не ознакомлены съ предметомъ. Такими знаніями я удовлетвориться не могу. И, говоря это, Звонковскій отыскиваетъ въ классномъ спискѣ фамилій Надино имя и ставитъ противъ него въ клѣточкѣ жирную двойку.

Пошатываясь, съ подгибающимися колѣнями, Надя возвращается на свое мѣсто. Въ сознаніи мелькаетъ одна только мысль:

— Все кончено... Она провалилась и будетъ исключена.

Исключена.

Съ опухшими отъ слезъ вѣками и красными заплаканными глазами тетя Таша помогаетъ Надѣ одѣваться въ институтской бѣльевой.

Знакомыя свѣтлыя комнаты, сплошь установленныя шкапами съ казеннымъ бѣльемъ воспитанницъ, такъ много говорятъ воспоминаніямъ тети Таши. Здѣсь она проработала болѣе двадцати лѣтъ, надѣясь прослужитъ кастеляншею въ Н-скомъ институтѣ до могилы, но неожиданная смерть старшей сестры перевернула весь строй жизни Татьяны Петровны. Она бросила службу, перешла въ домъ брата воспитывать и няньчить его малышей, оставшихся сиротами послѣ кончины матери. И свою крошечную пенсію тетя Таша всю цѣликомъ отдавала на дѣтей. Деньги,

хотя и маленькія, удобства, хотя и относительныя и служба, кормившая ее и дававшая ей даже нѣкоторый комфортъ,—все было принесено въ жертву семьѣ покойной сестры. А между тѣмъ, самый горячо любимый тетей Ташей членъ этой семьи, ея любимица Надя, чѣмъ она отплатила за всѣ заботы о ней? Дѣвочку исключаютъ за лѣнь, за нерадѣніе. Ее приходится брать домой, помѣщать въ мастерство къ портнихѣ или бѣлошвейкѣ. Ее, Надю, милую, нѣжную, прелестную!

Слезы снова наполняютъ большіе кроткіе глаза тети Таши. Руки ея замѣтно дрожатъ, пока она застегиваетъ крючки на «собственномъ» скромномъ коричневомъ платьѣ Нади.

А вокругъ нихъ толпятся дѣвушки-прислуги. Многихъ изъ нихъ знаетъ тетя Таша, только восемь лѣтъ оставившая службу кастелянши въ бѣльевой. Здѣсь ее любили и уважали за чрезвычайную деликатность, человѣческое обращеніе съ низшими служащими, за ангельскую доброту, и теперь сочувствуютъ несказанно ея горю.

— Что же вы теперь, Татьяна Петровна, дѣлать будете съ барышней вашей, куда ихъ опредѣлять станете?—освѣдомляется краснощекая пожилая Маша, особенно привязанная къ своей бывшей ближайшей начальницѣ.

Тетя Таша вздыхаетъ тяжелымъ вздохомъ въ то время, какъ Надя быстро поворачивается къ сторону служанки и отрывисто отвѣчаетъ за тетку:

— Мнѣ кажется, это васъ не касается, куда я поступлю, — и глаза дѣвочки съ явной недоброжелательностью вызывающе смотрятъ въ лицо служанки.

Маша явно конфузится. Тетя Таша не менѣе ея.

А Надя, прикалывая шляпу, говоритъ черезъ плечо теткѣ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Ну, тетя Таша, я готова. Ѣдемъ.

— А прощаться? Развѣ ты не пойдешь прощаться къ баронессѣ, къ Варварѣ Павловнѣ Студенцовой и къ твоимъ подругамъ? Вѣдь, какъ ни какъ, начальница и классная наставница заботились о тебѣ, оказывали всяческія снисхожденія, а подруги... — начала, было, Татьяна Петровна.

— Снисхожденіе... Ха, ха, ха! Ну и скажете же вы, тетя Таша... Тоже — снисхожденіе!.. То-то и выключили меня изъ-за черезчуръ большого ко мнѣ снисхожденія. Нѣтъ, избавьте ужъ отъ трогательныхъ прощаній. Разъ исключили, такъ значитъ не нуждаются во мнѣ. А разъ не нуждаются...

— Наденька, а подруги какъ же? — удивляется тетя Таша.

— Ахъ, всѣ онѣ эгоистки и насмѣшницы и никакого желанія я не имѣю разыгрывать съ ними трогательную сцену прощанія. Пожалуйста, ѣдемъ поскорѣе, тетя Таша! — уже раздражительнымъ тономъ, нетерпѣливо заключаетъ дѣвочка.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, твое дѣло, не могу неволить тебя... — засуетилась Татьяна Петровна и, кивая направо и налѣво своимъ бывшимъ сослуживицамъ, поспѣшила изъ бѣльевой.

— Надя! Надинъ! Прощай!

Въ полутемномъ коридорѣ трудно различить лицо выскочившей откуда-то изъ-за двери дѣвочки, но Надя узнала сразу Нюту Бѣляеву, ея постоянную и неутомимую поставщицу книгъ, едва ли не такую мечтательницу, какъ сама Надя, единственнаго человѣка, котораго Надя любитъ въ этихъ стѣнахъ. Еще секунда и дѣвочки замираютъ въ объятьяхъ другъ друга.

— Надинъ, милая Надинъ, какъ мнѣ грустно разстаться съ тобою... — съ нѣкоторымъ паѳосомъ говоритъ Нюта. — Мнѣ такъ тебя жаль! Но ты не огорчайся, милая Надинъ, вспомни только: вѣдь и принцессѣ Изольдѣ и герцогинѣ Адѣ и виконтессѣ

Лили — всѣмъ приходилось переживать превратности и они только закаляли ими свои души. А у тебя ихъ натура, Надинъ, ты такая же героиня, какъ и онѣ. И, вотъ увидишь, тебя ждетъ еще много неожиданнаго и интереснаго въ жизни. Вспомнишь меня всякій разъ, что слова мои будутъ сбываться... Это ничего, что тебя берутъ отсюда, ты устроишься еще лучше, еще поэтичнѣе гдѣ-нибудь въ маленькомъ домикѣ на окраинѣ города... Тамъ будетъ, вѣрно, садикъ, деревья... А я буду писать тебѣ, буду присылать книги, пріѣзжать иногда въ гости во время каникулъ. Хорошо? Ты увидишь, какъ все это будетъ прекрасно.

Голосъ Нюты звучитъ такъ убѣжденно, что Надя не можетъ не повѣрить ей. Нюта на цѣлый годъ старше ея и кажется опытнѣе и «начитаннѣе». Надя довѣряетъ ея совѣтамъ и считается съ ними. Заглушая голосъ до шопота, чтобы не быть услышанной тетей Ташей, Нюта продолжаетъ говорить:

— А въ классъ я тебѣ не совѣтую итти. Къ чему? Шталь, Боярцева, Голубева всѣ онѣ всегда завидовали твоей красотѣ, изяществу, и теперь, конечно, торжествуютъ. Лиля Боярцева нѣсколько разъ говорила мнѣ: «Эта Таирова, Богъ знаетъ, что о себѣ воображаетъ...» И бранила тебя. А, впрочемъ, иди прощаться, если хочешь.

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшила отклонить предложеніе подруги Надя. — Нѣтъ, не пойду. Еще высмѣютъ меня, пожалуй. Такія насмѣшницы. Тетя Таша торопилась за мной пріѣхать и захватила самое затрапезное платье... — солгала она, чтобы оправдать свой скромный костюмъ.

— Ахъ, душка, ты забыла, какъ мила была Золушка и тогда, когда еще не сдѣлалась принцессой, — польстила Нюта подругѣ, и такъ какъ дѣвочки дошли уже до дверей швейцарской, крѣпко обняла и поцѣловала Надю.

— Смотри же пиши, не забывай!

— Конечно, тебя-то ужъ не забуду, можетъ быть, единственную... — произнесла растроганная Надя, и онѣ разстались.

— Поздравляю съ блестящимъ окончаніемъ курса, сударыня! Нечего сказать, отличилась! Осрамила тетку и отца. Выключили! Какъ послѣднюю лѣнтяйку прогнали... Ну, чего молчишь? Оправдывайся! Что стоишь истуканомъ да глаза въ землю уставила? Стыдно, небось? Совѣсть зазрѣла. Поздно стыдиться-то... У-у, безстыдница! Глаза бы на тебя не смотрѣли. Въ судомойки отдамъ...

Все это однимъ залпомъ вырвалось изъ устъ пожилого сѣденькаго человѣка съ клинообразной бородкой на желтомъ болѣзненномъ лицѣ. Такими

словами Иванъ Яковлевичъ Таировъ, только что вернувшійся со службы, встрѣтилъ дочь. Надя, подошла, было, поцѣловать руку отца, но тотъ рѣзко отдернулъ ее и поцѣлуй пришелся въ воздухъ. Дѣвочка совсѣмъ растерялась отъ такого пріема и стояла съ поникшей головой посреди комнаты.

Три часа тому назадъ Надя въ сопровожденіи тети Таши поднялась сюда по грязной черной лѣстницѣ, хронически запечатлѣвшей на себѣ запахъ горѣлаго масла, кошекъ и керосина и вошла въ эти болѣе чѣмъ скромныя двѣ комнатки. Сердце дѣвочки сжалось въ комочекъ при видѣ нищенской обстановки отцовской квартиры. Послѣ огромныхъ, полныхъ свѣта залъ и классовъ института, эта бѣдная квартирка показалась особенно убогой и жалкой Надѣ. Въ первой комнатѣ, столовой, на диванѣ на ночь устраивалась Клавдія, шестнадцатилѣтняя горбатенькая дѣвушка, окончившая только этой весною курсъ въ профессіональной школѣ по классу мѣтельщицъ. Теперь Клавдія работаетъ съ утра до вечера, помогая своимъ начинающимся заработкомъ семьѣ. Тутъ же у окна стояли ея пяльцы и швейная машинка для подрубки бѣлья, которое она мѣтитъ по заказу. Низенькаго роста, съ огромнымъ горбомъ за плечами, съ нервнымъ некрасивымъ лицомъ и большими умными черными глазами Клавдія кажется много старше

своихъ лѣтъ. Въ дѣтствѣ она упала изъ окна второго этажа по недосмотру няньки и съ тѣхъ поръ стала калѣкою.

Въ задней, темной комнатѣ ютится самъ отецъ семейства съ Сережей, семнадцатилѣтнимъ гимназистомъ, дѣльнымъ, энергичнымъ и серьезнымъ юношей, вносившемъ тоже посильную лепту на нужды семьи. Уже съ четырнадцати лѣтъ Сережа Таировъ даетъ уроки болѣе слабымъ ученикамъ своей и чужихъ гимназій. Эти уроки даютъ гроши, но и такіе гроши очень пригодны въ ихъ скромномъ хозяйствѣ. Самъ Сережа учится превосходно и идетъ все время въ гимназіи первымъ ученикомъ. За прилежаніе его давно освободили отъ взносовъ за ученіе. Отецъ не нахвалится на сына, хотя еще большую симпатію, а главнымъ образомъ его сочувствіе и болѣзненно-острую жалость къ себѣ возбуждаетъ горбатенькая Клавдія.

Наконецъ, въ небольшой свѣтлой кухнѣ спитъ тетя Таша съ Шуркой. Шурка, послѣдній экземпляръ семьи Таировыхъ, востроносенькая, быстроглазая юркая дѣвчурка десяти лѣтъ, очень способная, очень ловкая въ работѣ, отличающаяся нѣсколько чрезмѣрной живостью, любопытствомъ и умѣньемъ сунуть всюду и вездѣ свой маленькій носишко. Шуркѣ часто попадаетъ за это отъ отца, старшихъ брата и сестры,

но она неисправима. Когда Надя переступила сегодня порогъ отцовской квартирки, Шурка точно изъ-подъ земли выросла передъ нею.

— Совсѣмъ пріѣхала? Теперь дома будешь жить? Въ институтъ не возьмутъ обратно? А если попросить хорошенько, все же не возьмутъ? А папаша еще тебя не видѣлъ? А ты рада, что на кухнѣ съ нами будешь спать? А можетъ быть захочешь въ столовой съ Клавденькой? А? — засыпала она ее вопросами.

— Да брысь ты, егоза! Чего къ сестрѣ пристала! Есть тебѣ дѣло до того, гдѣ она будетъ спать? — строго прикрикнула на младшую сестру старшая.

Сама же Клавдія не то съ участіемъ, не то съ жалостью смотрѣла на Надю своими умными проницательными глазами, когда говорила ей:

— Не горюй! Какъ-нибудь пристроишься. Хорошо бы тебѣ въ нашу профессіональную поступить. Тамъ и права по окончаніи и дипломъ получишь, — совѣтовала она сестрѣ, не подозрѣвая того чувства негодованія, которое захватило отъ этихъ словъ Надю.

Какъ! Она, Надя Таирова, должна будетъ заниматься уроками кройки и шитья или мѣтить бѣлье, какъ Клавдія? Слуга покорный. Она не создана для такого жалкаго прозябанія!

Сердечнѣе всѣхъ отнесся къ сестрѣ прибѣжавшій со связкою книгъ послѣ уроковъ изъ гимназіи Сережа. Онъ ничего не сказалъ и только молча крѣпко пожалъ руку сестрѣ.

Что-то теплой волной захлестнуло на мгновеніе Надину душу при этой встрѣчѣ. Ей захотѣлось броситься на шею брата и сказать ему, какъ она несчастна теперь, какъ противна ей вся эта убогая обстановка, какъ тяжела такая нищенская жизнь ей, грезящей объ иной жизни, о которой она знаетъ только изъ романовъ. Но къ счастью, Надя удержалась отъ своихъ жалобъ, которыя, разумѣется, возмутили бы серьезнаго, глубокаго по натурѣ Сережу. Потомъ пришелъ отецъ, негодующій, возмущенный, гнѣвный. Онъ говорилъ такія суровыя слова, отъ которыхъ Надя то блѣднѣла, то краснѣла поочередно, а на добрыхъ испуганныхъ глазахъ тети Таши выступили слезы.

И долго еще звучалъ въ маленькой квартиркѣ сердитый голосъ Таирова и ни жива, ни мертва слушала отца Надя.

— Рѣшено! Съ осени въ портнихи отдамъ! Нечего дома баклуши бить. Не маленькая, кажется, пора о своемъ собственномъ заработкѣ подумать. Шутка ли сказать: пятнадцатый пошелъ. Небось Клавдія, чѣмъ тебя хуже, а какъ работаетъ, какая

помощница семьѣ и годъ только разница между вами! Эхъ, Надежда, не взыщи, а дурь твою я изъ головы повыколочу! Шелковая будешь, дай срокъ!

И, оставивъ растерянную дѣвочку въ совершенномъ смятеніи, Иванъ Яковлевичъ прошелъ къ себѣ въ «темную», сильно хлопнувъ дверью.

И мгновенно вслѣдъ за этимъ все стихло въ крошечной квартиркѣ Таировыхъ. Даже Шурка прикусила языкъ и убралась на кухню за ширмы, чтобы не попадаться въ дурную минуту на глаза отца. Клавдія, неслышно скользя по столовой, хлопотала съ обѣдомъ. Тетя Таша, готовившая въ кухнѣ и слышавшая отъ слова до слова все сказанное деверемъ, бросилась утѣшать Надю.

— Надюша, родненькая, не тужи. Все перемелется — мука будетъ, — горячо обнимая свою любимицу, зашепетала она. — Дай успокоиться отцу — все обойдется, милая. Можетъ, съ Сережей позаймешься за лѣто, въ гимназію поступишь осенью. А, Наденька?

Но Надя молчала. Съ надутыми губами, съ нахмуренными бровями, стояла она, глядя исподлобья на дверь, за которую скрылся отецъ. Вдругъ ея губы начали конвульсивно подергиваться; большіе глаза наполнились слезами.

— Что жъ... — начала, всхлипывая Надя, — что жъ, если я такая дурная... нехорошая, то... то выгоните меня изъ дома... Я слу-жить въ при-слуги по-по-пойду... Въ судомойки, въ кухарки, въ горничныя!..

— Надя! Что ты говоришь, побойся Бога! — И Татьяна Петровна страстно обняла худенькія плечи дѣвочки, въ то время какъ у нея самой слезы брызнули изъ глазъ.

Но эти слезы, этотъ испугъ тетки ни мало не тронулъ Надю. Напротивъ, дѣвочкѣ точно доставляло огромное наслажденіе растравлять сердце доброй женщины «жалкими» словами.

— Да, да, въ горничныя.. въ дѣвченки на посылки пойду... Черную работу исполнять буду... Полы мыть, окна... Да, да, пойду и буду! Буду! Буду! Все же лучше это, нежели упреки постоянные слышать. Не хочу! Не хочу! Не хочу! Завтра же спрошу у дворника, кому здѣсь нужна дѣвочка для посы...

— Надя, не смѣй изводить тетку! Бога побойся! Сердца у тебя нѣтъ! — И Клавденька съ загорѣвшимися глазами и сердитымъ лицомъ внезапно появилась передъ Надей.

Ея тонъ сразу протрезвилъ расходившуюся дѣвочку. Такъ сурово говорилъ съ нею только отецъ

и сейчасъ вотъ она, Клавдія. Кто далъ ей право на это? Надѣ страшно хотѣлось «надерзить», какъ слѣдуетъ, непрошенной заступницѣ, но, взглянувъ на пріоткрывшуюся дверь темной, она не рискнула отвѣчать старшей сестрѣ.

— Обѣдать! — лаконически бросилъ Иванъ Яковлевичъ, успѣвшій уже смѣнить свой служебный выходной сюртукъ на домашній старенькій пиджакъ, порыжѣвшій отъ времени, и вся семья размѣстилась вокругъ круглаго стола, очень бѣдно, но чисто сервированнаго.

Шурка внесла дымящуюся миску съ горячими щами и поставила ее на столъ. Тетя Таша — сковородку съ хорошо промасленной гречневой кашей. Надя, сѣвшая между теткой и братомъ, не притронулась ни къ тому, ни къ другому, въ то время, какъ всѣ остальные члены семьи, кромѣ тети Таши развѣ, съ аппетитомъ уничтожали обѣдъ.

— Въ чемъ дѣло? Почему ты не ѣшь? — утирая губы салфеткой, освѣдомился Иванъ Яковлевичъ у средней дочери, — и почему надута опять? А?

— Я никогда не ѣмъ щей и каши, — брезгливо глядя на поставленную ей теткой тарелку, произнесла Надя.

— Не ѣшь щей и каши? А что же ты изволишь кушать, позволь спросить? Рябчики и фазаны, пром-

биры да кремы разные? А? — снова закипая гнѣвомъ, хмурясь, спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

Надя молчала.

— У насъ въ институтѣ... — начала, было, уже робѣя дѣвочка.

— Э, матушка, о чемъ вспомнила! Теперь институтскія замашки пора бросить и мысли о разныхъ яствахъ тоже. А вотъ я слышалъ, ты сейчасъ сказала, что служить хочешь, такъ это дѣльно. Умныя рѣчи пріятно и слушать. Конечно, въ служанки я тебя не пущу, а если портнихѣ понадобится дѣвочка для посылокъ и мелкой работы, тогда — другое дѣло. Отдамъ безъ всякаго колебанія.

Ахъ! Сердце Нади упало... Если бы она знала, что отецъ слышалъ ея запальчивую рѣчь, развѣ бы она рѣшилась сказать то, что сейчасъ говорила? Вѣдь она только хотѣла попугать тетку и Клавдію!.. А что вышло изъ этого, сохрани Богъ! Впервые за всю свою, еще коротенькую, жизнь Надя была искренно испугана. Она поняла, что грезамъ и розовымъ мечтамъ ея насталъ конецъ и жизнь стучалась къ ней въ дверь со всею ея безпощадною правдой.

Какъ на горячихъ угольяхъ просидѣла дѣвочка конецъ обѣда. Послѣ разварного суповаго мяса съ картофелемъ пили чай съ сахаромъ въ прикуску. По-

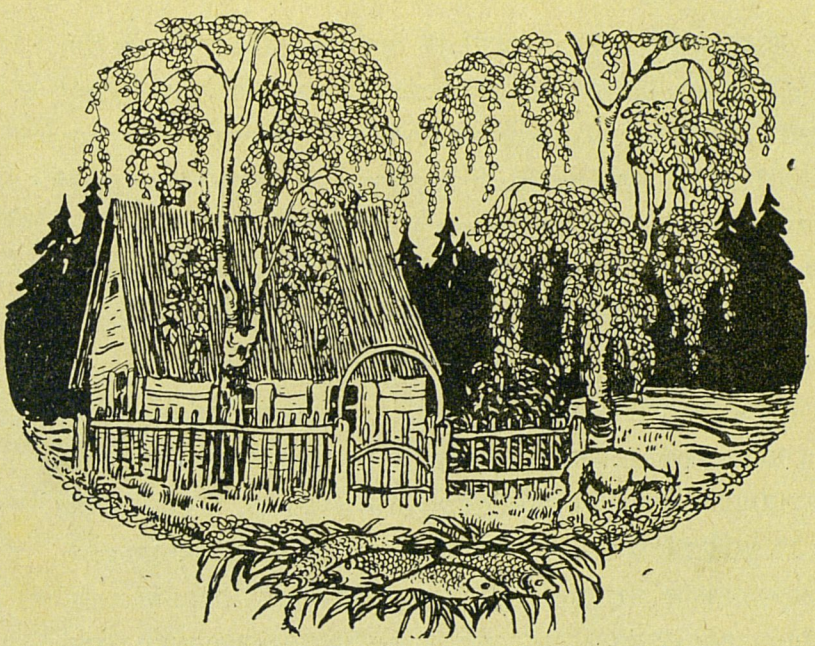
томъ встали изъ-за стола и началась уборка. За неимѣніемъ прислуги, ее производили сами: тетя Таша, Клавдія и Шурка съ подвязанными пестрыми передниками убрали со стола и вымыли посуду. Затѣмъ Шуркѣ, какъ самой младшей изъ семьи, пришлось вымыть кухонный полъ. Къ шести часамъ все было кончено. Отецъ семейства ушелъ изъ дому на вечернія занятія, которыя имѣлъ по временамъ въ банкѣ. Сережа побѣжалъ давать урокъ какому-то засидѣвшемуся второгоднику-гимназисту. Пользуясь свѣтлымъ лѣтнимъ вечеромъ, Клавденька устроилась за свои пяльцы. Тетя Таша, ежедневно занимавшаяся съ Шуркой, раскрыла учебникъ и начала диктовку на правила. Въ квартирѣ постепенно наступала полная тишина, прерываемая лишь негромкимъ голосомъ тети Таши, раздѣльно и четко нанизывающей фразу за фразой да рѣдкіе вздохи Клавденьки, пригнувшейся надъ работой.

Предоставленная самой себѣ, Надя прошла въ кухню за ширму и сѣла здѣсь у окна. Изъ ихъ третьяго этажа ей былъ отлично виденъ узенькій дворъ съ неизбѣжными дровяными сараями. Какіе-то дурно одѣтые люди сновали по двору... Голодныя кошки пробирались къ лѣстницѣ... Эта печальная сѣренькая картина обстановки уголка бѣднѣйшаго петроградскаго квартала заставила болѣзненно по-

морщиться Надю. Вотъ гдѣ придется ей провести всю жизнь, можетъ быть, начиная съ этого дня! Среди этихъ сѣрыхъ будней, этой прозы, мелкихъ интересовъ, ничтожныхъ требованій отъ жизни. Какая мука! Какая тоска!

Почти съ ужасомъ дѣвочка отвернулась отъ окна, и, бросившись ничкомъ въ постель, зарылась головою въ подушки. Такъ пролежала она весь вечеръ, ссылаясь на головную боль. Къ ней заходила тетя Таша, прибѣжала Шурка, заглянулъ къ ней въ уголокъ и вернувшійся съ урока Сережа. Но на всѣ вопросы ихъ Надя отвѣчала отрывисто, недоброжелательно и враждебно одно и то же: у нея болитъ голова, она устала и проситъ оставить ее въ покоѣ.

Въ эту ночь дѣвочка уснула поздно. Уже солнце заглянуло въ окно кухоньки, а Надя все еще не спала. Съ той минуты, какъ уснули ея домашніе и полное спокойствіе воцарилось въ квартиркѣ, Надя снова погрузилась въ обычный міръ своихъ грезъ, которымъ жила исключительно все послѣднее время.



Дома.

Жизнь въ семьѣ Таировыхъ начинается рано. Прежде всѣхъ поднимается съ постели тетя Таша. Еще нѣтъ и семи часовъ, а ея миніатюрная, худенькая фигура въ ситцевомъ полинявшемъ капотѣ уже маячитъ на кухнѣ. Къ восьми она возвращается съ рынка и будитъ дѣдей. Сергѣй, напившись чая, отправляется въ гимназію. Клавдія, если не идетъ къ заказчикамъ, то, убравъ комнату, сразу садится за пяльцы у окна. Въ девять встаетъ глава семей-

ства, которому надо поспѣть на службу къ десяти. Лишь только Иванъ Яковлевичъ уходитъ изъ дому, женскій персоналъ приступаетъ къ готовкѣ несложнаго обѣда, мелкой стиркѣ тутъ же на кухнѣ, починкѣ носильнаго бѣлья и платья. Словомъ, жизнь маленькаго семейства кипитъ, какъ въ котлѣ. Тетя Таша, Клавденька и Шурка дружно дѣлятъ между собою трудъ и заботы по дому.

Но всѣ эти хлопоты не касаются Нади. Она или спитъ до двѣнадцати или валяется въ постели до поздняго часа съ книжкой въ рукахъ. Тетя Таша сумѣла убѣдить своихъ, что Надя слаба здоровьемъ, малокровна и въ виду этого дѣвочкѣ необходимо хорошенько отдохнуть, а главное, хорошенько отоспаться.

— Пусть окрѣпнетъ первое время дома, потомъ придется и ей вставать съ пѣтухами, суетиться и хлопотать.

Впрочемъ, отъ главы семейства тщательно скрываютъ несвоевременное вставанье Нади съ постели. Иванъ Яковлевичъ органически не переноситъ такого лѣнтяйничанья и сибаритства.

Цѣлыми часами Надя просиживаетъ у себя за ширмами, жадно проглатывая страницу за страницей. Какъ досадно дѣвочкѣ, что нѣтъ новыхъ книжекъ подъ рукою! Еще спасибо Нютѣ Бѣляевой, что она

не взяла обратно тѣхъ, что давала читать въ институтѣ. Надя тщательно прячетъ ихъ отъ отца въ изголовьяхъ кровати подъ жиденькимъ матрацомъ. Сохрани Богъ, увидитъ, найдетъ ихъ папаша! Теперь, проживъ уже недѣлю дома, дѣвочка меньше грезитъ о похожденіяхъ принцевъ, принцессъ, герцогинь и герцоговъ, объ ихъ жизни съ волшебно-прекрасными случайностями. Постоянная «проза», какъ называетъ Надя борьбу за существованіе, недохватки и лишенія, которыя видитъ вокругъ себя, даютъ совсѣмъ новое направленіе ея мыслямъ. Теперь Надя грезитъ больше, чѣмъ когда-либо богатствомъ, роскошью и житейскимъ комфортомъ. Она жадно и сотни разъ перечитываетъ тѣ страницы, гдѣ описываютъ богатые наряды, роскошные обѣды и пышно обставленныя празднества. Какъ далеки они всѣ отъ дѣйствительной жизни, какъ ужасно далеки!

Съ возвращеніемъ домой Нади, въ семьѣ Таировыхъ, какъ на горе, жизнь еще больше осложнилась. Иванъ Яковлевичъ, простудившійся еще зимою, теперь чувствуетъ постоянное недомоганіе и съ трудомъ ходитъ на сдужбу. Его сухой кашель терзаетъ уши, а постоянная раздражительность угнетаетъ всѣхъ. Вечернія занятія пришлось бросить изъ боязни окончательнаго переутомленія. Такимъ образомъ, бюджетъ семьи сократился на нѣсколько ру-

блей, пришлось урѣзать себя во всемъ. Стали пить чай съ ситнымъ хлѣбомъ вмѣсто булокъ, совершенно исключили мясное блюдо изъ обѣденнаго стола. Къ довершенію всего и Сережа потерялъ уроки, такъ какъ его ученики разъѣхались на лѣтнее время изъ столицы. Крошечная пенсія тети Таши и еще болѣе мизерный заработокъ Клавдіи шли теперь жалкимъ добавленіемъ къ жалованью отца, изъ котораго, за обязательнымъ вычетомъ на службѣ, Иванъ Яковлевичъ получалъ весьма немного. Приходилось сокращаться поелику возможно и все это не могло не отразиться на душевномъ равновѣсіи членовъ семьи. Заботы угнетали. Вопросы самыхъ насущныхъ требованій заслоняли собою весь остальной міръ.

— Ты еще спишь? Господи, она еще спитъ! А у насъ новость, да еще какая. Что дашь, если скажу? — и остренькая лисья мордочка Шурки просунулась между ребромъ ширмы и стѣною въ уголокъ Нади.

Шурка ошиблась, Надя не спитъ. Она лежитъ, разметавшись на своей убогой постели. Глаза ея прижмурены, ротъ улыбается. Ахъ, какой сонъ она видѣла сейчасъ! Волшебно-прекрасный сонъ! Суждено ли ему когда-нибудь сбыться? Она шла по какой-то длинной-предлинной и узкой улицѣ и вдругъ видитъ — посреди тротуара лежитъ кошелекъ. Она

наклонилась, подняла его, раскрыла... Боже, сколько денегъ! Бумажки цвѣтныя, радужныя, пестрыя такъ и замелькали передъ нею. Она тотчасъ же взяла извозчика, поѣхала въ магазинъ, накупила себѣ нарядовъ, платьевъ, золотыхъ украшеній, надѣла ихъ на себя и стала передъ зеркаломъ. Бархатъ, шелкъ, золото! Какъ все это идетъ къ ея тонкому личику, къ ея бѣлокурымъ волосамъ!

И вдругъ эта Шурка со своимъ неизбѣжнымъ: «ты еще спишь, Надя?» Ахъ, какъ всѣ они надоѣли здѣсь ей, Надѣ! О!

— Ну вотъ, ты слава Богу, не спишь! — присаживаясь на кончикъ кровати, затрещала Шурка, — а у насъ, повторяю, новость: вчера вечеромъ папаша отъ доктора какъ вернулся — ты уже спала, а я все рѣшительно, все слыхала, какъ онъ тетѣ Ташѣ и Сергѣю говорилъ: — Докторъ, говоритъ, нашелъ какое-то серьезное осложненіе въ легкомъ, говоритъ въ Петроградѣ вредно съ такой болѣзнью лѣто проводить, необходимо въ деревню, понимаешь? Хоть до осени прожить на свѣжемъ воздухѣ, попить молока гдѣ-нибудь среди коровъ, козъ, барановъ. Папаша согласенъ. Не столько, говоритъ, за себя хлопочу, сколько за Клавденьку. Ей свѣжій воздухъ и деревня нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Съ утра до ночи трудится, позеленѣла даже, однѣ кости торчатъ. И

вотъ рѣшили — ѣхать тетѣ Ташѣ съ Сережей искать дачу, гдѣ-нибудь неподалеку отъ Петрограда, чтобы папашѣ, когда кончится отпускъ, можно было бы на службу ѣздить оттуда каждый день. Ты рада, Надя? А? Вѣдь на дачу поѣдемъ, на дачу! А?

И Шурка впилась разгорѣвшимися глазенками въ лицо сестры.

Презрительная улыбка скривила хорошенькій ротикъ Нади.

— Въ деревню. Ха! Воображаю эту прелестную дачу въ деревнѣ, — протянула она презрительно.

— Вотъ глупая-то! Не все ли равно гдѣ, лишь бы — на дачѣ, лишь бы около было поле, лѣсъ, рѣка, — мечтательно произнесла Шурка, не выѣзжавшая еще ни разу изъ Петрограда, изъ этихъ закоптѣлыхъ стѣнъ.

— Не знаю, можетъ быть, кого-нибудь и удовлетворитъ эта идиллія среди коровъ и навоза, а мнѣ совсѣмъ не улыбается провести лѣто гдѣ-то въ глуши, — все такъ же пренебрежительно тянетъ Надя и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотритъ Шуркѣ въ глаза.

Шурка разочарована. Шурка огорчена, огорчена самымъ искреннимъ образомъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Ей, собственно говоря, жаль Надю, хотя

Надя «барышня» и «бѣлоручка», каковыхъ не выноситъ Шурка. А все-таки жаль смотрѣть на всегда печальное лицо Нади, на ея грустные глаза. Вотъ и хотѣла порадовать сестренку доброю вѣстью и оказалась ни къ чему она Надѣ, эта добрая вѣсть. Шуркѣ искренно сейчасъ досадно на Надю. Какая она... Сердца въ ней нѣтъ... Эгоистка. Хотя бы папашу пожалѣла, папашѣ нуженъ воздухъ деревенскій, а она...

Темные глазенки Шурки мгновенно загораются гнѣвомъ. Какое негодующее личико у нея сейчасъ! Но Надя точно и не замѣчаетъ вовсе этой возмущенной рожицы и говоритъ мечтательно:

— А какой я сонъ видѣла сейчасъ! Нашла тысячу рублей и купила на нихъ бархатное платье и шляпу со страусовымъ перомъ и брилліантовую брошь.

Гнѣвъ Шурки мгновенно разростается до геркулесовскихъ столповъ при этомъ сообщеніи. Какъ смѣетъ она видѣть такіе сны, эта лежебока Надя! Духъ злѣйшаго протеста обуреваетъ сейчасъ Шуркину душу.

— Не надо было бархатное покупать, лучше шелковое, теперь всѣ шелковые костюмы носятъ, а ты и не знала! Ахъ ты, модница! — язвитъ Шурка сестру.

Надя вспыхиваетъ въ свою очередь, какъ порохъ.

— Отлично знала, а только не хотѣла! — рѣзко отвѣчаетъ она.

— А не знала! А не знала! — дрожитъ Шурка. — И страусовыхъ перьевъ никто не носитъ теперь, а ты страусовыя перья придумала, ха, ха, ха!

Теперь уже наступаетъ Надина очередь закипѣть гнѣвомъ.

— Пошла съ моей постели! Не смѣешь дерзить старшей сестрѣ! — сдвигая брови, бросаетъ она Шуркѣ, сталкивая ее съ кровати.

— А я не уйду... Я не уйду... — подзадориваетъ Шурка. — Смѣхъ-то какой, Господи! Бархатное платье, страусовыя перья! Да на тебя всѣ собаки залаютъ, когда ты по ул...

Но Шуркѣ не приходится докончить начатой фразы. Надя соскакиваетъ однимъ прыжкомъ съ постели, хватаетъ за плечи сестру и выталкиваетъ ее за дверь.

— Вотъ тебѣ, дрянная дѣвчонка! Вотъ!

— Больно! — взвизгиваетъ не своимъ голосомъ Шурка. — Ты оцарапала меня! Тетя Таша, она оцарапала меня! — вопитъ за дверью разобиженная Шурка.

Но тети Таши нѣтъ дома, вмѣсто нея Клавдія спѣшитъ на помощь къ младшей сестрѣ. Шурка — Клавденькина любимица. Когда умерла мать, Клавдіи было всего шесть лѣтъ отъ роду, Шуркѣ же только годъ и старшая сестренка трогательно возилась и няньчилась съ младшей. Горбатая дѣвочка горячо полюбила младшую сестричку. Съ годами это чувство приняло оттѣнокъ какой-то трогательной, чуть ли не материнской нѣжности, и малѣйшая невзгода, переживаемая Шуркой, тяжелымъ гнетомъ ложилась на душу калѣки. И сейчасъ, услыша краешкомъ уха, что ея любимицу обижаютъ, Клавдія бросила работу и поспѣшила ей на помощь.

— Надя, какъ тебѣ не стыдно дразнить сестру! — говоритъ съ укоромъ Клавдія, появляясь въ уголкѣ за ширмой и замираетъ на мгновенье отъ неожиданности. — Боже мой! Ты еще валяешься въ постели, Надя! Вѣдь душно же здѣсь, дымно, и какъ тебѣ самой не противна такая жизнь. А если отецъ узнаетъ, когда ты встаешь: вѣдь онъ разсердится не приведи Богъ! И за что ты обидѣла Шурку? Что она сдѣлала тебѣ? Какое зло? — допытывается у сестры Клавдія.

Но Надя молчитъ. Ей, дѣйствительно, стыдно — часы на кухнѣ показываютъ два. Скоро вернется тетя Таша, Сережа, а къ пяти — отецъ. Надо вста-

вать. Она и правда запоздала нѣсколько сегодня. И, не отвѣчая ни слова старшей сестрѣ, Надя лѣниво начинаетъ натягивать чулки на свои маленькія ноги.

Тетя Таша съ Сережей объѣздили всѣ окрестности Петрограда прежде, чѣмъ нашли подходящее помѣщеніе на лѣто. Ихъ труды не пропали даромъ. Дачка, если только можно назвать дачкой крошечный домикъ на краю деревни, расположенной въ трехъ верстахъ отъ Петрограда, оказалась вполнѣ подходящей по цѣнѣ и по удобству для скромной семьи Таировыхъ. Двѣ крошечныя, свѣтлыя комнатки выходятъ окнами въ поле. За полемъ, перерѣзаннымъ прудомъ, темнѣетъ лѣсъ. Въ пруду водятся караси и небольшіе окуньки къ полному счастью Ивана Яковлевича и Сережи, ярыхъ рыболововъ. Около домика разбитъ небольшой палисадникъ со скамейкой подъ двумя плакучими березами. На дворѣ, въ сараѣ, живетъ хозяйская корова и коза. Другихъ дачниковъ въ деревнѣ не имѣется. Съ небольшого холмика за палисадникомъ можно видѣть крыши дворцовъ и купола Ново-Петергофскихъ церквей. Отъ деревни къ вокзалу ведетъ длинная, змѣящаяся желтой лентой между засѣянными полями, дорога.

— Хорошо! Какъ здѣсь хорошо! — поминутно восклицаютъ тетя Таша, Клавденька и Шурка, вдыхая въ себя всею грудью живительный деревенскій воздухъ.

— И замѣтьте, какая счастливица эта Надя! первый годъ, что вернулась въ домъ и уже попала на дачу, — присовокупляетъ кто-то.

Надя презрительно оттопыриваетъ губку.

— Дача! Они воображаютъ, что это дача, бѣдные люди! Этотъ деревенскій хлѣвушникъ, этотъ дворикъ съ запахомъ навоза, эта жалкая природа — это дача! Ха-ха!

Но она предпочитаетъ не разубѣждать своихъ. У дѣвочки духа не хватаетъ омрачить ихъ свѣтлое настроеніе. Всѣ кажутся такими довольными, счастливыми съ тѣхъ поръ, какъ поселились здѣсь. Даже на желтомъ исхудавшемъ лицѣ отца появилось нѣкоторое подобіе улыбки. И серьезный, всегда сосредоточенный Сережа весь прояснился какъ-то съ той минуты, какъ надѣлъ коломянковую блузу и босой, безъ фуражки, удитъ съ утра до ночи рыбу на плоту. Надя съ перваго же дня своего пребыванія на дачѣ взяла за правило тотчасъ же послѣ обѣда отправляться съ книгою за три версты отсюда въ Новый Петергофъ. Она нашла чудесное мѣстечко, роскошный уголокъ близко отъ входа въ дворцовый паркъ,

откуда убѣгаютъ вдаль такія тѣнистыя, такія прямыя аллеи, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ алмазными брызгами величавый Сампсонъ. Изъ этого уголка, со скамьи, подъ тѣнью пріютившейся раскидистой березы, Надѣ видна верхушка гигантскаго фонтана съ обступившими его другими фонтанами поменьше, виденъ кусокъ дворца и дальше очаровательная ротонда Монплезира. Если она поворачиваетъ голову въ другую сторону, то видитъ широкую аллею съ самыми богатыми и нарядными дачами Петергофа. Одна изъ нихъ особенно привлекаетъ вниманіе дѣвочки. Она кажется необитаемой. По крайней мѣрѣ, ни въ саду, ни на балконѣ дачи Надя еще не видѣла никого. Это красивый бѣлый, точно мраморный, домъ съ колоннами и затѣями. Тѣнистыя деревья не скрываютъ его. Напротивъ, широкая площадка передъ дачею вся забросана цвѣточными клумбами самыхъ причудливыхъ формъ. Гигантскіе шаги, качели, лаунъ-теннисъ — все находится здѣсь къ услугамъ невидимыхъ обитателей; грибъ-бесѣдка пріютилась между куртинами съ благоухающими цвѣтами. Посреди одной изъ нихъ бьетъ небольшой фонтанъ. Мраморныя статуи мелькаютъ здѣсь такъ же, какъ и въ большомъ паркѣ, эффектно выдѣляясь своей бѣлизною на фонѣ зелени. Въ такой дачѣ, какъ по крайней мѣрѣ, кажется Надѣ, не могутъ жить

простые, обыкновенные люди, здѣсь мѣсто избраннымъ. По этимъ дорожкамъ, усыпаннымъ гравіемъ, могутъ ступать только изысканныя ножки принцессъ или рыцарскіе сапоги съ серебряными шпорами. Около этого фонтана, среди розъ и левкоевъ, могутъ только мечтать такія избранницы судьбы, какъ герцогиня Ада или графиня Лила.

Эта бѣлая дача даетъ исключительное настроеніе дѣвочкѣ, и фантазія Нади работаетъ съ удвоенной силой, сплетая все новые и новые узоры, одинъ другого богаче, одинъ другого удивительнѣе. Когда солнце пропадаетъ въ сѣрыхъ волнахъ залива, окрасивъ воду, какъ кровью, пурпуромъ своихъ заходящихъ лучей, Надя съ сожалѣніемъ отрывается отъ своего наблюденія и идетъ домой, опоздавъ по обыкновенію къ ужину.

Отецъ встрѣчаетъ ее выговоромъ, недовольный продолжительной прогулкой дочери.

— Останешься безъ ужина, если опоздаешь еще мнѣ въ другой разъ, — говоритъ онъ сурово. — И чего, спрашивается, за десять верстъ заходишь? Мало тебѣ лѣса и поля здѣшнихъ для прогулокъ? — допытывается онъ на отвѣтъ Нади, что она была у дворцоваго парка.

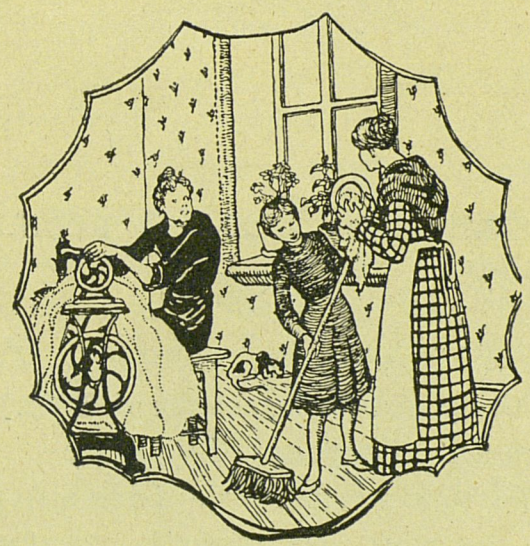
Зато тетя Таша довольна. Никогда еще не ѣла съ такимъ аппетитомъ Надя, какъ теперь и притомъ

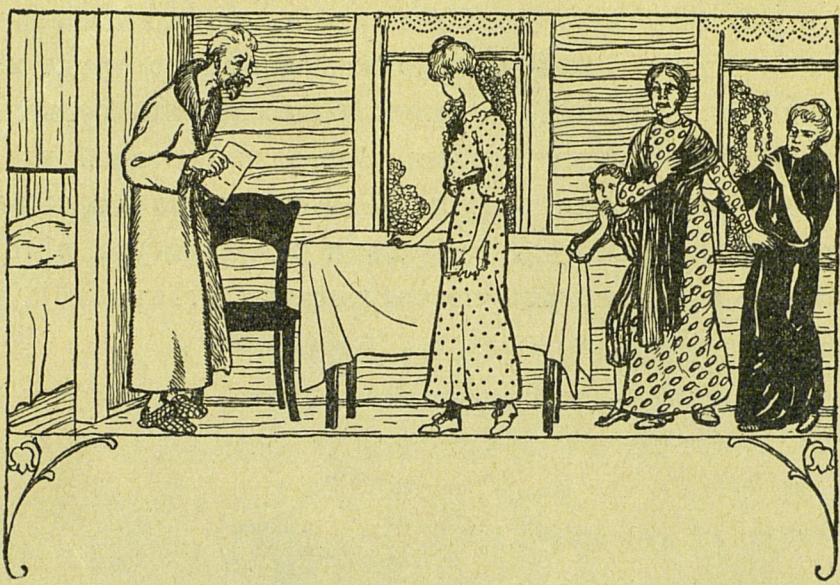
безъ капризовъ и гримасъ все, что ни подается къ столу: и печеный картофель, и подогрѣтую на сковородкѣ кашу, и макароны. И спитъ Надя крѣпче послѣ такихъ прогулокъ. А сонъ и аппетитъ лучше всего подкрѣпятъ дѣвочку.

И она всячески старается оправдать Надю передъ отцомъ и оставить право удлиненныхъ прогулокъ за своей любимицей.

Иванъ Яковлевичъ только рукою машетъ на всѣ доводы свояченицы. Въ сущности, не все ли равно, гдѣ бездѣльничать этой бѣлоручкѣ? дома ли, въ лѣсу ли или въ Новомъ Петергофѣ? До осени онъ рѣшилъ оставить ее въ покоѣ, а осенью, пускай не прогнѣвается Надя, заберетъ онъ ее въ руки, въ ежевыя рукавицы. Довольно бить баклуши, пора и честь знать. Самъ Иванъ Яковлевичъ чувствуетъ себя много бодрѣе здѣсь на дачѣ, и кашель какъ будто меньше и боль въ груди исчезла почти совсѣмъ и не мудрено: это рай, а не дача, мертваго воскреситъ къ жизни. И Клавденька окрѣпнетъ здѣсь и расцвѣтетъ. И Сергѣй отдохнетъ отъ своихъ уроковъ. А о Шуркѣ и говорить нечего: за нѣсколько дней своего пребыванія на дачѣ она загорѣла, какъ цыганенокъ, такъ что и узнать ее вовсе нельзя.

И отецъ семьи доволенъ, почти счастливъ, счастливъ впервые за всю свою жизнь, полную труда и лишеній, и готовъ, пожалуй, благословлять судьбу за посланную ему болѣзнь, благодаря которой всѣ члены его семьи могутъ хоть немножко подкрѣпиться на свѣжемъ воздухѣ и отдохнуть за лѣто вдали отъ душныхъ петроградскихъ стѣнъ.





Непріятность. Вполнѣ неожиданная новость.

Іюнь... Жаркій горючій полдень... Голубое, застывшее въ своемъ знойномъ покоѣ небо. Опаленная имъ, затихшая природа. Одуряюще благоухаютъ цвѣты. Молчатъ петергофскіе фонтаны; днемъ они закрыты, вечеромъ ихъ звонкій и задумчивый ропотъ оживитъ сонный паркъ.

Сейчасъ же все тихо здѣсь, въ этомъ паркѣ, отъ полдневнаго зноя, навѣвающаго сонъ. Разноцвѣтныя бабочки проносятся въ воздухѣ, лѣниво

шевеля крыльями. Пролетитъ съ легкимъ щебетаньемъ маленькая пичужка, и опять все безмолвно и спокойно станетъ кругомъ. Въ этотъ знойный часъ нѣтъ гуляющихъ въ длинныхъ аллеяхъ. Вымершимъ волшебнымъ царствомъ кажется Надѣ этотъ чудесный паркъ.

Она сидитъ на обычномъ своемъ мѣстѣ неподалеку отъ входа. Длинная аллея ведетъ отсюда ко дворцу и фонтанамъ. А налѣво — дачи и та бѣлая, такъ сильно занявшая воображеніе дѣвочки, совсѣмъ неподалеку. Впрочемъ, сегодня Надя забыла и про паркъ, и про дачу, и про свои обычныя грезы. Даже любимая книга небрежно отброшена въ сторону и не привлекаетъ нынче вниманія дѣвочки. Ахъ, сколько непріятнаго и неожиданнаго случилось у нея сегодня утромъ! До сихъ поръ мутный осадокъ остался отъ всего пережитаго въ Надиной душѣ и сердце больно сжимается при одномъ воспоминаніи обо всемъ происшедшемъ. Она опять, по обыкновенію, проспала сегодня. Проснулась отъ какого-то толчка: это Шурка будила ее, изо всѣхъ силъ тряся за плечи.

— Вставай, вставай... — шептала взволнованнымъ голосомъ дѣвочка, — папаша тебя зоветъ... Страхъ, сердится... Пришло письмо какое-то на твое имя. Какъ прочелъ, такъ ногами и затопалъ и за-

топалъ. «Не потерплю, — говоритъ, — не позволю глупой дѣвчонкѣ голову вертѣть. Позвать мнѣ, — говоритъ, — сейчасъ Надежду! Чтобы сейчасъ шла, сію минуту!» Вставай, Надя, духомъ вставай. Не было бы хуже! Поспѣши!

И Шурка, охваченная жалостью и сочувствіемъ къ сестрѣ, забывъ недавнюю свою ссору съ нею, и свои постоянныя пикировки съ Надей, стала спѣшно помогать одѣваться сестрѣ. Черезъ нѣсколько минутъ кое-какъ умытая и причесанная Надя съ замирающимъ сердцемъ появилась передъ отцомъ.

— Что угодно, папаша? — робко прозвучалъ ея вздрагивающій отъ волненія голосъ.

Иванъ Яковлевичъ Таировъ въ старомъ халатѣ, желтый отъ безсонницы и мучившей его снова этой ночью лихорадки, строго взглянулъ на дочь.

— Это что такое? — спросилъ онъ, пронизывая лицо Нади напряженнымъ внимательнымъ взоромъ. Въ рукѣ онъ держалъ какой-то конвертикъ небольшого формата нѣжно-розоваго цвѣта.

— Что?.. я не понимаю васъ, папаша... — окончательно оробѣвъ, прошептала Надя, расширившимися зрачками глядя на конвертъ.

— Ага, не понимаешь! А вотъ прочти, авось тогда и поймешь, — произнесъ все такъ же строго отецъ.

Трепещущей рукой Надя взяла конвертикъ. Отъ него нестерпимо пахло какими-то сильными, одуряющими духами. Знакомый мелкій бисерный почеркъ прежде всего бросился въ глаза Нади. Такъ и есть. Письмо отъ Нюты Бѣляевой. Господи, неужели она пишетъ тамъ что-нибудь «такое» про любимыхъ героевъ и героинь? Но вѣдь Надя ее просила адресовать письма на петергофское почтовое отдѣленіе, такъ какъ же случилось то, что это злополучное письмо попало въ руки отца? Но думать и дѣлать на этотъ счетъ предположенія было теперь уже поздно, Надя отлично поняла это въ первый же мигъ.

— Читай! — услышала она снова строгій отцовскій окрикъ, и дрожащими пальцами вынула изъ конверта надушенный листокъ.

Такъ и есть! Сумасшедшая Нюта, и не грѣхъ ей было такъ подвести ее — Надю! «Золотая моя, душка моя Надинъ... — писала своимъ бисернымъ почеркомъ Нюта, — еще нѣтъ и мѣсяца, какъ мы разстались съ тобою, а я уже пишу тебѣ. Чувствую, какъ необходима тебѣ сейчасъ моя поддержка въ твоемъ разочарованіи домашней жизнью. Чувствую, какъ ты страдаешь, моя милая, моя очаровательная Сандрильона. Хотя меня и нѣтъ около, но, во-первыхъ, чутьемъ, а во-вторыхъ, изъ твоего письма, я

вижу твое терзаніе дома среди людей, которые никогда не поймутъ тебя и твоихъ интересовъ. Они, прости меня, дорогая Надинъ, слишкомъ обыкновенны и прозаичны, чтобы оцѣнить твою душу. Они не поймутъ того, что ты задыхаешься среди прозы жизни и мелкихъ интересовъ ея. Ты, Надинъ, съ твоимъ умомъ, съ твоею красотою должна была родиться въ королевскомъ дворцѣ, имѣть сотню слугъ въ своемъ распоряженіи...»

О, это уже слишкомъ! Богъ знаетъ, что пишетъ эта Нюта! Господи, да она совсѣмъ погубила ее, Надю, этимъ письмомъ. И Надино лицо пылаетъ, сдѣлавшись кумачнымъ отъ стыда и смущенія. Взглядъ, не видя, чувствуетъ на себѣ тяжело устремленные глаза отца. Сердце замираетъ отъ страха, вотъ-вотъ сейчасъ грянетъ буря. О, она, Надя, въ тысячу разъ охотнѣе провалилась бы сейчасъ сквозь землю, нежели такъ мучиться и чувствовать себя такой маленькой и ничтожной въ глазахъ отца!

Иванъ Яковлевичъ отлично понимаетъ, что дѣлается сейчасъ въ душѣ дочери, но снисхожденія Надѣ онъ не окажетъ ни за что: пусть не будетъ глупой въ другой разъ и сумѣетъ выбирать себѣ подругъ эта глупая дѣвчонка.

— Дальше читай! — лаконически приказываетъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

Не чувствуя ногъ подъ собою, Надя продолжаетъ чтеніе. «Ты помнишь нашихъ друзей... — пишетъ дальше Нюта, — помнишь принцессу Изольду, герцогиню Аделаиду, графиню Лилу? А виконта Эдмонда, который одинъ на одинъ вышелъ на тигра въ честь красавицы Амиты? Ты не забыла ихъ, Надя? Ты съ любовью читаешь тѣ книги, которыя я тебѣ дала? Ты хорошо сдѣлала, что прячешь ихъ подъ матрацомъ, тамъ ихъ никто не найдетъ. А часы за чтеніемъ унесутъ тебя далеко на крыльяхъ фантазіи и изъ скромной Золушки сдѣлаютъ принцессой...»

Розовый душистый листокъ на этихъ строкахъ падаетъ изъ рукъ Нади. Она блѣднѣетъ... О, зачѣмъ Нюта написала про книги! Боже, Боже, что будетъ теперь! Все послѣдующее случилось такъ неожиданно быстро, что дѣвочка теперь только, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, можетъ притти въ себя.

Иванъ Яковлевичъ блѣдный не менѣе дочери и не менѣе взволнованный, нежели она, тяжело поднялся со своего кресла и, придерживая рукою полу халата, приблизился къ Надѣ. Его глаза все тѣмъ же суровымъ взглядомъ впились въ глаза растерявшейся Нади.

— Ты сейчасъ же отдашь мнѣ всѣ твои дурацкія книги, весь этотъ мусоръ, которымъ набиваешь

себѣ голову! Слышишь, сейчасъ же! — раздѣльно, отчеканивая каждое слово, произнесъ онъ. И такъ какъ Надя все еще не двигалась, сраженная неожиданнымъ ударомъ, отецъ взялъ ее за руку и повелъ въ крошечную клѣтушку, гдѣ она спала въ лѣтнее время. Поднять матрацъ на постели, загрести въ одну общую кучу всѣ эти лубочнаго изданія книжонки съ самыми пестрыми и неожиданно-глупыми обложками и подойти съ ними къ жарко-растопленной плитѣ на кухнѣ — было для Ивана Яковлевича дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Когда огонь охватилъ книги, отецъ повернулся къ дочери и проговорилъ тѣмъ суровымъ тономъ, отъ котораго все трепетало въ домѣ.

— Вотъ смотри: то же самое случится каждый разъ, когда я увижу въ твоихъ рукахъ неподходящую для тебя книжонку. И помни, что меня ничуть не трогаютъ твои глупыя жалобы на печальную долю, а твои мечты о принцессахъ я считаю блажью, которую выбью изъ твоей головы. Принцесса какая, скажите, выискалась! Скучно и душно среди обыкновенныхъ людей! Необыкновенная она, видите ли, не понимаютъ ее дома, умна больно! Да и то правда, что необыкновенная: съ придурью, что и говорить. Стыдно, сударыня! Отецъ поитъ, кормитъ, печется о тебѣ, а она... Слушай, Надежда: я шутокъ не тер-

плю и ежели эта гусыня, твоя подруженька, еще одно письмо такое напишетъ, я его прямо баронессѣ въ институтъ предоставлю, пусть полюбуется, какія у нея питомицы имѣются, какъ онѣ чужихъ дѣтей портятъ. Такъ ты и знай! А теперь можешь помогать теткѣ обѣдъ стряпать. Да живо у меня, прин-це-сса, непонятая грубыми людьми!

Какъ во снѣ помнитъ Надя мучительный часъ, который пришлось провести ей послѣ всего случившагося дома. Даже мысль о томъ, что ея любимая книжка про принцессу Изольду спрятана на груди (съ нею дѣвочка никогда не разставалась, вслѣдствіе чего книжка избѣгла общей печальной участи), не успокоила Надю.

Въ двѣнадцать часовъ (на дачѣ Таировы обѣдали рано) сѣли за столъ. Отецъ молчалъ, изрѣдка взглядывая строгими глазами на Надю. Молчали и младшіе члены семьи, чувствуя нависшую надъ головами тучу. Одна тетя Таша всячески старалась поддержать настроеніе. Она очень старательно и подробно говорила о баснословной дешевизнѣ деревенской жизни, о свѣжести здѣшнихъ продуктовъ, о здоровомъ воздухѣ и не забывала класть въ то же время лучшіе куски на тарелку своей любимицы Нади. Но ея невинныя хитрости пропадали даромъ, ей не удалось разсѣять создавшагося гнета, и всѣ встали

изъ-за стола въ томъ же подавленномъ настроеніи, съ какимъ садились обѣдать.

— Слава Богу, кончилась пытка, — мысленно поблагодарила судьбу Надя, когда по приказанію отца, убравъ со стола и перемывъ посуду вмѣсто Клавденьки и Шурки на этотъ разъ она съ облегченнымъ вздохомъ вышла изъ дому и пустилась въ путь по направленію своего любимаго уголка.

— Надя! Надюша! — услышала она, отойдя довольно далеко отъ дачи, звонкій голосъ Шурки, догонявшей ее, очевидно, отъ самаго дома.

— Что тебѣ надо? — довольно нелюбезно бросила черезъ плечо Надя сестрѣ.

Запыхавшаяся, красная, какъ піонъ, Шурка, тяжело дыша, остановилась передъ старшей сестрой.

— Надюша... охъ... и ноги же у тебя... прыткія какія... Насилу догнала. Слушай, Надя: ты не тревожься, папаша вспыльчивъ, да отходчивъ... Посердится да и пройдетъ, вотъ увидишь... И надо же было ему самому на почту пойти нынче утромъ, забралъ всѣ письма, которыя адресованы намъ и прочелъ. Ай-ай, какъ сердился! Да завтра же обойдется, вотъ увидишь... Ты, Надя, не горюй, а только этой глупой Бѣляевой своей напиши...

— Что написать? — мгновенно оборачиваясь къ

младшей сестренкѣ, рѣзко, почти грубо, бросила Надя. — Что написать Бѣляевой? Что?

— Да чтобы она не... не подводила тебя такъ больше, — едва нашла въ себѣ силы отвѣтить испуганная грубымъ Надинымъ тономъ Шурка.

Вдругъ Надины руки схватили за плечи дѣвочку и взбѣшенное лицо Нади совсѣмъ приблизилось къ ея лицу.

— Не твое дѣло, слышишь? Не твое дѣло мѣшаться и совѣтовать мнѣ что-либо! — взвизгнула Надя, не помня себя отъ гнѣва. — И убирайся ты отъ меня и отстаньте всѣ отъ меня, ради Бога, и оставьте меня въ покоѣ! Всѣ оставьте! Не хочу я никого, никого, никого!

И съ силой оттолкнувъ отъ себя совсѣмъ растерявшуюся Шурку, Надя быстро-быстро побѣжала по дорогѣ въ Новый Петергофскій паркъ.

Теперь она одна здѣсь на своемъ любимомъ мѣстѣ и ей, относительно, хорошо и спокойно. Она можетъ горевать, сколько ей угодно сейчасъ. Никто ее не увидитъ тутъ, никто ей не помѣшаетъ, никому изъ здѣшнихъ случайныхъ прохожихъ нѣтъ никакого дѣла до ея настроенія, до ея думъ. Мука какая эти думы! Мука какая эта жизнь, будничная, сѣрая,

полная мелкихъ уколовъ, жизнь въ домашней обстановкѣ! Ахъ, если бы она, Надя, могла не возвращаться туда «на дачу», могла бы остаться здѣсь такъ сидѣть всю жизнь съ любимой книгой, съ любимыми мечтами, любоваться этимъ, такъ интересующимъ ее бѣлымъ домомъ съ роскошными затѣями, съ очаровательнымъ цвѣтникомъ.

Надя старается черезъ силу забыть все происшедшее съ нею дома утромъ, всѣ непріятности, всѣ невзгоды и обращаетъ глаза по направленію бѣлой дачи.

Что это такое однако? Сонъ это или она видитъ на яву то, чего не видѣла со дня своего появленія здѣсь?

Бѣлая дача ожила словно по мановенію волшебнаго жезла. На широкой площадкѣ съ сѣткою для лаунъ-тенниса Надя видитъ теперь цѣлую группу дѣвушекъ и молодыхъ людей. Все это по большей части подростки, одѣтые въ спортивные костюмы, приблизительно ея, Надинаго, возраста. Дѣвочки (ихъ Надя насчитала до шести) въ бѣлыхъ юбкахъ и легкихъ лѣтнихъ блузкахъ съ мужскими широкими кушаками и галстуками. Юноши въ полосатыхъ фланелевыхъ брюкахъ и спортсменскихъ рубашкахъ. На головахъ двоихъ надѣты фуражки привилегированнаго военнаго заведенія. Трое другихъ съ англій-

скими кепи на головахъ. Все это молодое общество весело щебечетъ, перебрасывая шары новенькими ракетами. Порою звенитъ испуганно-радостный возгласъ или взрывъ звонкаго, заразительнаго смѣха. Порою насмѣшливое восклицаніе кого-либо изъ играющихъ. Очевидно, борьба идетъ во всю, самая серьезная, самая отчаянная. Противники всячески стараются побѣдить другъ друга. И молодежь и дѣвочки-подростки, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ усталости, носятся, какъ мотыльки съ одного края площадки на другой. Шары летаютъ по воздуху, то попадая съ ракеты на ракету, то тяжело ударяясь въ сѣтку. Вдругъ особенно сильнымъ ударомъ юноша постарше, одинъ изъ тѣхъ, на головѣ котораго сидитъ форменная фуражка, посылаетъ шаръ выше забора и сѣтки, выше положеннаго игрою правила... Шаръ перелетаетъ черезъ ограду дачи и катится по аллеѣ, катится прямо въ сторону скамейки, на которой сидитъ Надя... Юноша бросается за нимъ, но его быстро опережаетъ дѣвочка лѣтъ тринадцати съ толстой, темной, пушистой, спущенной вдоль спины, косою. Въ нѣсколько прыжковъ дѣвочка достигаетъ Надиной скамейки. Еще минута,—и Надя видитъ раскраснѣвшееся въ пылу игры лицо, блестящіе глаза, сверкающіе въ улыбкѣ зубы.

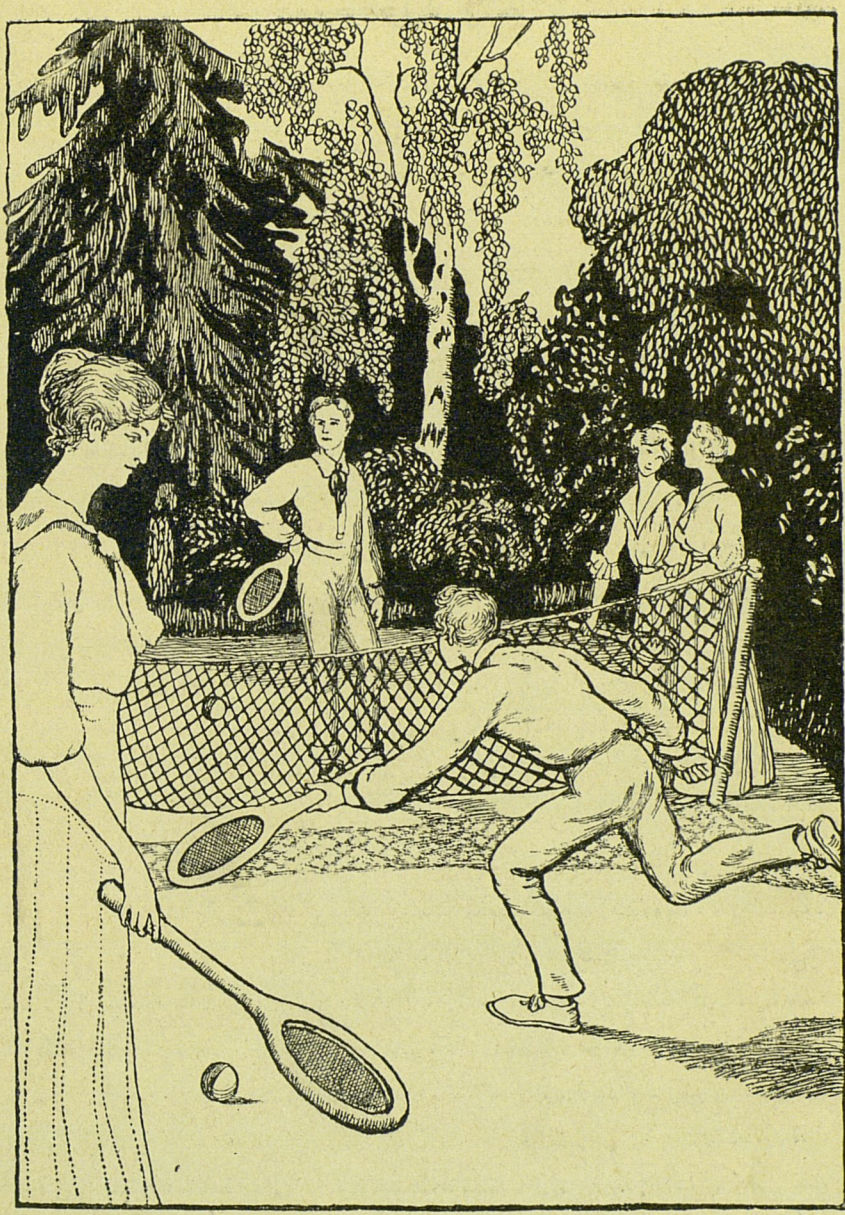
— Наточка! — неожиданно срывается съ губъ Нади, и она широко раскрытыми отъ удивленія глазами смотритъ дѣвочкѣ въ лицо.

— Надя Таирова! Какими судьбами? Вотъ неожиданный сюрпризъ! — и Наточка Ртищева, бывшая одноклассница по институту, крѣпко и звонко цѣлуетъ Надю сначала въ одну щеку, потомъ въ другую.

Надя совсѣмъ ошеломлена такою встрѣчею. Она никогда не была особенно дружна съ Наточкою, которая, какъ по крайней мѣрѣ казалось самой Надѣ, была слишкомъ «генеральша» и «богачиха», а ее, Надю, конечно, ужъ «презирала» за бѣдность. И вдругъ теперь такъ радостно, такъ радушно и просто встрѣчаетъ ее Наточка!

— Ты давно здѣсь на дачѣ? Гдѣ живешь? А мы только что переѣхали... Съ мамой за границу ѣздили... — щебетала, какъ птичка, Наточка. — Вчера только вернулись утромъ, а сегодня уже, какъ видишь, гостей полонъ домъ. Все свои: кузены, сестры двоюродныя. Впрочемъ, одну знакомую встрѣтишь, сама увидишь кого. Вѣдь ты пойдешь къ намъ? Сыграемъ партію... Пожалуйста, я буду такъ рада, Надя!

Какъ мило и искренно сорвалось это приглашеніе съ губъ Наточки! Надя едва вѣритъ своимъ ушамъ.



На широкой площадкѣ съ сѣткою для лаунъ-тенниса Надя видитъ цѣлую группу дѣвушекъ и молодыхъ людей.

Въ отвѣтъ на Наточкино приглашеніе она растерянно оглядѣла свое скромное холстинковое платье, уже много разъ выдержавшее стирку и потерявшее первоначальный цвѣтъ.

— Вздоръ какой, Надя! Нечего стѣсняться, у насъ все свои, повторяю, пришли запросто! Идемъ же скорѣе, кстати, вонъ и Ванечку командировали сюда за нами, — и Наточка кивнула головой въ сторону дачи, откуда спѣшилъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати въ фуражкѣ пажа.

— Куда вы пропали, кузина? — издали кричалъ Ванечка, — безъ васъ партія разстраивается, никто не хочетъ играть.

— Идемъ, Ванечка, бѣжимъ! А я вамъ еще одного партнера веду. — И Наточка, не взирая на всѣ протесты Нади, крѣпко схватила послѣднюю за руку и повлекла за собою.

Къ нимъ присоединился Ванечка, веселый, жизнерадостный, со смѣющимися голубыми глазами пажикъ, и всѣ трое, схватившись за руки, ворвались галопомъ на площадку лаунъ-тенниса.

— Mesdames et messieurs! рекомендую вамъ мою институтскую подругу, Надю Таирову. Знакомьтесь и пожалуйста безъ китайскихъ церемоній, — щебетала Наточка, легонько подталкивая впередъ Надю.

Пять дѣвочекъ, вѣрнѣе, очень юныхъ дѣвушекъ-подростковъ отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ, по очереди подошли здороваться къ Надѣ. Тутъ были двѣ сестрички княжны Ратмировы: старшая Ася, красивая, стройная брюнетка съ изысканными манерами и младшая синеглазая, щебечущая, какъ птичка и веселая хохотушка Лоло. Была и смуглая, съ рѣзкими, мальчишескими манерами Мари Стеблинская, «первый чемпіонъ міра» и «ярая спортсменка», какъ рекомендовалъ Ванечка Надѣ свою сестру. Потомъ очень застѣнчивая, постоянно смущающаяся Зоинька Лоренцъ, блондинка съ пышными локонами, вьющимися по плечамъ. И, наконецъ, еще одна дѣвочка, при взглядѣ на которую Надя даже ротъ открыла отъ неожиданности. Передъ нею стояла Софи Голубева, ея бывшая одноклассница.

— Какими судьбами? — протянула Софи, вскидывая на Надю всегда щурившіеся близорукіе глазки.

Но Надя не успѣла ей отвѣтить. Надо было знакомиться еще съ мальчиками, которыхъ, кромѣ Ванечки и его старшаго брата Никса Стеблинскаго, было еще трое: двое братцевъ-близнецовъ, очень воспитанныхъ и корректныхъ бароновъ Штейнъ — Рафаилъ или Ральфъ, какъ называли старшіе и Федя, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды, оба тщательно причесанные, оба чистенькіе, съ изуми-

тельно свѣжими воротничками и манжетами, несмотря на убійственную жару, и, наконецъ, Митя Карташевскій, пятнадцатилѣтній сирота-подростокъ, проживающій съ самаго ранняго дѣтства въ домѣ Ртищевыхъ.

Надя очень скоро перезнакомилась со всѣмъ обществомъ. Въ нѣсколько минутъ она узнала отъ веселыхъ пажей Никса и Ванечки, приходившихся кузенами Натѣ Ртищевой, что самый сильный противникъ въ игрѣ — это ихъ сестра Маня, и съ нею играть, ой-ой! какъ жутко, что изъ всего наличнаго мужского персонала сильнѣе всѣхъ братцы-двойняшки, Ральфъ и Федя, но что Ванечка надѣется побить ихъ всѣхъ и прослыть первымъ чемпіономъ міра, отвоевать столь почтенное мѣсто у сестры.

— А вотъ Софи слабовато играетъ, — поддразнилъ онъ Голубеву.

— За то Софи отлично играетъ на роялѣ, — поддержала подругу Наточка.

— Каждая женщина должна умѣть играть на роялѣ, — комическимъ тономъ пробасилъ Ванечка.

— И каждый мужчина долженъ умѣть держать языкъ за зубами, а то онъ у тебя съ дырочкой! — расхохоталась Маня, взглянувъ ласково-насмѣшливыми глазами на младшаго брата.

— Ха, ха, ха! — вторила ей младшая княжна Лоло.

Ванечка сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ отпущеннаго по его адресу замѣчанія и, размахивая ракетой, обратился къ Надѣ:

— Хотите, я буду вашимъ руководителемъ въ игрѣ?

— Но я совсѣмъ плохо играю, — покривила душой Надя, которая ни малѣйшаго понятія не имѣла объ игрѣ въ лаунъ-теннисъ.

— Тогда къ Ванечкѣ не совѣтую итти въ ученицы: то, что и знаете — забудете, вотъ какой онъ у насъ учитель, — сострилъ Никсъ, — высокій, стройный юноша лѣтъ шестнадцати.

— Вотъ такъ жюри выискался! А самъ только этой весной сталъ учиться играть, — налетѣлъ на брата Ванечка.

— Гдѣ это видано, чтобы младшіе на старшихъ голосъ поднимали? — отшучивался Никсъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ, такимъ же смуглымъ, какъ и у его младшей сестрицы, и съ такими же выпуклыми темными глазами, какъ и у нея.

— Давайте, я васъ учить буду, — предложила Маня Надѣ.

— Неужели отклоните предложеніе самого господина профессора? — не унимался Ванечка.

— Господа, а я такъ предлагаю прервать партію: жара невозможная да и чай сейчасъ пить позовутъ; видите, леди Пудлей идетъ за нами, — подняла голосъ Наточка.

Дѣйствительно, съ террасы балкона сходила высокая, стройная дама, мало похожая на тотъ типъ англійскихъ гувернантокъ, сухихъ и чопорныхъ, какія обыкновенно пріѣзжаютъ въ Россію воспитывать русскихъ дѣтей.

Леди Пудлей, свѣтлая шатенка, съ полными розовыми щеками, увѣнчанными двумя чрезвычайно милыми ямочками, еще издали закивала и заулыбалась Надѣ. Она очень любезно поздоровалась съ нею и спросила дѣвочку что-то по-англійски.

Надя вспыхнула до ушей, услыша англійскую фразу: она ни слова не понимала на этомъ языкѣ.

Тогда Наточка, чтобы выручить свою бывшую одноклассницу, попросила леди Пудлей говорить съ Надей по-французски.

Увы! Надя оказалась и здѣсь немногимъ сильнѣе. Она перевирала слова, путала артикли и, наконецъ, окончательно смущенная, замолкла совсѣмъ, чуть ли не плача отъ стыда и досады, видя устремленные на нее, полные удивленія, взгляды дѣтей, ожидавшихъ болѣе опредѣленныхъ знаній языковъ отъ бывшей институтской питомицы. Отъ глазъ

Нади не укрылась и легкая смѣшливая улыбочка, которую Софи Голубева не успѣла замаскировать при первыхъ же французскихъ фразахъ ея, Нади. Эта улыбочка взорвала дѣвочку.

— Противная Софья! Не можетъ не язвить! — мысленно выбранила свою бывшую подругу Надя.

— Дѣти, васъ просятъ пить чай, — произнесла леди Пудлей по-англійски, обращаясь къ юному обществу.

— Господа, идемте! А послѣ чая я предлагаю отправиться посмотрѣть кое-что, что не откажется показать намъ Митя. Митя, вѣдь ты покажешь? — съ просительной улыбкой обратилась къ названному брату Наточка.

— Покажу, конечно, — отвѣчалъ съ полной готовностью высокій темноглазый Митя съ умнымъ, энергичнымъ и открытымъ лицомъ, большой пріятель Наточки.

— Messieurs, предлагайте руки дамамъ! Идемъ на террасу попарно, какъ пай-дитюши и прошу безъ шалостей, — едва удерживаясь отъ смѣха, предложила младшая княжна Лоло.

— У меня руки грязныя, я могу итти только въ одиночку, а то дама обидится, — дурачился Ванечка.

— Ничего, ты будешь моимъ кавалеромъ. Сестры, какъ видишь, народъ не взыскательный, — покровительственно опуская ему на плечо руку, проговорила Маня.

— Нѣтъ, я луцсе хоцу за даму, — пищалъ Ванечка, копируя маленькаго беби.

— Пѣхота, стройся... Налѣво, кругомъ, шагомъ маршъ! — скомандовалъ Никсъ и, подхвативъ Наточку за руку, понесся съ нею впереди остальныхъ галопомъ по аллеѣ.

— Куда вы? Куда вы? Уговоръ былъ шагомъ итти, а ты въ прискочку! — кричалъ Митя, спѣшно подставляя калачикомъ руку Надѣ.

— А я вашего брата отлично знаю. Сергѣй Таировъ, семиклассникъ, вѣдь вашъ братъ? — неожиданно обратился онъ къ дѣвочкѣ и, не слушая того, что она пробормотала ему въ отвѣтъ, продолжалъ, шагая большими шагами по аллеѣ: — Отличный юноша, что и говорить, вашъ братъ и учится блестяще. Начальство на него не нахвалится. Директоръ въ примѣръ намъ его ставитъ. И симпатичный какой! Я бы счастливъ былъ съ нимъ сойтись поближе, хотя мы и разныхъ классовъ. Вы далеко живете отъ насъ?

— Не далеко, — сорвалось у Нади, которая готова была скорѣе провалиться сквозь землю, нежели

позволить себѣ сознаться въ томъ, что живетъ она не здѣсь, въ этомъ великолѣпномъ Петергофѣ, а гдѣ-то на задворкахъ, въ ничтожной деревушкѣ, гдѣ они снимаютъ не дачу, какъ всѣ добрые люди, а какой-то коровій хлѣвъ, какъ мысленно окрестила она свое дачное помѣщеніе.

— А гдѣ? На какой улицѣ?—не унимался Митя.

— Я вамъ дамъ потомъ адресъ, если хотите,— уклончиво отвѣчала дѣвочка.

— Господа, да держите шеренгу! Штейнъ, Nummer eins! (Штейнъ — номеръ первый). Нельзя ли не выскакивать изъ линіи? — не унимался Никсъ, очень прочно вошедшій въ свою новую роль командира.

— Да, да, я и такъ стараюсь, ваше превосходительство! — отозвался одинъ изъ бѣлокурыхъ близнецовъ, очень торжественно ведущій подъ руку даму, старшую княжну, въ то время, какъ его братъ, такой же бѣлокурый и краснощекій, велъ младшую, хохотушку Лоло.

Софи Голубева выступала съ Маней Стеблинской, которая за недостаткомъ кавалеровъ, часто исполняла роль мальчика.

Воспитанная съ братьями, Маня всей душой сожалѣла, что ей нельзя поступить въ корпусъ, ѣздить по-мужски верхомъ на лошади, лазить по деревьямъ и играть въ футболъ. Если что и при-

миряло дѣвочку съ ея дѣвичьей долей, такъ это спортъ, которому она отдавалась съ искреннимъ увлеченіемъ и любовью.

Наконецъ, шествіе замыкали Ванечка, съ одной стороны держа подъ руку леди Пудлей, съ другой же миловидную Зоиньку Лоренцъ, краснѣвшую и конфузящуюся каждый моментъ.

На балконѣ молодежь уже поджидали. Вокругъ чайнаго, роскошно сервированнаго, уставленнаго всевозможнымъ тонкимъ печеньемъ, тортами, бисквитами и вареньемъ разныхъ сортовъ стола сидѣли хозяева дачи: самъ хозяинъ Петръ Васильевичъ Ртищевъ, очень представительный сѣдой генералъ въ бѣломъ сверкающемъ кителѣ; его жена, еще не старая женщина со слѣдами рѣдкой красоты, которую она передала старшей дочери Нонѣ, находящейся тутъ же за столомъ въ обществѣ своего жениха, молодого уланскаго офицера.

Семью Ртищевыхъ Надя знала давно по институтскимъ пріемамъ, и красавица Нона Ртищева, тонкая, задумчивая брюнетка съ атласной матовой кожей, очень тихая и молчаливая всегда казалась Надѣ образцомъ женской красоты, элегантности и изящества.

Кромѣ хозяевъ и Владиміра Александровича Планова, жениха Ноны, за столомъ находилась очень

оригинальная пожилая особа, рыхло-толстая, небольшого роста, въ сѣромъ муслиновомъ платьѣ и съ очень дорогой шляпой на головѣ. Она поминутно утирала потъ, катившійся градомъ съ ея лица и обмахивалась тонкимъ батистовымъ платочкомъ. Лишь только молодежь появилась на балконѣ, полная дама навела лорнетъ на лицо Нади да такъ и не отрывала его все время, пока дѣвочка обходила столъ и присѣдала передъ каждымъ изъ присутствующихъ.

«На ворѣ шапка горитъ», гласитъ русская пословица, такъ и Надѣ казалось, что и хозяева и гости давнымъ-давно знаютъ, что ее, Надю, исключили за нерадѣніе изъ института и что врядъ ли хозяевамъ здѣшняго дома можетъ быть пріятно ея появленіе здѣсь. Поэтому дѣвочка чувствовала себя далеко не въ своей тарелкѣ. Между тѣмъ старшіе члены семьи Ртищевыхъ встрѣтили ее не менѣе ласково, нежели Наточка.

— Очень рада, очень рада, — привѣтливо произнесла генеральша и поцѣловала Надю въ лобъ.

— Ага, нашему полку, значитъ, прибыло, однимъ игрокомъ больше стало. Совѣтую обыграть хорошенько вотъ эту разбойницу, — лукаво подмигивая въ сторону Мани, пріятнымъ бархатнымъ басомъ шутливо совѣтовалъ Надѣ генералъ, дружески пожимая руку дѣвочки.

А полная дама въ сѣромъ платьѣ все не отрывала попрежнему отъ Нади вооруженныхъ лорнетомъ глазъ. И подъ этимъ взглядомъ дѣвочка чувствовала себя очень неловко. Наконецъ, гостья отложила въ сторону лорнетъ и, наклонившись къ плечу генеральши, прошептала, но такъ громко, что до окончательно растерявшейся Нади долетѣли ея слова.

— Послушайте, ma chère Елена Дмитріевна, откуда вы достали эту Сандрильону?

— Какую Сандрильону? — не поняла въ первую минуту хозяйка дома.

— Ахъ, Боже мой! Неужели вы не находите, что эта очаровательная дѣвчурка похожа на переодѣтую принцессу?

— Кто? Надя Таирова? А вы большой романтикъ, Анна Ивановна, — улыбалась хозяйка. — Я и не подозрѣвала такого грѣшка за вами.

— Какой тутъ грѣшокъ, моя милая, умѣть отыскать истинное изящество и красоту подъ самымъ затрапезнымъ нарядомъ, — и, опустивъ лорнетъ, она кивнула Надѣ:

— Подойдите ко мнѣ, душечка, я хочу познакомиться съ вами.

Красная, какъ піонъ, Надя поднялась со своего мѣста и, сконфуженная и обрадованная въ одно и

то же время этимъ лестнымъ для нея вниманіемъ незнакомой дамы, робко приблизилась къ ней.

Маленькіе, быстрые глазки Анны Ивановны съ явнымъ удовольствіемъ остановились на разрумянившемся лицѣ дѣвочки.

— Очень мила! Очень мила! Très comme il faut, très distinguée! (Очень прилична. Очень изысканна)— бормотала вполголоса оригинальная особа. — И какая скромная! На удивленіе милая дѣвочка! И такъ напоминаетъ покойную Вѣру, — продолжала восторгаться она.

Елена Дмитріевна пришла на помощь къ Надѣ.

— Да полно вамъ смущать дѣвочку, Анна Ивановна. Видите, какъ маковъ цвѣтъ, стоитъ передъ вами. Отпустите вы ее къ ея юнымъ друзьямъ, — съ улыбкой уговаривала она свою гостью.

— Ну, Богъ съ вами, дѣточка, идите ужъ, отлично понимаю, что съ молодежью, съ подругами и товарищами вамъ куда интереснѣе, нежели со мною, старухою. А только, если когда заскучаете случайно, захотите новенькое что-нибудь повидать, — приходите ко мнѣ въ гости. Я живу... — Тутъ дама назвала улицу и номеръ своей дачи и кивкомъ головы отпустила Надю.

Вскорѣ затѣмъ она объявила, что ей пора домой и стала собираться. Хозяева пошли провожать ее

до воротъ дачи. Нона Ртищева и ея женихъ присоединились къ нимъ. Молодежь осталась за столомъ подъ наблюденіемъ леди Пудлей.

— Это извѣстная оригиналка и страшная богачиха Анна Ивановна Поярцева, — шопотомъ объявила своимъ гостямъ Наточка, какъ только рыхлая фигура и сѣрое муслиновое платье гостьи скрылись за деревьями.

— У нея цѣлый эскадронъ мосекъ, приживалокъ и канареекъ, — вторилъ кузинѣ Ванечка.

— И домъ какъ дворецъ. А живетъ она одна-одинешенька, безъ родныхъ и друзей... — заключила его сестра Маня.

— А ты ей очень понравилась, Надя, — и Наточка сочувственно улыбнулась черезъ столъ подругѣ.

— Удивительно только, какъ это она такъ съ перваго раза воспылала? — проронилъ Никсъ.

— Для объединенія родственныхъ душъ не надо много времени, — докторальнымъ тономъ объявилъ басомъ Ванечка.

Всѣ разсмѣялись.

Софи Голубева съ кислой улыбкой обратилась къ Надѣ:

— Удивительно, чѣмъ ты такъ очаровала ее? — процѣдила она сквозь зубы.

Надя почувствовала легкую насмѣшку въ тонѣ дѣвочки. Голубеву она никогда не любила и не пользовалась въ свою очередь симпатіей послѣдней еще въ институтскіе дни. Почуя уколъ въ словахъ бывшей одноклассницы, Надя вспылила мгновенно и тотчасъ же отпарировала ее.

— А ты думаешь, чтобы имѣть счастье понравиться кому бы то ни было, необходимо выдержать экзамены на круглое двѣнадцать или зубрить до одури съ утра до ночи и съ ночи до утра? — насмѣшливо обратилась она къ Софи.

Голубева прищурилась и раскрыла, было, ротъ, чтобы отвѣтить Надѣ, но Наточка очень ловко замяла начавшуюся было ссору и предложила гостямъ послѣ чая взглянуть на Митинъ «гадючникъ».

— Тамъ есть жаба огромная, два ужа и даже ядовитая змѣя, — съ значительнымъ видомъ сообщила она.

Дѣйствительно, позади дома, во дворѣ, между двумя теплицами, въ глубокой ямѣ, прикрытой сверху оконной рамой, дружно дѣлили заключеніе три змѣи и огромныхъ размѣровъ жаба.

Дѣвочки пищали и ахали, разглядывая «чудовищъ». Мальчики, конкурируя въ храбрости, пред-

лагали доказать свое безстрашіе и на пари спуститься въ яму. Кончилось тѣмъ, что всѣ единогласно рѣшили сыграть партію въ крокетъ.

Поздно вечеромъ, пренебрегая опасностью получить снова выговоръ отъ отца, Надя вернулась изъ гостей къ себѣ на дачу. Она была какъ въ чаду. Голова дѣвочки пріятно кружилась отъ всѣхъ пережитыхъ нынче впечатлѣній. Какъ чудесно прошелъ этотъ день! Какое неожиданное удовольствіе подарила ей, Надѣ, судьба сегодня! Даже ея болѣе чѣмъ скромный нарядъ на этотъ разъ не очень смущалъ дѣвочку, еще менѣе смущали язвительныя насмѣшки Голубевой и боязнь того, что «ехида», какъ мысленно обзывала Надя Софи, не обмолвилась бы о томъ, что ее, Надю, исключили изъ института. Вечеръ въ гостяхъ прошелъ еще лучше дня. Ее оставили обѣдать у Ртищевыхъ, а вечеромъ при прощаньѣ и сама Елена Дмитріевна и Наточка просили Надю притти къ нимъ въ ближайшій четвергъ отпраздновать Наточкино рожденіе. Надя, пунцовая отъ восторга, разумѣется, отвѣчала согласіемъ и благодарностью. Не слыша ногъ подъ собою, вернулась она домой. Отецъ, на ея счастье, уже спалъ. Но тетя Таша, Клавденька и Шура ждали ее на лавочкѣ подъ березой.

Захлебываясь восторгомъ, Надя передала имъ

все случившееся съ нею нынче, не пожалѣвъ красокъ и дополнивъ дѣйствительность вымысломъ. Но одна только Шурка съ восторгомъ внимала ея словамъ. Тетя Таша откровенно зѣвала, слушая разсказъ Нади, а Клавденька сказала, какъ отрѣзала, прямо въ лицо сестрѣ:

— Ай, Надежда, не по носу табакъ, не по тебѣ это общество. Не совѣтую туда частить. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, — предостерегала она сестру.

— Пожалуйста, не учи! — вспылила Надя. — Тебѣ, кажется, завидно, что меня принимаютъ въ такомъ аристократическомъ домѣ, — съ надменной миной прибавила она.

— За-вид-но-о-о?—протянула Клавдія съ удивленіемъ. — Вы слышите, тетя Таша, что она говоритъ? Ой, и глупа же ты, Надежда, какъ я на тебя погляжу. Мнѣ завидовать? И кому же? Ужъ не въ томъ ли...

— Дѣвочки, не ссорьтесь, ради Бога! Спать пора. Вонъ скоро свѣтать начинаетъ. Отецъ опять недоволенъ будетъ, если ты проспишь, Надя. Ступай же, милушка, ступай, — примиряющимъ тономъ говорила тетя Таша. И, когда, послушавшись ея дѣльнаго замѣчанія, Надя направилась къ дому, тетя Таша стала ласково выговаривать Клавдіи за ея рѣзкость съ сестрою.

— Ты бы поласковѣе съ нею, Клавдюша. Сама видишь, какая она у насъ хрупкая, нѣжная, дѣйствительно, словно не изъ бѣдной семьи, а принцесса какая переодѣтая; а ты ее бранишь...

— Ахъ, тетя, мало того, что вы избаловали вашу бѣлоручку-любимицу, еще и другихъ заставляете ее баловать. Нѣтъ, ужъ увольте, я ублажать Надежду не стану, довольно съ нея и вашего баловства. А что она выше своей среды залѣзаетъ, такъ это и вовсе нехорошо; сами хорошо понимаете, только еще лѣнивѣе да требовательнѣе будетъ,—своимъ рѣзкимъ тономъ говорила, какъ рѣзала, Клавдія.

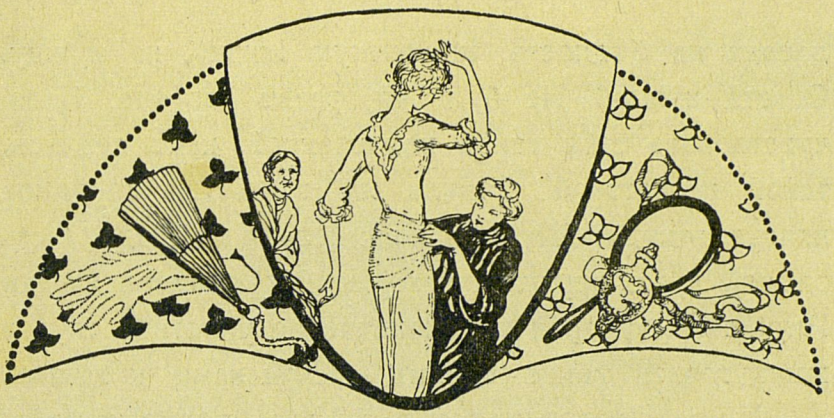
Увы! Въ глубинѣ своей души тетя Таша была вполнѣ согласна со старшей племянницей, но ей было безконечно жаль «обездоленную», какъ она мысленно называла свою любимицу, Надю, и старушка была безконечно счастлива, если бы судьба, хоть отчасти, хоть самую маленькую толику, побаловала ея ненаглядную дѣвочку.

И сама Надя въ это время, запершись у себя въ каморкѣ, сладко грезила о такъ весело проведенномъ ею сегодняшнемъ днѣ, мѣшая дѣйствительность съ небылицами и сама не замѣчая, вѣря послѣднимъ.

Въ эту ночь самые свѣтлые, самые радостные сны снились Надѣ... Она перестала быть Надей

Таировой, дочерью бѣднаго банковскаго писца въ сонныхъ грезахъ и превращалась въ богатую дѣвочку изъ аристократическаго дома, ни въ чемъ не имѣвшую отказа, окруженную самыми нѣжными заботами.

Золотые сны! Какъ они баюкали Надю, навѣвая счастливую улыбку на розовыя губки спящей дѣвочки!



Розовое платье. Пестрый день начинается.

— Въ чемъ же ты пойдешь на рожденіе къ твоимъ Ртищевымъ? Тамъ вѣдь всѣ, навѣрное, расфуфыренные будутъ, а у тебя ничего нѣтъ, кромѣ выходного коричневаго платья... Такъ какъ же?— И бойкіе глазенки Шурки, устремленные въ лицо Нади, такъ и горятъ, такъ и сверкаютъ самымъ недвусмысленнымъ, жаднымъ любопытствомъ.

Надя искренно смущена. Въ самомъ дѣлѣ, какъ она пойдетъ въ коричневомъ, когда всѣ будутъ, навѣрное, въ свѣтлыхъ и очень нарядныхъ платьяхъ? Вопросъ Шурки застаетъ ее врасплохъ.

— Я... право не знаю...— мямлитъ она, и въ глазахъ ея загорается досада, закипающая въ сердцѣ

досада на бѣдность, нищенскую жизнь, на нужду. О, эта нужда! Не будь ея, развѣ бы она, Надя, чувствовала себя такой подавленной, какъ сейчасъ, такой несчастной. Откуда же взять ей нарядное платье, откуда? Шурка права: нельзя ей, Надѣ, быть одѣтой хуже другихъ, хуже этой противной Софьи Голубевой, которая уже конечно не упуститъ случая пошпиговать Надю своими насмѣшками и язвами.

Шурка, которая все послѣднее время ходитъ, какъ собачка, за Надею, готовая по сту разъ выслушивать разсказы сестры о томъ, какъ принимали Надю въ богатомъ Ртищевскомъ домѣ, тоже смущена, не менѣе самой Нади. Четвергъ не за горами, а платья нѣтъ и денегъ нѣтъ тоже, необходимыхъ сейчасъ для Нади денегъ.

— Спросить у Сережи, развѣ? У него завелся снова лѣтній урокъ здѣсь, въ Петергофѣ. Онъ — добрый — дастъ, — дѣлаетъ робкое предположеніе встревоженный мозгъ Нади. И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, она отправляется на прудъ къ брату.

Сережа удитъ съ плота рыбу. Ему жарко, онъ распоясался. Темные волосы прилипли ко лбу. Глаза жадно устремлены на гладкую поверхность воды; загорѣлая до черноты рука держитъ удочку.

Надя присаживается подлѣ него и начинаетъ

мямлить о томъ, что черезъ четыре дня рожденіе ея подруги, барышни изъ очень большого общества (эти слова Надя произноситъ съ плохо замаскированной гордостью, не замѣчая широко раскрытаго отъ удивленія взгляда Сережи) и ей необходимо имѣть нарядное платье къ этому дню. А денегъ у нея нѣтъ. Такъ вотъ она пришла просить его, Сережу, не можетъ ли онъ дать ей хоть сколько-нибудь, чтобы купить необходимую матерію съ прикладомъ.

При послѣднихъ словахъ Нади, Сергѣй хмурится, сдвигая темныя энергичныя брови.

— Откуда же мнѣ взять деньги, сама знаешь?— глядя въ самые зрачки Нади своими открытыми правдивыми глазами, говоритъ онъ, ни на минуту не переставая удить.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь у тебя урокъ есть, ты заработалъ же немного,—уже не прежнимъ—просительнымъ, а требовательнымъ тономъ отвѣчаетъ брату Надя.

— Нѣтъ, у тебя положительно здѣсь не все слава Богу,—въ свою очередь раздражается всегда спокойный и уравновѣшанный Сергѣй и легонько стучитъ пальцемъ по Надиному лбу. — Ну, да, заработалъ восемь рублей урокомъ въ этомъ мѣсяцѣ и отъ него всего сорокъ копѣекъ осталось. Папашина микстура, считай, три шестьдесятъ за четыре склянки,

да козье молоко ему, докторъ велѣлъ пить, — два рубля, потомъ подметки новыя на сапоги мнѣ...

— Довольно, довольно, — не слушая брата и зажимая пальцами уши, сердито кричитъ Надя. — Избавьте меня отъ этой прозы, прошу васъ.

— Да какая же это проза? Самая насущная потребность... Вотъ чудачка... И чего ты злишься, я не понимаю, — совсѣмъ уже добродушно смѣется Сережа. — Эхъ, Надюха, Надюха, и фантазерка же ты, какъ я на тебя погляжу! Небось поэзіей одной сыта не будешь, а тоже туда же, проза да проза... Эхъ, ты!

Но Надя уже не слышитъ словъ Сергѣя. Съ видомъ развѣнчанной королевы, оскорбленной въ своихъ лучшихъ чувствахъ, отходитъ она отъ него. Ѣдкая обида жжетъ ей сердце, обида на бѣдность, на свою злосчастную судьбу. Она такъ и повторила про себя мысленно нѣсколько разъ.

— Злосчастная моя судьба... злосчастная!

Всѣ счастливы, довольны въ мои годы, а я, такая молодая, такая интересная (Надѣ хотѣлось сказать иначе: «красивая», но она почему-то постѣснялась) и вотъ должна такъ страдать...

Надутая, недовольная, озлобленная на весь міръ, она возвратилась домой.

— Не уходи далеко, Наденька, сейчасъ обѣдать будемъ,—предупредила свою любимицу тетя Таша. — Да что это съ тобою, дѣточка? На тебѣ лица нѣтъ...

И въ слѣдующую же минуту тетя Таша искренно раскаивается въ вырвавшихся у нея словахъ. Надя порывисто закидываетъ на шею руки и, уткнувшись лицомъ къ домашнюю ситцевую блузу тети Таши, рыдаетъ навзрыдъ.

Тетя Таша совсѣмъ растерялась.

— Дѣточка моя! Крошка моя, ненаглядная, о чемъ? Кто обидѣлъ мою ласточку, мою голубку бѣленькую, любимую мою? Скажи, дѣтка, скажи...— лепечетъ она, сама готовая разрыдаться.

Но «ласточка» и «крошка» только что-то мычитъ въ отвѣтъ на всѣ встревоженныя рѣчи тетки. Проходитъ немало времени, пока «ласточка» и «крошка» можетъ оправиться и пробормотать между всхлипываніями, едва владѣя собою:

— Меня никто... не... не... обидѣлъ... А только... только... мнѣ въ чет-вергъ на-до къ Рти-ще-вымъ итти... Къ Наточкѣ... на ро-жде-ніе... А... а... у ме-ня надѣть нечего... платья нѣту-у ни-ка-ко-го...— выводитъ она съ трудомъ.

— Какъ нѣтъ платья? А коричневое? Коричневое же, дѣтка, совсѣмъ хорошее у тебя... свѣжее...— напоминаетъ тетя Таша.

— Свѣжее?

Слезы Нади высыхаютъ сразу. О, какъ она сейчасъ зла! Что за безтолковая, право, эта тетя Таша! Какъ можетъ она говорить о коричневомъ платьѣ, которое развѣ годно только для генеральской горничной, что служитъ въ домѣ Ртищевыхъ вмѣстѣ съ двумя лакеями у стола. Явиться на семейный праздникъ въ коричневомъ платьѣ — значитъ насмѣшить всѣхъ. Нѣтъ, необходимо сдѣлать новое нарядное платье или вовсе не итти, лучше изнывать въ тоскѣ дома, лучше забыть про Наточкино рожденіе.

И при одной мысли объ этомъ Надя снова изливаетъ фонтанъ слезъ.

Тетя Таша не можетъ видѣть плачущей свою любимицу. Минуту она думаетъ молча, прижимая къ груди бѣлокурую головку; потомъ лицо ея проясняется сразу; улыбка играетъ на губахъ.

— Перестань, Наденька, перестань, утри свои глазки... Можетъ быть твоему несчастью можно еще помочь, дай срокъ только.... Къ Клавденькѣ я пойду, поклонюсь ей, челомъ ударю. Она заказъ здѣсь недавно получила дачный: цѣлую дюжину рубашекъ да двѣ дюжины платковъ намѣтить. Почти готова у нея работа сейчасъ, сегодня къ вечеру отнести сдавать хотѣла, значитъ и деньги получитъ

сразу. Вотъ и одолжитъ намъ съ тобой на время. А какъ пенсію получу, такъ и разсчитаюсь съ нею. Ну, улыбнись же, прояснись, моя зоренька ясная, поцѣлуй меня, душка... — ласкала тетка свою любимицу.

Надя сіяла и улыбалась, забывъ недавнія слезы и цѣловала тетку, которая казалась ей теперь верхомъ доброты и совершенства.

До знаменательнаго четверга оставалось только три дня времени. Но и въ эти три дня тетя Таша при помощи Клавденьки, а отчасти и Шурки сдѣлала чудо или не чудо, вѣрнѣе, а нарядное розовое платье съ такимъ же поясомъ изъ легкой вуали, отдѣланное кружевами и лентами. Платье вышло, дѣйствительно, прелестнымъ при самой микроскопической затратѣ денегъ, ввѣренныхъ въ долгъ Клавденькой. Тетя Таша сама придумала фасонъ, цвѣтъ, отдѣлку. Сама съѣздила въ Петроградъ въ Маріинскій рынокъ и тамъ на распродажѣ купила, за грошъ сравнительно, все необходимое. Отъ Ивана Яковлевича скрыли покупку матеріи и самую поѣздку тети Таши въ городъ. Раздражать больного было крайне рискованно да и къ тому же Надя такъ трогательно молила тетю Ташу ни слова не говорить до поры до времени отцу про новое платье, что

слабая безхарактерная Татьяна Петровна позволила себѣ сдѣлать эту оплошность, сдавшись на просьбы своей любимицы.

Теперь Надино платье шилось въ шесть рукъ ранними утрами и поздними вечерами, пока отецъ семейства отдыхалъ у себя въ комнатѣ. Тетя Таша и Клавденька торопливо набрасывали стежки за стежками, наметывали, прикидывали отдѣлку, примѣряли нѣжныя облака прозрачной вуали на Надѣ. Даже Шурка помогала имъ, какъ могла: она спарывала наметку, вынимала нитки, пришивала кнопки, приметывала кружева. Одна Надя ничего не дѣлала, слоняясь изъ угла въ уголъ, мѣшая работавшимъ праздными, ни къ чему не ведущими разспросами, критикуя каждый штрихъ, каждую складку.

Уже рано утромъ въ четвергъ платье было готово и тщательно разглажено на постели въ Надиной каморкѣ. Наканунѣ съ вечера было испрошено у Ивана Яковлевича разрѣшеніе итти Надѣ къ Ртищевымъ на цѣлый день. Иванъ Яковлевичъ разрѣшилъ на этотъ разъ безо всякихъ задержекъ. Поправившійся, было, въ первое время своего пребыванія на дачѣ, онъ снова почувствовалъ теперь значительное ухудшеніе въ состояніи своего здоровья и почти не покидалъ постели.

Отъ волненія о предстоящемъ ей удовольствіи,

Надя проснулась въ четвергъ чуть ли не съ пѣтухами и къ двѣнадцати часамъ была уже совсѣмъ готова. Она, дѣйствительно, казалась прехорошенькой нынче. Розовое облако вуали окружало ея хрупкую изящную фигурку, оттѣняя легкимъ заревомъ нѣжное личико, къ которому никакъ не могъ пристать здоровый деревенскій загаръ. Тетя Таша собственноручно расчесала пышные бѣлокурые волосы дѣвочки и, заплетя ихъ въ двѣ косы, уложила ихъ двумя вѣнчиками на маленькой головкѣ. Получилась очень эффектная прическа. Надя то и дѣло заглядывала въ зеркало и не могла въ достаточной мѣрѣ налюбоваться собою. Отъ обѣда она, разумѣется, отказалась, говоря, что ее ждетъ великолѣпный обѣдъ въ генеральскомъ домѣ.

— Куда ужъ намъ передъ генеральскимъ-то! — не могла не замѣтить Клавденька, недовольная поведеніемъ Нади и ея небрежнымъ отношеніемъ къ окружающимъ.

Но ея замѣчаніе даже не достигло до слуха Нади. Накинувъ на голову легкій газовый шарфъ, изъ-подъ котораго какъ-то особенно мило выглядывало бѣлое нѣжное личико съ сіяющими отъ удовольствія глазами, чмокнувъ на ходу тетку и кивнувъ головою сестрѣ, Надя быстрой птичкой выпорхнула изъ скромнаго домика.

Былъ уже второй часъ въ началѣ, а Ртищевы приглашали ее на шоколадъ ровно къ двумъ. Надо было спѣшить. Впереди предстоялъ еще довольно продолжительный путь къ Новому Петергофу.

— Ну, наконецъ-то! А мы думали, что ты уже не придешь. — И Наточка Ртищева, вся въ бѣломъ, съ бѣлыми розами въ волосахъ и у корсажа платья, веселая, радостная, какъ и подобаетъ быть новорожденной, протягиваетъ Надѣ обѣ руки и звонко цѣлуетъ ее въ щеку.

— Да какая же ты нарядная и хорошенькая! — не удерживается, чтобы не сказать Наточка, окидывая подругу любующимся взглядомъ.

Сама Наточка совсѣмъ нехороша собою: у нея неправильное лицо, вздернутый носъ, слишкомъ толстыя щеки. Но глаза очень хороши: каріе, добрые, съ поминутно зажигающимися въ нихъ ласковыми огоньками.

Надя польщена. Все лицо ея вспыхиваетъ румянцемъ смущенія и радости отъ похвалы подруги. Тѣмъ болѣе, что кое-кто изъ присутствующихъ разслышалъ лестныя для нея, Нади, Наточкины слова.

Въ большой плющевой бесѣдкѣ, находящейся посреди сада, собралось цѣлое общество. Это по большей части молодежь, подростки. Красавица Нона

Ртищева сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и разливаетъ шоколадъ изъ большой серебряной миски въ изящныя фарфоровыя чашечки. Леди Пудлей и Митя помогаютъ ей хозяйничать. Гостей, помимо обычнаго юнаго общества, посѣщающаго Ртищевыхъ, кромѣ обѣихъ княженъ Ратмировыхъ, братьевъ Штейнъ, Зоиньки Лоренцъ, Софіи Голубевой и «неунывающей тройки удалой», какъ прозвалъ своихъ племянниковъ Стеблинскихъ Петръ Васильевичъ Ртищевъ, — было еще человѣкъ двѣнадцать, совершенно незнакомыхъ Надѣ. Здѣсь нѣсколько товарищей по классу Мити Карташевскаго, двое пажей, одноклассниковъ Никса и Ванечки и двѣ-три барышни. Всѣ очень нарядно одѣты во все свѣтлое, и лица у всѣхъ сіяющія и довольныя.

— Ура! — закричалъ Ванечка, при видѣ Нади, нерѣшительно остановившейся на порогѣ, при видѣ столькихъ чужихъ. — Пришли-таки, а мы думали, что вы уже такъ и не придете. Я уже взялъ у кузины Ноны три чайныхъ полотенца на случай слезъ неутѣшныхъ, а вотъ они и не понадобились. Ура! Вмѣсто слезъ горькихъ предпочитаю выпить за ваше драгоцѣнное здоровье чашку сладкаго шоколада! — и Ванечка однимъ духомъ осушилъ чашку, самоотверженно обжигая себѣ ротъ и дѣлая изумительныя гримасы.

— Ой-ой, какой смѣшной! — раскатилась своимъ безудержнымъ смѣхомъ младшая изъ сестрицъ-княженъ, Лоло, при видѣ корчившаго рожицы Ванечки.

— А мнѣ такъ вовсе не до смѣха... Этотъ нелюбезный шоколадъ пребольно жжется, — отдуваясь и округляя глаза, дурачился мальчикъ.

— А ты потри себѣ языкъ мыломъ — отъ ожоговъ помогаетъ прекрасно, — съ невиннымъ видомъ посовѣтовалъ брату Никсъ.

Всѣ разсмѣялись. Сердобольная Нона предложила Ванечкѣ лимонаду со льдомъ.

— Не хочешь ли фруктовъ или конфектъ? — угощала въ то же время Надю Наточка.

— А почему вы своего брата не привели съ собою? — шопотомъ освѣдомился Митя Карташевскій, придвигая Надѣ чашку съ ароматичнымъ дымящимся шоколадомъ.

— Вотъ еще новости — приводить съ собою Сережу: да онъ двухъ словъ связать не сумѣетъ въ обществѣ, да и костюма у него нѣтъ подходящаго, — вихремъ пронеслось въ бѣлокурой головкѣ Нади, но она только любезно улыбнулась въ отвѣтъ на слова Мити и пробормотала что-то о несуществующемъ недомоганіи брата.

— Однако, mesdames et messieurs, я возвращаюсь

къ прерванному разсказу, — весело провозгласилъ Никсъ, обводя сверкающими глазами все юное общество.

— Да, да, Никсъ, разскажите, разскажите! Какъ все это интересно! — подхватило хоромъ нѣсколько дѣтскихъ голосовъ.

— Вы пришли какъ разъ въ то время, m-lle Надинъ, — обязательно пояснила Надѣ ея сосѣдка княжна Ася Ратмирова, когда Никсъ только что разсказывалъ намъ про свою поѣздку ночью въ гондолѣ по венеціанскимъ каналамъ. Это такъ очаровательно!

Ася не выговариваетъ буквы р, и это легкое грасированіе удивительно шло къ ея типу.

— Непремѣнно надо будетъ попробовать начать говорить такъ же, — рѣшаетъ въ глубинѣ души Надя, — а манеру ходить и слушать собесѣдниковъ надо перенять у Ноны Ртищевой, и прическу тоже у Ноны.

— Такъ вотъ, господа, — между тѣмъ возобновляетъ прерванный появленіемъ Нади разсказъ Никсъ, — представьте себѣ кусокъ синяго бархата наверху, надъ вашими головами, усѣянный звѣздами, точно мантія какого-то императора. Не помню, у какого именно, но у одного изъ императоровъ со словъ исторіи была такая мантія...

— Но она была заткана, увы, не звѣздами, а пчелами, и цвѣтъ ея былъ не синій, а красный, рѣшается блеснуть своими познаніями Софи, — и была она у Карла V.

— Браво! Двѣнадцать съ плюсомъ! — приходитъ въ неожиданный восторгъ Ванечка и хлопаетъ въ ладоши, бурно выражая свое одобреніе.

Софи густо краснѣетъ.

— Я великолѣпно помню исторію! — ни къ селу, ни къ городу вырывается у нея.

— Вниманіе, mesdames et messieurs, вниманіе! — командуетъ Наточка и стучитъ чайной ложкой по столу.

— Такъ вотъ, — продолжаетъ Никсъ, — небо — синій бархатъ съ алмазными звѣздами. А каналы — вы вѣдь знаете, что вся Венеція изрѣзана ими — черные-пречерные, какъ чернила, и по нимъ снуютъ не менѣе черныя остроносыя лодки и всѣ съ крышами. На носу стоитъ гондольеръ, всегда очень небрежно и красиво одѣтый, и если дадите ему нѣсколько лишнихъ сольди на водку, онъ вамъ споетъ. Голоса у нихъ — ну, просто соловьиные, и самыя слова — такая же музыка! Вы плывете, тихо покачиваясь, какъ въ колыбели; по обѣ стороны канала высятся дворцы, красивыя зданія; цѣлыя арки и кружевные ажурные мосты переброшены съ одного

берега на другой. Въ лунныя ночи все это кажется какою-то сказочной обстановкой, какою-то декораціей къ изумительной волшебной сказкѣ.

— Восхитительно! — хоромъ кричатъ дѣти, прерывая разсказчика.

— Pracht schön! (Великолѣпно) — неожиданно вырывается у братцевъ-близнецовъ, всегда въ минуты особенно повышеннаго настроенія переходящихъ на свой родной языкъ.

Даже застѣнчивая Зоинька и та бормочетъ какое-то одобреніе себѣ подъ носъ, увлеченная разсказомъ.

— А мнѣ, представьте, все это вовсе не нравится, — чистосердечно сознается Маня Стеблинская, вызывая негодующіе «ахи» и «охи» у окружающихъ. — Когда мы были въ Венеціи, мама и Никсъ возмущались моей нечуткостью, неумѣньемъ понимать красоту. Ну, а что же это за народъ, что за городъ, посудите сами, гдѣ ни въ лаунъ-теннисъ, ни въ футболъ не играютъ и гдѣ единственный спортъ это — безтолковое шнырянье по каналамъ взадъ и впередъ безъ устали. Покорно благодарю. То ли дѣло наша Русь-матушка! — и смуглое лицо Мани проясняется улыбкой.

— Молодчинище сестричка у меня! Я присоединяюсь къ твоему мнѣнію, Маня, — и Ванечка

такъ энергично хватаетъ и трясетъ руку сестры, что та морщится отъ боли.

— Варвары! — смѣется Никсъ, — не для нихъ красивые памятники искусства: ничего они не понимаютъ, одно слово, чемпіоны міра.

Всѣ смѣются. Софи съ кислой улыбкой обращается къ княжнѣ Асѣ.

— А вы не были въ Венеціи? — спрашиваетъ она, ломаясь.

— Нѣтъ, мы проживаемъ за границею исключительно только на водахъ, гдѣ въ лѣтній сезонъ лечится наша maman, — отвѣчаетъ, мило картавя, старшая княжна.

— Да? А мои родные живутъ почти безвыѣздно въ Ниццѣ, — говоритъ Софи и принимаетъ гордый видъ, поджимая губы. Сейчасъ она кажется очень смѣшною Надѣ. Положительно Софи напоминаетъ ей какую-то нахохлившуюся птицу, и, поймавъ это неожиданное сравненіе, Надя не выдерживаетъ и фыркаетъ въ салфетку.

Всѣ смущены. Софи взбѣшена. Охъ, ужъ эта негодная дѣвчонка! Еще въ институтѣ она, Софи, не выносила этой Таировой, лѣнтяйки, какихъ мало, грубіянки вдобавокъ и ужасной мужички по манерамъ. Сейчасъ же она просто не переноситъ ее, ея гордаго вида, ея розоваго платья, ея бѣлокурыхъ, вьющихся

отъ природы волосъ. Какъ она смѣетъ смѣяться, не вѣрить Софи, это ничтожество, эта мѣщанка! Ее надо проучить, во что бы то ни стало, да, да, проучить, указать ей свое мѣсто. Залетѣла ворона въ высокіе хоромы... Такъ подожди же, будешь помнить меня! И, впиваясь въ глаза Нади злымъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, Софи вызывающе спрашиваетъ ее:

— А ты въ какихъ мѣстахъ бывала за границей, Надинъ?

Точно варомъ обдаетъ Надю. Изъ ложнаго стыда она ни за что не признается въ томъ, что никуда не выѣзжала изъ Петрограда, изъ двухъ своихъ крошечныхъ комнатушекъ на Пескахъ. Но какъ сказать объ этомъ? Какъ отстать отъ всѣхъ этихъ богатыхъ молодыхъ людей и барышень, изъѣздившихъ, очевидно, всю Европу. Конечно, это позоръ для нея, Нади, сознаться имъ всѣмъ въ своемъ невѣжествѣ. И точно кто дергаетъ въ эти минуты за языкъ Надю. Съ явнымъ задоромъ смотритъ она въ лицо своему врагу, Софи и, краснѣя, какъ кумачъ, отвѣчаетъ первое, что приходитъ ей въ голову:

— Я была въ Дрезденѣ. Ну, да въ Дрезденѣ... конечно.

Тонкая усмѣшка проползаетъ при этомъ отвѣтѣ по лицу Софи, и глаза ея насмѣшливо улыбаются тоже.

— Вотъ какъ, успѣла побывать въ Дрезденѣ? Счастливица! — говоритъ она, окидывая Надю тѣмъ же насмѣшливымъ, пронизывающимъ насквозь, взглядомъ. — Ты, значитъ, видѣла тамъ знаменитую Сикстинскую Мадонну? Побывала въ музеѣ Цвингера? Вотъ счастливица! Разскажи же намъ, разскажи.

— Разскажите, разскажите, Надя! Вѣдь это одна изъ лучшихъ картинныхъ галлерей міра, — не подозрѣвая злого умысла Софи, подхватываютъ присутствующіе. Даже взрослая Нона принимаетъ участіе въ общей просьбѣ. Она такъ много слышала о музеѣ Цвингера вообще, и знаменитой Сикстинской Мадоннѣ въ частности, и ей хочется послушать про этотъ рѣдкій по красотѣ памятникъ искусства.

Теперь Надя готова провалиться сквозь землю. Всѣ смотрятъ на нее въ ожиданіи ея разсказа. Всѣ ждутъ. И колючая игла раскаянія уже сверлитъ ея душу. Сердце екаетъ ежесекундно. Зачѣмъ она солгала, зачѣмъ? Вся малиновая отъ стыда, съ пылающими щеками, съ растерянно-мечущимся взглядомъ, она достойна всяческаго сожалѣнія сейчасъ.

Инстинктомъ доброй, отзывчивой души Наточка Ртищева догадывается, въ чемъ дѣло. Къ тому же, она помнитъ великолѣпно, что Надя никогда не выѣзжала изъ Петрограда, а слѣдовательно, никогда не была въ Дрезденѣ, и, стало быть, надо ее выручить во

что бы то ни стало, сейчасъ же, сію минуту. Бѣдная Надя! Глупенькая! Зачѣмъ она выдумываетъ и лжетъ?

— Господа, тому, кто желаетъ узнать подробности о рѣдкостяхъ Дрездена, я попрошу рара́ передать одну очень интересную книгу путевыхъ впечатлѣній, благо она у него есть. А Надю оставьте въ покоѣ. Она, очевидно, совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой посѣщала Дрезденъ и, такимъ образомъ, не можетъ помнить Сикстинскую Мадонну, а вы пристали къ ней, точно экзаменаторы! — авторитетнымъ тономъ заявляетъ Надина спасительница.

— И правда пристали, — со смѣхомъ соглашается съ кузиною Никсъ.

— Какъ экзаменаторы! — хохочетъ смѣшливая Лоло.

— Я предлагаю сыграть партію въ крокетъ! — поднимаетъ голосъ Маня Стеблинская.

— Отличная идея! — подхватываетъ Митя Карташевскій, — бѣгу разставлять воротца.

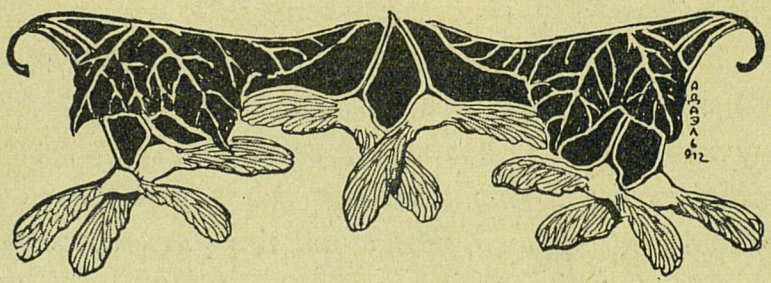
Но Софи не такъ пріятно выпустить изъ рукъ свою жертву, разъ она имѣетъ возможность еще помучить Надю. Ея глазки, какъ два жала, впиваются въ глаза Нади; а язвительная улыбка снова скользитъ по губамъ, когда она говоритъ громко и раздѣльно, на всю бесѣдку:

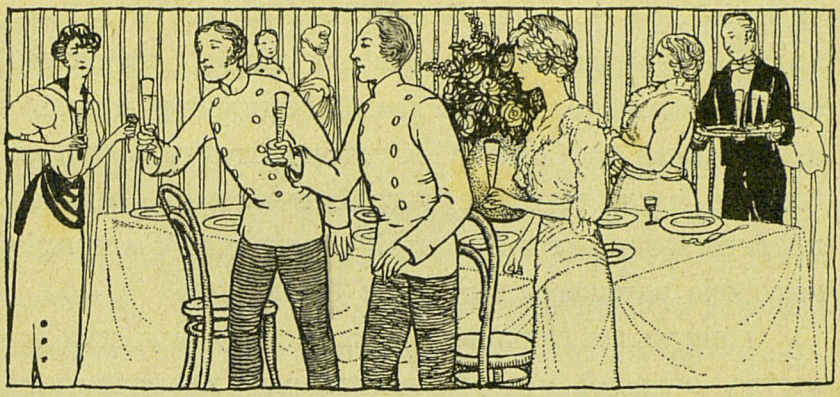
— Не бѣда еще, Надинъ, что ты не бывала въ Дрезденѣ, потому что, на сколько мнѣ помнится, ты тамъ никогда не была, дѣйствительно, но зачѣмъ ты солгала теперь, вотъ что скверно!

Надя вспыхиваетъ, какъ отъ удара бича, при этихъ словахъ Софи. И Нона и Наточка Ртищевы смущены не меньше.

Какая она злая и черствая, эта Софи! Какая безжалостная!

Добренькой Наточкѣ до слезъ жаль Надю, которая близка къ тому, чтобы разрыдаться отъ стыда и отчаянія. Единственное спасеніе заключается теперь въ томъ, чтобы занять воображеніе молодежи чѣмъ-нибудь отвлеченнымъ, заставить ихъ забыть поскорѣе непріятный инцидентъ съ Надей. И, схватившись за крокетъ, какъ за послѣдній якорь спасенія, Наточка увлекаетъ съ преувеличенной суетливостью все юное общество въ садъ.





Пестрый день кончается самымъ неожиданнымъ образомъ.

Къ семи часамъ вечера съѣхались взрослые гости. Обѣдъ сервировали на огромной террасѣ съ цвѣтными стеклами, сплошь уставленной кадками съ цвѣтами.

Надѣ никогда не приходилось видѣть такого пышнаго убранства. Блестящее, словно только что вынутое изъ витринъ магазина, серебро, тонкій хрусталь, изящный дорогой фарфоръ, и все это было перемѣшано съ гирляндами цвѣтовъ, обвивавшихъ столъ. Вазы съ фруктами, конфектами, ягодами и букетами розъ находились по серединѣ. Широко раскрытыми отъ удивленія и восторга глазами Надя

смотрѣла на всю эту роскошь. Она почти забыла, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, пережитый ею за шоколадомъ непріятный инцидентъ и только при взглядѣ на Софи, дѣвочка вздрагиваетъ отъ ненависти и злобы и даетъ себѣ мысленно слово отплатить такъ или иначе этой «противной Голубихѣ», какъ она называетъ про себя Софи.

Пріятнымъ сюрпризомъ является для гостей оркестръ военной музыки, спрятанный въ сосѣднемъ помѣщеніи за верандой.

Ровно въ семь часовъ оркестръ грянулъ тушъ, и всѣ размѣстились вокругъ роскошно убраннаго стола. Дѣти заняли мѣста на дальнемъ концѣ своею группою, подъ ближайшимъ начальствомъ леди Пудлей. Ванечка сѣлъ по одну сторону Нади, Ната по другую. Противъ нихъ помѣстилась ненавистная Надѣ Голубева, между старшею княжною и Митей Карташевскимъ, которому Наточка строго-настрого приказала неустанно слѣдить за обѣими «враждующими сторонами» и предупреждать во что бы то ни стало возможные произойти инциденты.

Въ началѣ обѣда Надя чувствовала себя не совсѣмъ удобно. Исторія съ дрезденской поѣздкой не выходила у нея изъ головы. Да и къ тому же изъ-за самолюбія она отказывалась отъ нѣкоторыхъ блюдъ, которыхъ она совсѣмъ не умѣла ѣсть и

искренно боялась признаться въ этомъ окружающимъ. И настроеніе ея заставляло желать лучшаго. Однако, веселый, жизнерадостный Ванечка, ея сосѣдъ, сумѣлъ-таки снова возвратить Надѣ ея прежнее оживленіе. И къ дессерту Надя разошлась совсѣмъ. Пришлось выпить бокалъ искрящагося шампанскаго, котораго, ради торжественнаго случая, предложили и дѣтямъ, и вино съ перваго же глотка съ непривычки ударило Надѣ въ голову.

— Не пейте, не пейте больше, — голова заболитъ, — предупредила Надю по-французски леди Пудлей, незамѣтно, но зорко слѣдившая со своего мѣста за молодымъ поколѣніемъ.

Но остановить Надю было уже не такъ легко. Ванечка поминутно чокался съ нею до тѣхъ поръ, пока дѣвочка не осушила всего бокала до дна.

— Вотъ это по-нашему, по-молодецки! — похвалилъ дѣвочку пажикъ.

Теперь Надѣ стало весело-весело, какъ никогда. Неудержимо хотѣлось болтать и смѣяться безо всякой причины.

Оркестръ снова заигралъ тушъ. Кто-то изъ взрослыхъ гостей поднялся съ мѣста и провозгласилъ здоровье молоденькой новорожденной. Смущенная и пылающая румянцемъ удовольствія, Наточка стала обходить столъ и чокаться со всѣми.

Вслѣдъ за тѣмъ пили здоровье генерала и Елены Дмитріевны.

Съ разрѣшенія леди Пудлей, дѣти тоже поднялись со своихъ мѣстъ и пошли чокаться съ хозяевами дома.

— Боже мой! Какая непростительная оплошность! — вскричалъ Ванечка, бросая взглядъ на пустой бокалъ въ рукѣ Нади. — У васъ нѣтъ больше шампанскаго, чѣмъ же вы будете чокаться съ Петромъ Васильевичемъ и Еленой Дмитріевной, а? — и, подозвавъ лакея, Ванечка незамѣтно для взрослыхъ, попросилъ его наполнить снова Надинъ бокалъ.

— Не надо, Ванечка, не надо! — слабо протестовала Надя и вдругъ увидѣла устремленный на нее презрительный взглядъ Софи. Этотъ презрительный взглядъ и насмѣшливая улыбка снова напомнили Надѣ происшедшій нынче непріятный инцидентъ за шоколадомъ, и въ душѣ ея закипѣла буря по адресу виновницы, доставившей ей эту непріятность.

И Надя храбро подставила свой бокалъ лакею, который и наполнилъ его до краевъ. Теперь дѣвочка, высоко держа полный до краевъ бокалъ въ рукѣ, стала осторожно пробираться, лавирую между присутствующими, къ противоположному концу стола, гдѣ находились хозяева.

— Вотъ вы гдѣ, наконецъ, маленькая фея! Наконецъ-то я добралась до васъ! Но вы очаровательны нынче, моя крошка, совсѣмъ настоящая маленькая волшебница, соткавшая себѣ нарядъ изъ розовой зари! — слышитъ позади себя Надя уже знакомый ей голосъ.

Она быстро останавливается и оборачивается назадъ.

Анна Ивановна Поярцева, въ нарядномъ шелковомъ свѣтло-лиловомъ платьѣ, обшитомъ настоящими старинными кружевами, которымъ нѣтъ цѣны, съ огромными брилліантами въ ушахъ и на груди, смотритъ на дѣвочку съ ласковой улыбкой. Ея полныя, рыхлыя щеки раскраснѣлись отъ жары и обѣда, а толстыя, бѣлыя, всѣ унизанныя драгоцѣнными кольцами руки протягиваются навстрѣчу Надѣ.

— Очень, очень рада васъ снова повидать, милушка, — своимъ пѣвучимъ голосомъ говоритъ Поярцева и, наклонившись къ Надѣ, цѣлуетъ ея просіявшее лицо. — А вотъ, что вы пренебрегаете мной — старухой, такъ это нехорошо. Чтобы заглянуть ко мнѣ, поглядѣть на мое житье-бытье, авось не соскучитесь.

— Мерси, я приду непремѣнно... — сконфуженная и польщенная, говоритъ Надя и, отвѣсивъ традиціонный реверансъ старой дамѣ, направляется къ своему мѣсту.

Ея путь лежитъ мимо Софи Голубевой. Вотъ она, эта ненавистная Софья съ ея всегда язвительной улыбкой и насмѣшливыми глазами. Она, кажется, и сейчасъ все такъ же насмѣшливо смотритъ на приближающуюся къ ней Надю и маленькіе ея глазки презрительно щурятся на нее. Ага, если такъ, хорошо же, будешь помнить меня!—неожиданно рѣшаетъ Надя и, поровнявшись со стуломъ Софи, роняетъ какъ бы нечаянно полный до верху бокалъ съ виномъ на колѣни послѣдней, на ея бѣлое, все въ нарядныхъ воланахъ и біе бѣлое шелковое платье.

— Ахъ! — вырывается изо рта испуганной Софи. — Ахъ, мое платье, мое бѣдное платье! — кричитъ она съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

— Воды! Льду сюда! — отдаетъ коротко приказаніе не менѣе своей дамы смущенный Митя засуетившимся около нихъ лакеямъ.

Софи дѣлается сразу центромъ вниманія «дѣтскаго конца» стола. Леди Пудлей помогаетъ ей оттирать мокрыя пятна салфеткой. Нона передаетъ ледъ. Наточка совѣтуетъ переодѣться послѣ обѣда въ одно изъ ея платьевъ, а это тотчасъ же, не теряя ни минуты, отослать въ чистку. Всѣ волнуются, спорятъ, горюютъ, подавая совѣты. Одна Надя ни мало не смущена; она преспокойно садится на свое мѣсто и отсюда слѣдитъ за Софи, мстительно радуясь ея

несчастью. Случайно глаза Голубевой встрѣчаются съ ея, Надиными, глазами. Еще секунда наблюденія, и Софи догадывается обо всемъ.

Конечно, Надя вылила умышленно ей, Софи, на колѣни свой бокалъ съ шампанскимъ. Конечно, она хотѣла причинить крупную непріятность ей, Софи. Теперь уже въ этомъ для нея нѣтъ никакого сомнѣнія. Ея лицо блѣднѣетъ отъ негодованія и гнѣва; маленькіе глазки сверкаютъ бѣшенствомъ.

— Ты сдѣлала это нарочно! Ты сдѣлала это нарочно! — говоритъ она, прожигая Надю злымъ, негодующимъ взглядомъ.

— Вотъ выдумала! Какой вздоръ! — смѣется въ отвѣтъ не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ на такое обвиненіе Надя.

— Но ты даже не извиняешься! — продолжаетъ возмущаться Софи.

— А ты развѣ извинилась передо мною, когда... — начинаетъ вызывающе Надя и неожиданно обрываетъ на полуфразѣ свою рѣчь: говорить дальше, значитъ напоминать снова, оживить въ памяти присутствующихъ происшедшій въ бесѣдкѣ случай, а это ей, Надѣ, не улыбалось вовсе.

Но Софи уже догадалась, о чемъ хотѣла напомнить ей Надя, что она хотѣла сказать.

— Ну да, не извинилась, — говоритъ она рѣзко, — ну да... Въ чемъ же тутъ моя вина? Въ томъ, что я сказала правду, что ты не бывала за границей, а солгала, что была. Теперь скажу еще больше: ты злая и скверная дѣвочка и тебя за дѣло исключили весною изъ нашего института. За нерадѣніе и лѣность исключили. Но, кромѣ того, ты еще и зла. Завтра же я разскажу твоей сестрѣ Клавдіи о томъ, какъ ты поступила со мною. Она каждую недѣлю бываетъ у насъ, приноситъ бѣлье, которое мѣтитъ для моей мамы. Она очень милая, твоя сестра Клавденька и совсѣмъ не похожа на тебя. Тихая, обходительная, вѣжливая такая... Да, я ей все разскажу, потому что вижу отлично, что ты умышленно, по злобѣ испортила мой костюмъ.

Какъ хорошо, что въ эти минуты музыка играетъ особенно громко и гости, по приглашенію хозяевъ, отодвигаютъ стулья, оставляя обѣденный столъ. Никто, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, не слышитъ взволнованной рѣчи Софи. Но и тѣхъ, кто успѣлъ уловить краемъ уха ея слова, слишкомъ достаточно. Надѣ кажется въ эту минуту, что полъ выскальзываетъ у нея изъ-подъ ногъ и вся веранда съ обѣденнымъ столомъ и нарядною толпою гостей заколыхалась, какъ корабельная палуба. О, негодная, злая, противная Софья, какъ она мѣтко отомстила ей!

Надя стоитъ въ нерѣшительности, раздавленная, смущенная, совершенно уничтоженная, не зная, что дѣлать, что предпринять. Жгучій стыдъ, обида и гнѣвъ, овладѣваютъ цѣликомъ ею и лишаютъ дѣвочку всякой сообразительности.

Такъ проходитъ минута, другая... Вдругъ она неожиданно вскакиваетъ со своего мѣста, закрываетъ руками пылающее лицо и, опрокинувъ подвернувшійся ей подъ ноги стулъ, стремительно убѣгаетъ за дверь террасы.

Все такъ же стремительно несется Надя по аллеѣ къ выходу изъ сада Ртищевыхъ; и ея мысли несутся вмѣстѣ съ нею, мысли, которыя жгутъ мозгъ и заполняютъ мучительнымъ стыдомъ всю ея душу.

Нѣтъ, нѣтъ, она умретъ скорѣе, нежели позволитъ себѣ вернуться назадъ. Какой стыдъ! Какой ужасъ! Эта ненавистная Голубева не пощадила ее, Надю. Такъ и отрѣзала: «исключили изъ института», и про Клавденьку еще ужаснѣе вышло: «она мѣтитъ для моей мамы бѣлье». Какой срамъ! Какой срамъ! Всѣ это слышали, всѣ: и взрослые и дѣти. Никто не пожелаетъ теперь общества Нади — сестра портнихи-мѣтельщицы, да еще выключенная изъ института. Куда какъ хорошо! Блестящее знакомство для Наточки Ртищевой и ея друзей, нечего сказать!

Нужно сознаться, къ стыду Нади, что не столько фактъ огласки ея исключенія изъ института мучаетъ дѣвочку, сколько то обстоятельство, что Софи открыла нелестное, по мнѣнію Нади, общественное положеніе Клавдіи. Мѣтельщица, которой платятъ деньги за ея работу богатые люди! Вотъ такъ сестра! Мелочная, изуродованная чтеніемъ пустыхъ книжонокъ и не менѣе ихъ пустыми мечтами о несуществующей жизни, избалованная бездѣльемъ праздная натура Нади сейчасъ ярко высказалась во всей ея неприглядной наготѣ. Невыносимо страдая отъ ложнаго самолюбія, она готова была дѣйствительно умереть сейчасъ послѣ разоблаченія Софи или, по крайней мѣрѣ, убѣжать далеко-далеко куда-нибудь на край свѣта, гдѣ она не увидитъ никогда больше ни Наточки, ни Стеблинскихъ, ни Ртищевыхъ, никого изъ тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ «ея позора».

— Надя! Наденька! Да куда же вы? Вотъ такъ прыткость! Едва догналъ... Что съ вами? Да вы, кажется, серьезно разстроены, Надя? Вздоръ какой! Неужели же изъ-за Софи? Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что это за язвительная особа! Бросьте обращать на нее вниманіе, Наденька, давайте-ка лучше вашу лапку и идемъ обратно. Скоро танцовать начнутъ.

И Митя Карташевскій, взявъ Надю за руку, всѣми силами старается увлечь ее назадъ къ дачѣ.

Дѣвочка уже успѣла добѣжать до калитки... Уже распахнула ее, когда Митя, словно изъ-подъ земли, выросъ передъ нею. Надя видитъ доброе честное лицо юноши, его сочувствующую улыбку и колеблется на минуту.

— Что, если пойти, вернуться обратно? Можетъ быть никто и не слышалъ, кромѣ этого Мити да ближайшихъ сосѣдей по столу того, что говорила Голубева. А между тѣмъ тамъ будутъ танцовать, веселиться... О, танцы, безспорно, разсѣютъ ее. Она еще и въ институтѣ такъ любила кружиться подъ музыку. Что, если...

— Ну же, рѣшайтесь поскорѣе, Надя. А я прошу васъ оказать мнѣ честь протанцовать со мною первую кадриль. И шутливо, съ улыбкой, Митя подставляетъ калачикомъ руку Надѣ.

Эта улыбка и шутливый тонъ какъ-то сразу мѣняютъ настроеніе дѣвочки. — Что это? Новая насмѣшка? «Оказать честь» ей, сестрѣ мѣтельщицы, ничтожной, бѣднягѣ, нищей... Ей, исключенной изъ института? Нѣтъ, она не позволитъ такъ смѣяться надъ собою! Она имъ покажетъ, что съ нею нельзя такъ говорить!

И, снова закипая безпричинной уже на этотъ разъ обидой и гнѣвомъ, Надя съ силой отталкиваетъ

отъ себя Митю, ни мало не ожидавшаго такого отвѣта и рѣзко кричитъ ему въ лицо:

— Останьте! Я никого не хочу видѣть, слышите? Всѣ вы гадкіе, противные, насмѣхаться умѣете только. Ненавижу васъ всѣхъ. Ненавижу, да, да, да, да! — сильно рванувъ калитку, она не менѣе сильно хлопаетъ ею и вихремъ несется дальше.

— Вотъ тебѣ разъ! Что за странная особа! — опѣша и совершенно смущенный отъ неожиданности, недоумѣвающе глядя вслѣдъ удаляющейся фигурѣ, мысленно резюмируетъ Митя. — И, однако, съ чего она взбѣсилась снова? А Богъ съ нею. Не понимаетъ добраго отношенія, пусть сама кается потомъ... Пусть скучаетъ одна дома, пока мы будемъ веселиться. Сама виновата во всемъ, капризная, взбалмошная дѣвчонка! И, совершенно успокоенный, съ чистою совѣстью, Митя возвратился на дачу къ своимъ друзьямъ.

Между тѣмъ Надя, выскочивъ за калитку Ртищевой дачи, понемногу приходитъ въ себя. Отбѣжавъ еще немного, она успокаивается. Здѣсь неподалеку, на бульварѣ, подъ деревомъ стоитъ скамейка; на нее и опускается дѣвочка. Ей не хочется домой. Какъ бы то ни было, здѣсь все же лучше, нежели дома. Дома увидятъ ея разстроенное лицо, будутъ допытываться, конечно, о причинѣ такого

ранняго возвращенія. Что она имъ всѣмъ скажетъ? Чѣмъ это все объяснитъ? Но что это однако? Не музыка ли? Ну, да музыка, конечно — играютъ вальсъ тамъ, на дачѣ Ртищевыхъ, начались, очевидно, танцы. А она здѣсь одинокая, забытая всѣми, такая несчастная Надя... Господи, какая тоска! Никому, рѣшительно никому, нѣтъ до нея дѣла. Она точно плѣнная принцесса изъ заколдованнаго замка слышитъ въ своей башнѣ, какъ веселятся и радуются люди тамъ, за стѣной. Совсѣмъ какъ плѣнная принцесса! Нестерпима ея тоска, ея мука... Когда-то еще суждено притти за нею доброй волшебницѣ, ударить магическимъ жезломъ и разрушить оковы чародѣя!

И мечты уносятъ дѣвочку далеко-далеко отъ дѣйствительной жизни. Она — принцесса. Дача Ртищевыхъ — дворецъ ея короля-отца. Тамъ ждутъ ее, молодую принцессу. Но злой колдунъ держитъ ее въ плѣну. Эта скамейка — ея темница. Пока не явится ея крестная мать, добрая фея — прочны будутъ цѣпи плѣна бѣдняжки-принцессы и долго-долго будетъ томиться она въ замкѣ злого колдуна.

Мечты плывутъ за мечтами въ бѣлокурой головкѣ дѣвочки... Грезы, одна другой плѣнительнѣе, одна другой замысловатѣй проносятся въ ней

пестрой, радужной вереницей. Цѣлое царство грезъ, цѣлый міръ ихъ. Въ него покорно и трепетно погружается Надя.

Теперь она уже ничего и никого не видитъ и не слышитъ. Не замѣчаетъ, какъ отъ дачи Ртищевыхъ, мягко шурша шинами колесъ, отъѣзжаетъ коляска, какъ неслышно катится она по бульвару, какъ неожиданно останавливается она передъ скамьею, на которой сидитъ въ глубокой задумчивости Надя... Изъ коляски выходитъ полная пожилая дама въ лиловомъ платьѣ, отдѣланномъ дорогими брюссельскими кружевами.

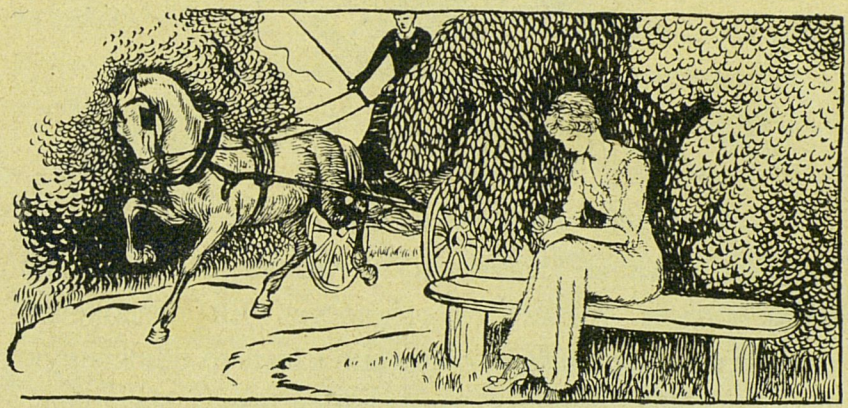
— О чемъ задумалась, моя очаровательная розовая фея? — слышитъ словно сквозь сонъ Надя знакомый голосъ и, точно просыпаясь, внезапно вскакиваетъ со скамейки. Передъ нею стоитъ, склонившись Анна Ивановна Поярцева.

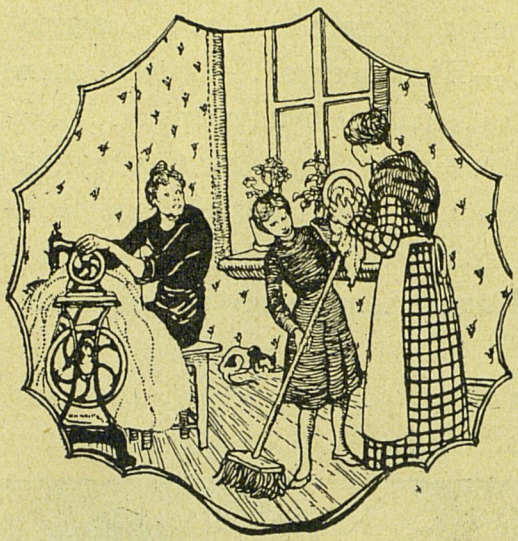
— Вы что же это, дѣточка, здѣсь мечтаете однѣ? Я даже глазамъ своимъ не повѣрила... Всѣ тамъ танцуютъ, веселятся, а она, самая очаровательная, самая прелестная изъ нихъ, здѣсь скучаетъ въ одиночествѣ. Я-то раньше домой собралась, устала признаться, душно тамъ у нихъ, гостей много, ну а вы-то, малютка, почему сбѣжали сюда?

— Голова болитъ... — солгала сконфуженная Надя.

— Голова болитъ? — сочувственно протянула Поярцева. — Бѣдняжечка... — и она положила на лобъ Нади свою большую пухлую руку.

Отъ этой мягкой руки на дѣвочку повѣяло пріятной теплотой, а отъ словъ Поярцевой — лаской и сочувствіемъ. Долго напряженные нервы не выдержали, и Надя неожиданно разрыдалась навзрыдъ.





Во дворцѣ доброй волшебницы.

— О чемъ, дѣточка милая, о чемъ?

Глаза Анны Ивановны, устремленные въ лицо Нади, полны тревоги и нѣжности. Ей безконечно жаль эту хорошенькую, очевидно кѣмъ-то обиженную дѣвочку, завладѣвшую симпатіей ея, Анны Ивановны, съ первой же минуты встрѣчи.

— Наденька, милая, о чемъ?

Ласковый голосъ Анны Ивановны, ея нѣжная рука, осторожно и любовно поглаживающая бѣлокурую головку — все это лучше всякаго цѣлебнаго лекарства успокаиваетъ Надю. Ея слезы постепенно

высыхаютъ; всхлипыванія прекращаются мало-помалу, и улыбка, дѣлающая ея капризное личико такимъ прелестнымъ, снова появляется на губахъ...

— Ну, вотъ. Такъ-то лучше. Проглянуло солнышко ясное. И зачѣмъ плакать, спрашивается, когда жизнь такъ хороша? Если и обидѣлъ кто, такъ есть же и другіе люди на свѣтѣ, которые помогутъ позабыть обиду. А отъ головной боли я найду для васъ средство. Вы сядете сейчасъ со мною въ экипажъ и прокатитесь по свѣжему воздуху, потомъ заѣдемъ ко мнѣ на дачу, я вамъ дамъ лекарство, ментола—натереть виски и крѣпкаго чая непремѣнно, а потомъ отвезу домой. Согласны, Наденька?

Еще бы не согласна! Острая радость, цѣлая волна безграничной радости заливаетъ сердце дѣвочки. Какъ она счастлива, какъ безумно счастлива сейчасъ! Всѣ обиды и униженія — все забыто. Явилась добрая волшебница, взмахнула палочкой и въ одинъ мигъ разрушила всѣ черные оковы злого колдуна. Теперь она повезетъ въ свой дворецъ ее, Надю, повезетъ въ своемъ нарядномъ экипажѣ... Всѣ будутъ смотрѣть на нихъ, завидовать ей. Анну Ивановну Поярцеву всѣ знаютъ здѣсь въ Петергофѣ; она богачка, милліонерша, знакомства съ нею добиваются очень многіе важные господа. А она, Надя Таирова, скромная, бѣдная

Надя, проѣдется въ ея экипажѣ, будетъ пить чай въ ея домѣ и пользоваться гостепріимствомъ и заботами такой значительной особы!

И бѣлокурая головка Нади начинаетъ пріятно кружиться.

— Какъ жаль, что Ртищевы и ихъ гости, съ этой противной Голубихой включительно, не увидятъ ея, Надинаго, тріумфа, не увидятъ ея тріумфальнаго отъѣзда въ нарядномъ экипажѣ милліонерши! Но зато свои увидятъ: тетя Таша, Клавдія, Шурка, Сергѣй... Вотъ-то разинутъ всѣ рты отъ удивленія! Вотъ вамъ и Надя, вотъ вамъ и лѣнтяйка и выключка, а какое знакомство завести сумѣла!

И, не чувствуя ногъ подъ собою, Надя, при помощи выѣзднаго лакея, сѣла въ коляску подлѣ своей новой пріятельницы. Кучеръ-англичанинъ слегка тронулъ бичомъ лошадь, и коляска мягко покатилась по аллеѣ бульвара.

Надѣ искренно казалось теперь, что добрая волшебница увозитъ въ свой дворецъ освобожденную отъ чаръ злого кудесника принцессу. Дѣйствительность исчезла снова и начинались мечты...

Эти мечты продолжались и тогда, когда модная нарядная коляска Анны Ивановны Поярцевой, объѣхавъ весь Петергофъ, къ полному удовольствію

Нади, остановилась передъ роскошною дачею, похожею на дворецъ.

Дѣйствительно, на дворецъ доброй волшебницы! Когда Надя, легко и быстро выпрыгнувъ изъ коляски, подъ руку съ Анной Ивановной шла по длинной аллеѣ, усыпанной гравіемъ, обитой съ обѣихъ сторонъ тонкими обшивками цвѣточныхъ куртинъ, со статуями среди нихъ миѳологическихъ богинь и боговъ,—дѣвочкѣ искренно казалось, что она изъ реальной жизни переселяется въ міръ мечты и сказки.

Два лакея во фракѣ встрѣтили ихъ на порогѣ красивой зеленой двухъэтажной дачи, затѣйливой архитектуры, съ балкончиками, башенками, съ цвѣтными стеклами и бельведеромъ. Стеклянная терраса, вся заставленная бочками съ красивыми тропическими растеніями, съ прелестною, нѣсколько вычурною мебелью, показалась верхомъ совершенства въ смыслѣ убранства совершенно ошалѣвшей отъ радости Надѣ. Лишь только она вмѣстѣ съ хозяйкой переступила порогъ этой террасы, какъ цѣлая свора маленькихъ собачонокъ, самыхъ разнородныхъ породъ, съ заливчатымъ лаемъ бросилась къ нимъ навстрѣчу.

— Ай!—вскрикнула отъ неожиданности Надя, инстинктивно хватаясь за руку Поярцевой.

— Не бойтесь, не бойтесь, дѣточка. Эти прелестные звѣрьки васъ не тронутъ,—поспѣшила успо-

коить свою гостью Поярцева. — Ами! Бижу! Леда! Тубо! На мѣсто! Гдѣ ваше мѣсто? — прикрикнула на собакъ Анна Ивановна.

И бѣлые шпицы, и миніатюрная левретка Заза, и мопсы Пупсикъ и Нусикъ, и черный пудель Максъ, и мохнатая болонка Леди, — всѣ сразу поджали хвостики при этомъ властномъ окрикѣ хозяйки.

— Входите, моя милушка, входите. Они не кусаются, — любезно говорила, обращаясь къ Надѣ, Анна Ивановна, пропуская дѣвочку впередъ.

Въ освѣщенной яркимъ электрическимъ свѣтомъ гостиной Надя остановилась, какъ вкопанная. Никогда еще ни въ одномъ изъ прочитанныхъ ею романовъ не приходилось дѣвочкѣ встрѣчать что-либо хоть сколько-нибудь похожее по описанію на такую окружающую ее теперь обстановку. Если на стеклянной террасѣ количество цвѣтовъ поразило Надю, то здѣсь въ гостиной, огромной комнатѣ, съ нѣжными, изумруднаго цвѣта тономъ подъ стать свѣжей молодой зелени, диванами, кушетками, креслами и пуфами, съ такимъ же пушистымъ, похожимъ на газонъ, ковромъ во всю комнату, — количество пальмъ, рододендроновъ, олеандровъ и другихъ экзотическихъ растеній дѣлали помѣщеніе похожимъ на садъ. А по стѣнамъ ея, между картинами въ золотыхъ рамахъ, изображающихъ по большей части

животныхъ и пернатое царство во всѣхъ видахъ и позахъ, висѣли клѣтки съ канарейками, большія и маленькія, но всѣ безусловно красивыя и изящныя, подъ стать обстановкѣ этой удивительной комнаты. Посреди нея находился высокій столъ съ огромною клѣткою, похожею на игрушечный домъ. Въ ней, на жердочкѣ, важно чистя себѣ клювъ лапкой, сидѣлъ большой пестрый попугай.

Лишь только переступила порогъ этой комнаты Надя слѣдомъ за хозяйкой, какъ попугай закричалъ рѣзкимъ голосомъ, заглушая голоса щебечущихъ, несмотря на позднее время, канареекъ:

— А попочкѣ нынче не дали молочка! Не дали молочка попочкѣ! Не дали! Не дали!

— Неужели безъ молока оставили Кокошу? — тревожно обратилась Анна Ивановна къ сопровождавшимъ ее лакеямъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, барыня, они-съ все получили, что имъ полагается, — поспѣшилъ отвѣтить одинъ изъ слугъ.

Анна Ивановна посмотрѣла на него строгимъ взглядомъ.

— Ой, не путаешь ли? Позови-ка лучше сюда Лизаньку; я добьюсь отъ нея толку.

— Я тутъ, благодѣтельница, чего изволите? —

услышала Надя чей-то тонкій, сладко-пѣвучій голосокъ.

— Послушай, Лизанька, ты поила Коко молокомъ нынче? — такъ же строго освѣдомилась Анна Ивановна у невысокой, худой, даже костлявой дѣвушки лѣтъ восемнадцати, съ некрасивымъ веснусчатымъ лицомъ и маленькими, неспокойно бѣгающими глазками.

Одѣта она была очень чисто, но просто въ темное платье и черный передникъ съ карманами, а жиденькіе безцвѣтные волосы дѣвушки были закручены небольшимъ жгутомъ на макушкѣ.

Лизанька вдругъ стремительно нагнулась и, подобострастно схвативъ пухлую руку Поярцевой, прижалась къ ней губами.

— Какъ можно, какъ можно мнѣ манкировать своими обязанностями, благодѣтельница? Да что я ума лишилась развѣ? Развѣ не помню я денно и нощно о томъ, что мнѣ надо о васъ вѣчно Бога молить, что вы меня, бѣдную, сирую призрѣли, напоили, накормили... Такъ ужели же я вамъ черною неблагодарностью отплачу? — пѣвуче затянула дѣвушка.

— Ну, довольно, довольно, пошла-поѣхала... скучно это,—нетерпѣливо отмахнулась отъ нея благо-

дѣтельница. — Вотъ познакомься-ка лучше съ Наденькой Таировой, нашей милой гостьей.

Лизанька, все время, съ перваго же появленія Нади, не спускавшая съ нея зоркихъ, словно нащупывающихъ глазъ, теперь вся такъ и всколыхнулась, такъ и заходила ходуномъ вокругъ Нади.

— Ахъ, красавица! Ахъ, душенька! Ахъ, ангелочекъ Божій! — простонала она въ избыткѣ восторга и, стремительно бросившись къ Надѣ, подобострастно чмокнула ее въ плечико.

Надя сконфузилась.

— Что вы! Что вы! Лучше такъ поздороваемся... — пробормотала она, протягивая руку Лизанькѣ.

Но та, не понявъ умышленно или случайно этого движенія, чмокнула ее и въ руку. Надя растерялась совсѣмъ.

Между тѣмъ, подъ тявканье не совсѣмъ еще угомонившихся собачекъ, подъ оглушительный щебетъ канареекъ, принимавшихъ, очевидно, яркое электрическое освѣщеніе комнаты за дневной солнечный свѣтъ, и подъ назойливые крики не переставшаго жаловаться попугая, Анна Ивановна рядомъ другихъ, менѣе оригинально, но еще болѣе роскошно убранныхъ совсѣмъ не по дачному комнатъ провела свою юную гостью въ столовую.

Здѣсь, въ огромной горницѣ, отдѣланной подъ дубъ, съ массивными буфетами и горками, сплошь установленными дорогимъ фамильнымъ серебромъ, тонкимъ хрусталемъ и фарфоромъ, за длиннымъ, убраннымъ для чая обѣденнымъ столомъ, освѣщеннымъ ярко-горящей люстрой, сидѣли три женщины въ скромныхъ, темныхъ, но такихъ же изысканно чистыхъ, какъ у Лизаньки, платьяхъ.

При появленіи Анны Ивановны и Нади, они встали со своихъ мѣстъ и вереницей двинулись имъ навстрѣчу.

— Добрый вечеръ, благодѣтельница, — запѣла сѣдая, подслѣповатая старушка въ очкахъ и въ старомодномъ, съ широкой пелериной, платьѣ, съ чепчикомъ-наколкой изъ черныхъ же кружевъ на головѣ, какія носятся мелкими чиновницами. — А мы-то ждали васъ!

— Ждали-ждали! — въ тонъ ей проговорила другая пожилая женщина, удивительно напоминающая уже знакомую читателямъ Лизаньку, съ такими же, какъ и у той, бѣгающими, безпокойными глазками.

— Нынче Пупсикъ чуть не заболѣлъ, — отрывисто проговорила еще очень молодая, но очень толстая, не по возрасту рыхлая особа, съ наивнымъ, ничего не выражающимъ румянымъ лицомъ и вы-

пуклыми большими, тоже ничего не говорящими глазами.

— Пупсикъ боленъ? — вся такъ и встрепенулась Анна Ивановна.

— Чуть не заболѣлъ, благодѣтельница, — запѣла сѣдая старушка въ очкахъ, перебивая толстушку, открывшую уже, было, ротъ для отчета. — А все Кленушка эта пучеглазая опять обкормила крендельками собачонку.

— Ничего не обкормила, ужъ вы сочините тоже! — буркнула Кленушка, и красныя, какъ румяныя яблочки, щеки ея стали еще краснѣе.

— Ей бы только о своемъ желудочкѣ думать, а о любимчикахъ вашихъ и горя мало, — съязвила вторая приживалка, какъ двѣ капли воды, похожая на Лизаньку.

— Да что вы привязались ко мнѣ? — сердито забормотала Кленушка. — Здоровехонекъ Пупсикъ, что вы придумываете? Только при гостьѣ срамите меня, — и толстушка, мелькомъ взглянувъ смущенными глазами на Надю, протянула ей руку дощечкой, какъ обыкновенно это дѣлаютъ простолюдины.

— Вотъ Наденька, мой другъ, познакомьтесь съ моей гвардіей, — беря за плечи дѣвочку и подвигая къ тремъ женщинамъ, проговорила Анна Ивановна. — Вотъ Домна Арсеньевна, за хозяйствомъ моимъ

смотритъ,—указала она на старушку въ очкахъ.—А вотъ Ненила Васильевна, мать Лизаньки, она за канарейками ухаживаетъ.—А это Кленушка, она немногимъ развѣ старше васъ, ей всего шестнадцать лѣтъ только; я ее поставила присматривать за собачками. А это—Наденька Таирова, моя любимица,—назвала она присутствующимъ Надю.

— Ангелъ - барышня! Красоточка! Конфетка бонбоньерная! Ахъ, душенька, съ какимъ вкусомъ платьице сшито на васъ! И волосики-то, ровно ленъ! Королевна, одно слово!—восхищались на перегонки Надею обѣ старушки, льстиво заглядывая ей въ глаза, въ то время какъ Лизанька уже хлопотала у чайнаго стола, а Кленушка самымъ безцеремоннымъ образомъ разглядывала Надю.

Самой Надѣ было и неловко и пріятно въ одно и то же время отъ такого рода похвалъ. Головка ея кружилась все больше и больше съ каждымъ мгновеніемъ. Ей положительно все нравилось здѣсь: и сама оригинальная хозяйка, оставившая въ своемъ домѣ пережитки русской барской старины съ суетливою льстивою толпою приживалокъ и прислугъ; нравилось и само убранство дома и этотъ чайный, ярко освѣщенный и заставленный всевозможными вкусными яствами, столъ. Она успѣла проголодаться во время прогулки въ экипажѣ и теперь съ удоволь-

ствіемъ убирала за обѣ щеки и вкусные сандвичи, то и дѣло подкладываемые ей на тарелку Лизанькой, и печенье, и варенье, и сладкіе пирожки, предлагаемые экономкой Домной Арсеньевной.

Пока Надя ѣла и пила чай, приживалки продолжали въ это время восторгаться, не сводя съ нея глазъ:

— Господи, глазки-то, глазки какіе!

— А цвѣтъ лица! А волосы! Неужели же сами по природѣ такъ вьются?.. Не завиваете?

— Ахъ ты, Создатель мой, и родятся же такія на свѣтъ хорошенькія да пригоженькія!

— Вотъ видите, Надинъ, какъ васъ принимаетъ моя гвардія, — ласково улыбалась дѣвочкѣ Анна Ивановна и погладила ее по головкѣ.

Надя только краснѣла въ отвѣтъ и сіяла отъ удовольствія. Она чувствовала себя въ положеніи рыбы, попавшей изъ маленькой банки въ большой студеный бассейнъ. Покончивъ съ чаемъ, позабавившись вдоволь собачками, теперь уже окончательно притихшими здѣсь въ столовой и, въ чаяніи подачки, размѣстившимися вокругъ Надинаго стула съ виляющими хвостиками, — дѣвочка сказала, что ей пора домой.

Анна Ивановна протянула было руку къ звонку,

но не успѣла позвонить, такъ какъ четыре руки предупредили ея желаніе.

— Вели шоферу подать машину, — приказала хозяйка дома появившемуся въ дверяхъ лакею.

— Слушаю-съ, барыня.

— Лизанька, ты проводишь нашу гостью до дома, — приказала вслѣдъ за тѣмъ Поярцева безцвѣтной, сухопарой Лизанькѣ.

— Провожу, благодѣтельница, провожу, — поспѣшила изъявить свое согласіе та. — Не извольте безпокоиться, въ цѣлости и сохранности доставлю барышню.

— А теперь, моя душечка, пойдемъ съ вами по душѣ побесѣдуемъ. Хотите, Надинъ? — обратилась хозяйка снова къ своей юной гостьѣ, сопровождая свои слова самой милой, самой любезной улыбкой.

Въ массивномъ, крытомъ кожею кабинетѣ Анны Ивановны, гдѣ находились высокіе шкапы, набитые до верху книгами, хозяйка дома опустилась на диванъ и указала подлѣ себя мѣсто Надѣ.

— Есть люди, которые съ первой встрѣчи чувствуютъ такое влеченіе, такую привязанность другъ къ другу, какъ будто они знакомы и дружны между собою цѣлые долгіе десятки лѣтъ, — беря въ свои пухлыя, выхоленныя руки худенькую лапку Нади, заговорила Поярцева. — Особенно же тогда,

когда одна изъ сторонъ напоминаетъ другой когонибудь изъ давно утерянныхъ, но дорогихъ сердцу, близкихъ. Когда я была совсѣмъ маленькою дѣвочкою, у меня была младшая сестренка. Ее звали Вѣрочкой. Она очень походила на васъ, Надинъ; тѣ же сѣрые глаза, тѣ же вьющіеся бѣлокурые волосы, та же изящная милая фигурка и та же внѣшность переодѣтой принцессы, такая же, какъ и у васъ, прелесть моя. Увы! Вѣрочка скончалась приблизительно въ вашемъ возрастѣ. Если бы вы знали, Наденька, какъ я страдала, потерявъ обожаемую сестру! Я точно чувствовала, что всю мою жизнь буду одинокой. Такъ оно и вышло. Родители мои умерли; замужъ итти я не пожелала, родственниковъ у меня нѣтъ. Ну, вотъ и окружила себя поневолѣ льстивыми угодливыми приживалками или безгласными покорными звѣрушками, которые въ моемъ одиночествѣ хоть отчасти развлекаютъ меня. Въ тотъ день, помните, Надинъ, когда я встрѣтила васъ у Ртищевыхъ, такую милую, изящную, мечтательную, совсѣмъ какъ моя покойная Вѣрочка, меня сразу потянуло къ вамъ и я полюбила васъ, какъ родную. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ что-нибудь очень большое и пріятное. Пріѣзжайте ко мнѣ почаще, доставляйте это удовольствіе одинокой старухѣ, у которой такъ мало радостей на землѣ. Я

знаю, что вы очень небогаты... Не краснѣйте же, дитя мое: бѣдность не порокъ и стыдиться ея нечего. Стыдятся бѣдности только самые ограниченные люди, вы же такая умница, такая развитая головка. Я думаю, что у васъ есть какія-нибудь сокровенныя мечты, какія-нибудь желанія, которыя я могла бы помочь вамъ осуществить?

Голосъ Поярцевой звучитъ такой безконечной ласковостью, такимъ безграничнымъ участьемъ и добротою, что сердце дѣвочки невольно раскрывается ей навстрѣчу и цѣлая исповѣдь непроизвольно выливается изъ устъ Нади.

— О, она такъ несчастна. Такъ несчастна она, Надя. Ее никто не понимаетъ дома. Старшіе смѣются надъ нею, бранятъ ее... Одна тетя Таша сочувствуетъ ей еще и балуетъ ее по-своему. Но зато отецъ ворчитъ и сердится на нее все время: «Она-де, Надя, и бѣлоручка, и лѣнтяйка, и фантазерка пустая и легкомысленная». А чѣмъ она виновата, что судьба, предназначая ее, очевидно, для другой, болѣе яркой, болѣе возвышенной доли, создала простою, бѣдною дѣвочкой. Не даромъ же днями и ночами она грезитъ о волшебной жизни, полной роскоши, богатства, комфорта. Она не можетъ работать, искалывая себѣ иглою руки, какъ Клавдія, или бѣгать по урокамъ, какъ Сергѣй, или цѣлыми днями возиться на

кухнѣ, какъ тетя Таша. Ей противно все это, омерзительно!

Надя говоритъ такъ горячо, съ такимъ захватывающимъ душу волненіемъ, что это волненіе не можетъ не передаться ея собесѣдницѣ.

— Да, она въ правѣ разсуждать такъ, эта дѣвочка, въ правѣ требовать отъ своей судьбы и счастья и исключительныхъ радостей, — мысленно рѣшаетъ Поярцева, не проронившая ни одного слова изъ пылкой, горячей рѣчи Нади. — Она, съ этими глазами ангела, съ бѣлокурыми локонами феи, со всею ея внѣшностью и манерами прирожденной аристократки.

И Анну Ивановну теперь уже неудержимо тянетъ порадовать чѣмъ-нибудь эту «очаровательную дѣвчурку», какъ она мысленно окрестила Надю, заставить засіять радостнымъ блескомъ эти сѣрые мечтательные глазки и весело улыбаться прелестныя, капризныя губки.

— Идемъ, дѣтка моя, я имѣю кое-что для васъ, — говоритъ она неожиданно и поднимается съ мѣста.

Какъ автоматъ, съ предчувствіемъ чего-то неизъяснимо пріятнаго, Надя встаетъ съ дивана и слѣдуетъ за нею.

Въ просторной, залитой электричествомъ спальнѣ Поярцевой она видитъ красивую, изъ корельской березы, подъ стать всему убранству комнаты, шифоньерку. Анна Ивановна открываетъ ее ключомъ, вынутымъ ею изъ кармана. Еще минута ожиданія, нестерпимаго ожиданія для Нади и ей на руки падаетъ великолѣпный кружевной шарфъ тонкой работы.

— Вотъ это для васъ. Я замѣтила, что вы пришли къ Ртищевымъ съ покрытой головою, а потомъ я уже не видѣла шарфа на васъ, очевидно, вы его забыли второпяхъ тамъ. Такъ возьмите же этотъ вмѣсто утеряннаго; онъ изъ испанскаго кружева и я вывезла его изъ Гранады. Смотрите, какая прелесть! — И быстрыя, ловкія, несмотря на излишнюю припухлость, руки Поярцевой набрасываютъ легкое воздушное кружево на бѣлокурую Надину головку.

Въ большомъ трюмо зеркальнаго шкапа изъ такой же корельской березы, Надя видитъ свое лицо, выглядывающее изъ рамки желтоватыхъ кружевъ. Какъ оно красиво и поэтично сейчасъ! Какъ мѣняетъ его этотъ удивительный шарфъ — любуясь собою, какъ посторонней, восторгается мысленно дѣвочка.

— А вотъ это, чтобы закалывать шарфъ на память отъ меня, — говоритъ Поярцева, въ свою оче-

редь любуясь оживившимся, сіяющимъ личикомъ Нади.

Положительно Надѣ кажется сейчасъ, что добрая волшебница пришла къ ней на помощь, узнавъ про ея печальную долю. Никто другой, какъ только добрая фея развѣ, можетъ подарить такой царскій, по щедрости, подарокъ въ видѣ очаровательной золотой пчелки съ брилліантовыми глазками и крылышками, усыпанными бирюзою. Ахъ, какой восторгъ!

— А вотъ вамъ и зонтикъ, въ случаѣ дождь пойдетъ и застанетъ васъ въ дорогѣ. Хотя автомобиль у меня и крытый, а все-таки не мѣшаетъ имѣть такую вещицу всегда во время прогулокъ при себѣ.

Надя совсѣмъ теряется. Прелестный, съ перламутровою ручкою двусторонній зонтикъ, черный съ желтымъ, очутился у нея вмѣстѣ съ испанскимъ шарфомъ и золотой брошью въ рукахъ. Она хочетъ поблагодарить Поярцеву за подарки и не можетъ. Волненіе ея слишкомъ велико. Отъ радости слова застреваютъ въ горлѣ, и только глаза сіяютъ восторгомъ, да губы счастливо улыбаются навстрѣчу взгляду Анны Ивановны.

— Автомобиль у крыльца. Извольте отпустить барышню, благодѣтельница? — со своей сладкой на

поджатыхъ губахъ улыбочкою пѣвуче говоритъ появившаяся на порогѣ Лизанька. А глазки ея такъ и нащупываютъ, такъ и выискиваютъ взглядомъ по комнатѣ, желая все извѣдать, все разузнать.

Растерянное, смущенно-радостное лицо Нади, довольная улыбка «благодѣтельницы», нарядныя вещи въ рукахъ первой, — все это не минуетъ зоркихъ глазъ Лизаньки.

— Ишь ты, готово ужъ! Вся подарками завалена, — проносится въ головѣ Лизаньки завистливая мысль. — Небось ни я, ни маменька за все время нашей службы подарковъ такихъ и не видывали, а эта невѣсть откуда явилась и околдовала «нашу» такъ сразу, вдругъ.

Но хитрая дѣвушка знаетъ отлично, что здѣсь отнюдь нельзя проявлять свое неудовольствіе, еще менѣе зависти и еще съ большею любезностью и предупредительностью относится къ Надѣ, когда роскошный автомобиль Поярцевой мчитъ ихъ къ Надиному лѣтнему жилью.

— Батюшки свѣты! Никакъ Надежду нашу на моторѣ сюда доставили! Вотъ-то важная птица! Такъ и есть! Изъ автомобиля выходитъ, словно настоящая барышня. — И Клавденька, оттолкнувъ отъ себя та-

релку съ кашей, разогрѣтою къ ужину, во всѣ глаза глядитъ на появившуюся сестру.

Впрочемъ, глядитъ не одна Клавденька. Сегодня, противъ своего обыкновенія, и самъ глава семьи присутствуетъ за позднимъ ужиномъ. Иванъ Яковлевичъ тоже сидитъ тутъ же за столомъ вмѣстѣ со свояченицею и дѣтьми.

— Ты откуда? — бросаетъ онъ сурово дочери въ первый же мигъ ея появленія въ крошечной горницѣ ихъ «дачи».

Надя вздрагиваетъ отъ неожиданности. Она менѣе всего ожидала встрѣтиться сегодня съ отцомъ.

Тетя Таша смущенно спѣшитъ къ ней на выручку. Она разсказываетъ деверю о приглашеніи Ртищевыхъ, о проведенномъ у нихъ Надею днѣ, о розовомъ платьѣ, сшитомъ за грошъ.

Но ея слова какъ будто и не достигаютъ до слуха больного. Воспаленные, глубоко запавшіе глаза Ивана Яковлевича теперь буквально впиваются въ нарядный шарфъ, золотую брошь и дорогой зонтикъ, находящіеся въ рукахъ Нади.

— Это еще откуда у тебя? — глухимъ, прерывающимся отъ кашля, голосомъ строго спрашиваетъ Надю отецъ.

— Это... это... одна богатая барыня... мнѣ... нынче... подарила... Анной Ивановной Поярцевой ее зовутъ... Я у нея послѣ Ртищевыхъ была на дачѣ въ гостяхъ... Она и подарила... — смущенно и растерянно лепечетъ Надя.

Иванъ Яковлевичъ весь выпрямляется. Губы его трясутся отъ волненія; исхудалыя до неузнаваемости за время болѣзни руки дрожатъ, а желтое, изнуренное недугомъ, давно небритое лицо подергивается нервной судорогой.

— Отдай! Сейчасъ же отдай назадъ всѣ эти игрушки! — закричалъ онъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ. — И не стыдно тебѣ побираться и нищенствовать у чужихъ? Мы, Таировы, бѣдны, правда, но никто изъ насъ никогда не пользовался подачками даровыми отъ непрошенныхъ благодѣтельницъ. Самъ не бралъ и тебѣ не позволю! Сейчасъ же изволь отослать все обратно, благо машина еще не уѣхала. Сію минуту. Слышишь? Однимъ духомъ отдай!

У Нади слезы готовы брызнуть изъ глазъ при этомъ неожиданномъ приказаніи. Но ослушаться отца она не смѣетъ.

— Сергѣй, — приказываетъ Иванъ Яковлевичъ сыну, болѣзненно морщившемуся во все время происшедшей сцены, — отбери чужія вещи у Надежды

и отнеси ихъ къ той мамзели, что въ машинѣ сидитъ...

— Слушаю, папаша.

И Сережа, которому мучительно жаль сестру и досадно за безтактность Нади въ одно и то же время, спѣшитъ исполнить порученіе отца.

Когда моторъ отъѣзжаетъ отъ домика, снимаемаго Таировыми, къ немалому удивленію крестьянскихъ ребятишекъ, сбѣжавшихся поглазѣть на машину, Надѣ кажется, что онъ увозитъ вмѣстѣ съ Лизанькой и кусокъ ея собственнаго сердца. У нея такое несчастное и растерянное лицо въ эту минуту, что Ивану Яковлевичу вдругъ неожиданно дѣлается жаль дочери.

— Бѣдная, исковерканная, жалкая дѣвчурка, — думаетъ про себя старикъ. — Было бы время у меня да здоровье, занялся бы я тобою хорошенько, твоимъ воспитаніемъ и направилъ бы тебя на истинный путь. Да вотъ горе, недуги одолѣли, вдобавокъ, къ службѣ.

— Ну, чего, Ѳедулъ, губы надулъ? — шутливо смазавъ рукою по лицу Нади съ тѣнью улыбки на измученномъ и суровомъ лицѣ, ласково пошутилъ онъ, желая немного утѣшить дочь.

Отъ этой неожиданной шутки главы семейства прояснились лица и у всѣхъ присутствующихъ.

— Шутитъ, значитъ не сердится, значитъ гроза миновала и Надя прощена, — мелькнуло въ головѣ каждаго изъ члена семьи.

Одна Надя не реагируетъ только на отцовскую шутку. Враждебно смотритъ она исподлобья, какъ затравленный волченокъ, въ лицо отца. Смотритъ безъ тѣни улыбки, сумрачно и серьезно. Ей кажется въ эти минуты, что она несчастная жертва отцовскаго деспотизма и что съ нею болѣе чѣмъ несправедливо поступили сейчасъ.

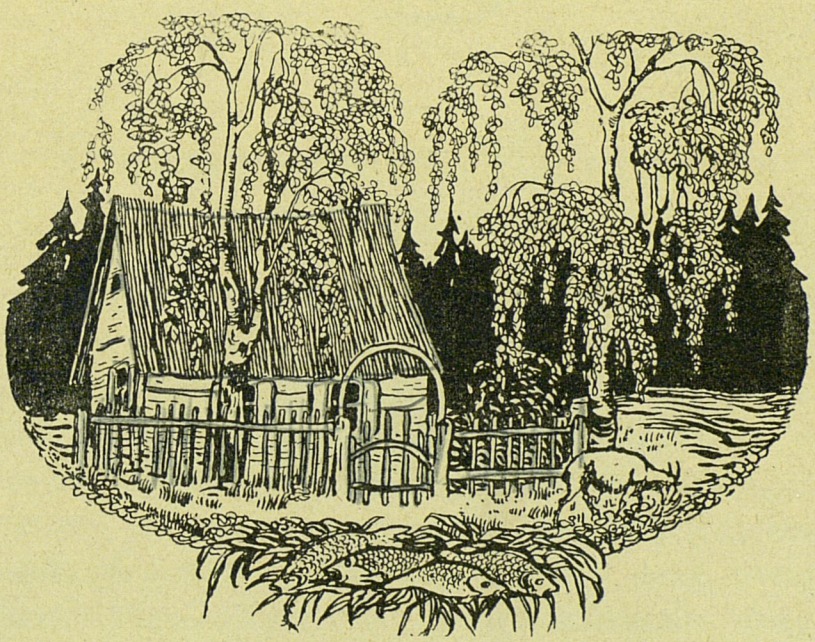
— Надя... Надежда... Наденька, что жъ ты! — лепечутъ ей усиленно тетя Таша, Клавденька и Сергѣй, дѣлая ей какіе-то знаки глазами, губами и бровями.

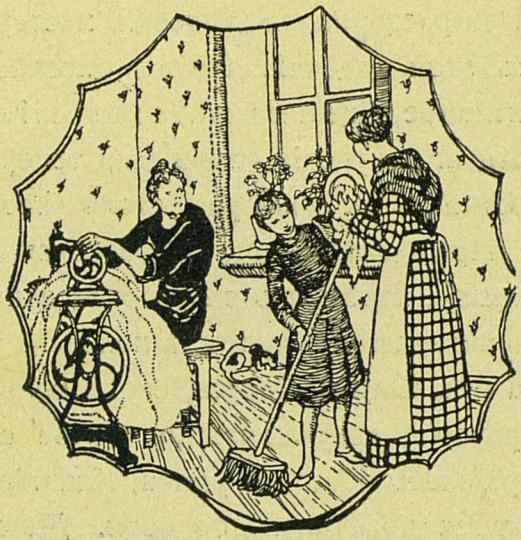
Но Надя и глазомъ не ведетъ, точно не слышитъ ихъ словъ. Она вся ушла въ переживаніе своей воображаемой обиды, нанесенной ей чужой несправедливостью. Не глядя ни на кого, она встаетъ со своего мѣста, холодно цѣлуетъ, какъ бы отбывая повинность, руку отца, потомъ небрежно обнимаетъ тетю Ташу и, не взглянувъ даже на остальныхъ, обиженная и надутая, уходитъ къ себѣ.

— Совсѣмъ избаловали дѣвочку! Сладу съ ней нѣту! — говоритъ ей вслѣдъ Иванъ Яковлевичъ, и тяжелый вздохъ поднимаетъ его впалую грудь. — Надо придумать что-нибудь. Надо во-время испра-

вить Надю. Ну, да утро вечера мудренѣе, авось, что и придумаемъ, сестрица, съ вами сообща, — обращаетъ онъ усталые глаза въ сторону своячениць. — А, пока что, спать пора. Спокойной ночи, — и, тяжело поднявшись со своего мѣста при помощи Клавдіи и Сергѣя, слабой, усталой походкой старикъ Таировъ побрелъ въ свою горницу.

Конецъ первой части.





Тяжелая утрата. На пути къ счастью.

Въ серединѣ августа начались дожди, и Таировы переѣхали въ городъ. Здоровье Ивана Яковлевича ухудшалось съ каждымъ днемъ. Разрушительный процессъ въ легкихъ шелъ быстрыми шагами къ концу. Больной теперь не только не ходилъ на службу, но цѣлые дни проводилъ въ постели съ глазами, неподвижно устремленными въ одну точку. Тетя Таша, Клавдія и Сергѣй поочередно дежурили около кровати. Шуркѣ была поручена кухня и

хозяйство, и расторопная дѣвочка мастерски справлялась съ этой задачей. Правда, хозяйство стало еще примитивнѣе, еще несложнѣе за послѣднее время. Всѣ крохотныя полученія семьи шли теперь на леченіе, лекарство и на доктора, столь необходимаго больному. Приходилось еще сократиться на обѣдъ: ѣли одну кашу, картофель съ саломъ, запивали снятымъ молокомъ, забираемымъ за полцѣны у чухонки. Тетя Таша изъ силъ выбилась, сводя концы съ концами. Впрочемъ, измучились не менѣе ея и дѣти. Сергѣю пришлось оставить уроки, Клавдіи работу— все ихъ время поглощалъ больной. Да и страшно было уходить изъ дому: несчастье съ отцомъ могло случиться въ ихъ отсутствіи, и одной этой мысли не могли допустить дѣти. Съ трепетомъ и затаенной надеждой слѣдили они за каждымъ измѣненіемъ въ лицѣ дорогого больного. Что отецъ умиралъ, для нихъ не было уже никакого сомнѣнія. Иванъ Яковлевичъ такъ пожелтѣлъ, исхудалъ и осунулся, что походилъ скорѣе на покойника, нежели на живого человѣка. Синія кольца и глубокія впадины окружали его глаза. Мука и отчаяніе смотрѣли изъ этихъ глазъ на дѣтей. Куда дѣвалась обычная суровость и непреклонная воля этого энергичнаго человѣка! Болѣзнь и страхъ за будущее, за судьбу любимыхъ дѣтей тяжело угнетали больного. Мучительныя мысли

терзали его мозгъ поминутною тревогой: «Что будетъ, что станетъ съ ними, когда я умру? Какъ они смогутъ при такихъ крохотныхъ средствахъ пробиться въ люди? Клавденька, Сереженька, бѣдные мои, такіе еще юные, а какъ много, какъ неустанно придется работать имъ. А Шуренокъ, та вѣдь и вовсе не на дорогѣ... Бѣдная дѣвчурка, при какихъ обстоятельствахъ придется ей подниматься въ люди... А Надя? О, за эту страшнѣе всего... Бабочка, мотылекъ, мечущійся вокругъ огня и рискующій спалить себѣ крылышки — вотъ кто она, ихъ пустенькая, легкомысленная Надя».

И тяжелые вздохи рвутся одинъ за другимъ изъ хриплой, мучительно-выдавливающей дыханіе, груди больного.

Вторая половина лѣта промчалась однимъ сплошнымъ розовымъ сномъ для Нади. «Добрая волшебница» не ограничилась однимъ обѣщаніемъ быть пріятной и полезной такъ полюбившейся ей дѣвочкѣ. Каждый день нарядный автомобиль или англійская коляска Поярцевой заѣзжаютъ въ сосѣднюю съ Петергофомъ деревушку, и «похищаютъ» Надю на цѣлый день съ тѣмъ, чтобы только поздно вечеромъ возвратить ее снова домой.

Можно было часто-часто видѣть бѣлокурую головку и сіяющее удовольствіемъ Надино личико подлѣ пухлаго привѣтливаго лица Анны Ивановны. Прогулки въ моторѣ или въ коляскѣ бывали обыкновенно очень продолжительными. По желанію Нади, они проѣзжали мимо дачъ Ртищевыхъ, Голубевыхъ, Стеблинскихъ, Ратмировыхъ, и дѣвочка съ радостью отмѣчала удивленіе на лицахъ дѣтей, при видѣ ея скромной фигурки, откинувшейся на эластичныхъ подушкахъ экипажа. Какъ досадовала та же Голубева, какъ завидовала ей, не имѣя возможности кататься такъ ежедневно въ нарядномъ собственномъ моторѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Надя, даже и не трудясь кланяться при встрѣчахъ съ Софи, демонстративно поворачивая ей спину! А Наточкѣ и Стеблинскимъ она съ высоты своего достоинства киваетъ небрежно головой. Единственно, двѣ княжны Ратмировы пользуются ея симпатіей. Съ ними Надя изысканно любезна. Она даже старается подражать во всемъ старшей княжнѣ, держится какъ Ася, щуритъ глаза, а иногда пробуетъ грасировать, умышленно не выговаривая «р», что кажется ей высшимъ доказательствомъ хорошаго тона.

Послѣ катанья въ экипажѣ, Надя обѣдаетъ ежедневно у Анны Ивановны. Эти обѣды — истинное наслажденіе для дѣвочки. Помимо тонкихъ блюдъ

изысканной кухни, дѣвочкѣ приходится удивительно по душѣ постоянная, непрерывная лесть и восторги по ея адресу приживалокъ, ихъ неустанныя льстивыя похвалы ея внѣшности, ея красотѣ, ея манерамъ. Всѣ трое (Кленушка, за молодостью да еще, можетъ быть, по исключительному свойству ея натуры, льстить не научилась) осыпаютъ Надю на каждомъ шагу поощреніями и похвалами.

— Королевна наша! — прозвала ее какъ-то Ненила Васильевна и это прозвище сразу привилось къ Надѣ, да такъ и осталось за ней.

А вечеромъ — музыка въ роскошномъ Ново-Петергофскомъ паркѣ. Подъ звуки музыки, подъ шумъ фонтановъ, Надя грезитъ, мечтаетъ, убаюканная радостями, полнымъ довольствомъ жизнью.

Еще причудливѣе, еще пестрѣе стали теперь ея мечты.

Зато возвращеніе домой, послѣ чая въ богатой столовой Анны Ивановны, всегда несносно, мучительно для нея. Послѣ комфорта, нѣги, удовольствій — убогій домикъ, стоны, кашель отца, недовольные, косые взгляды брата и старшей сестры за ея, Надино, опозданіе.

Съ переѣздомъ въ городъ Надя почувствовала себя совсѣмъ несчастной. Анна Ивановна имѣла обыкновеніе до перваго сентября оставаться на дачѣ и

только черезъ три недѣли Надя могла увидѣть снова прежнее привольное житье-бытье. Конечно, можно было бы претерпѣть теперешнюю скуку въ чаяніи близкаго счастья... Но терпѣніе было далеко не сродни мятежной натурѣ Нади. Она искренно страдала все это время дома, цѣлыми днями валяясь у себя за ширмой съ книгой въ рукѣ.

Книгъ у нея теперь болѣе чѣмъ достаточно. Лизанька передала ей ихъ цѣлый транспортъ въ день переѣзда въ городъ. У Нади есть цѣлая серія лубочныхъ изданій Шерлока Холмса, Рокомболь, тайны разныхъ дворовъ и ей хватитъ чтенія на все это время. Глаза ея жадно глотаютъ строку за строкою, страницу за страницей. Она ничего не слышитъ и не видитъ, что происходитъ вокругъ нея — ни стоновъ, ни хриповъ отца, ни отчаянія домашнихъ, ни того подавленнаго настроенія, неизбѣжнаго всюду, гдѣ есть умирающій въ домѣ. Время занято чтеніемъ, голова — мечтами о скоромъ переѣздѣ Пóярцевой въ городъ и о возобновленіи жизни-праздника, которая такъ полно радовала Надю лѣтомъ.

...«Шерлокъ сажаетъ чучело старика у окошка, самъ же помѣщается позади кресла и, взявъ въ руки духовое ружье...»

— Надя! Надя! Вставай скорѣе! Папашѣ совсѣмъ плохо. Папаша умираетъ...

Какъ блѣдна Клавденька! Какъ дрожитъ и подергивается ея ротъ, съ трудомъ выговаривающій эти слова!

Волненіе сестры передается Надѣ. Дѣвочка вскакиваетъ съ постели, въ которой валяется до полудня каждое утро. Книга падаетъ у нея изъ рукъ. Надя блѣднѣетъ.

— Умираетъ, говоришь? — плохо повинующимся языкомъ, вздрагивая, спрашиваетъ Надя.

— Плохо, совсѣмъ плохо бѣдному папашѣ...— шепчетъ Клавденька и, неожиданно прильнувъ къ плечу младшей сестры, разражается тихимъ, подавленнымъ рыданіемъ.

Между Клавдіей и Надей нѣтъ дружбы. Сестры живутъ, какъ чужія. Клавденька пыталась нѣсколько разъ заинтересовать Надю своею работою, своими цѣлями и интересами, но все тщетно. Идеалъ дѣвушки-труженицы такъ чуждъ и далекъ душѣ Надѣ!

Но сейчасъ, при видѣ плачущей сестры, что-то невольно вздрагиваетъ въ эгоистическомъ Надиномъ сердечкѣ и оно сжимается жалостью и страхомъ потерять отца, котораго она, Надя, по-своему все-таки любитъ и уважаетъ безспорно.

Въ нѣсколько минутъ дѣвочка умыта, причесана, одѣта и робко пробирается къ постели отца. Въ виду гигіеническихъ условій и по настоянію доктора, кровать больного вынесли изъ темной комнаты и поставили въ столовой. Здѣсь было больше воздуху и свѣту.

При видѣ отца, Надя вздрогнула. Какъ онъ измѣнился! Какія странныя тѣни легли на его осунувшееся лицо! И какія у него стали желтыя, маленькія, совсѣмъ высохшія руки! Онъ уже не смотритъ на дѣтей. Глаза глядятъ ничего не видя... Пальцы судорожно перебираютъ складки одѣяла. Но губы все еще движутся, силясь произнести что-то. Одного Сергѣя нѣтъ здѣсь среди присутствующихъ — онъ побѣжалъ за священникомъ: умирающій еще наканунѣ изъявилъ желаніе пріобщиться Св. Таинъ.

Клавденька попрежнему тихо, беззвучно рыдаетъ, уткнувшись лицомъ въ убогій матрацъ, на которомъ лежитъ ея умирающій отецъ. Шурка судорожно всхлипываетъ у окна. Тетя Таша держитъ руку больного, стараясь разобрать то, что силятся произнести его посинѣвшія губы.

Хрипло дышитъ обезсиленная недугомъ грудь... Какое-то клокотанье переливается при каждомъ ея движеніи въ горлѣ. Вдругъ, глаза умирающаго от-

крываются съ усиліемъ и, обведя взглядомъ присутствующихъ, останавливаются на лицѣ свояченицы.

— Сестрица... голубушка...—съ трудомъ разбираетъ тетя Таша и прильнувшая къ ней плечомъ къ плечу Надя чуть внятный шопотъ умирающаго—не оставьте дѣтей... Вамъ ихъ поручаю... Сироты... Клавденьку, мою труженицу убогенькую... Сережу моего... Надю бѣдняжку... Шуренка моего маленькаго... Сберегите ихъ, сестрица... Васъ Господь за сиротъ благословитъ.

Никогда никто еще не слышалъ такихъ ласковыхъ, полныхъ захватывающей нѣжности словъ у этого суроваго, съ тяжелымъ характеромъ, огрубѣвшаго подъ ударами жизни человѣка! И острая жалость сжимаетъ сердца присутствующихъ.

— Все сдѣлаю, все, братецъ... Господомъ Богомъ васъ завѣряю!—рыдаетъ навзрыдъ тетя Таша въ отвѣтъ на эти слова.

Клавденька, Надя и Шурка вторятъ ей неутѣшными слезами.

Когда блѣдный, встревоженный Сергѣй появляется въ сопровожденіи священника на порогѣ комнаты, сердце у мальчика падаетъ внезапно, стѣсненное страхомъ.

— Скончался? Папаша скончался?—хватаясь за голову, шепчетъ онъ.

Но Иванъ Яковлевичъ еще живъ. Еще хрипитъ и клокочетъ что-то говорящее о жизни въ его изнуренной груди; еще вздрагиваютъ синія вѣки... трепещутъ рѣсницы. Священникъ еще успѣваетъ пріобщить Святыхъ Таинъ умирающаго и прочесть надъ нимъ отходную. И только въ серединѣ молитвы кровавая пѣна выступаетъ на синихъ ссохшихся губахъ умирающаго, и тяжелый, предсмертный вздохъ въ послѣдній разъ поднимаетъ его изсохшую грудь.

Три дня проходятъ въ мучительномъ напряженіи для маленькой семьи Таировыхъ. Крошечной квартирки нельзя узнать. Вынесли столъ изъ первой комнаты и на его мѣсто поставили гробъ. Иванъ Яковлевичъ, измѣнившійся до неузнаваемости, лежитъ со скрещенными на груди руками и съ спокойнымъ, какъ бы умиротвореннымъ лицомъ, глубоко тая въ себѣ неизвѣданную никѣмъ еще изъ живыхъ тайну смерти. По утрамъ и вечерамъ у гроба служатъ панихиды. Приходятъ сослуживцы покойнаго, появляются чужіе незнакомые люди, приносятъ вѣнки, говорятъ, совѣтуютъ тетѣ Ташѣ, дѣтямъ, что-то о пособіи, о пенсіи... А ночи напролетъ читаютъ монашки. Это уже желаніе тети Таши. Пусть это дорого, не по ихъ средствамъ, но необходимо, чтобы

Тяжелый предсмертный вздохъ въ послѣдній разъ поднимаетъ его изсохшую грудь.

все было такъ, какъ это у людей бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Въ первую же ночь монотоннаго чтенія монашенки проснулась Надя. Прислушалась и, ничего не понявъ спросонья, съ ужаснымъ крикомъ, напугавшимъ всѣхъ, кинулась къ тетѣ Ташѣ.

— Боюсь, боюсь! Не могу больше одна оставаться въ кухнѣ! — истерически выкрикивала она, дрожа всѣмъ тѣломъ. И напрасно увѣряла тетя Таша и проснувшаяся подъ эти крики Клавденька, что бояться дорогого покойника грѣшно и стыдно, Надя протряслась всю ночь.

Она искренно переживала всю горечь потери. Глядя на мертвое, измѣненное до неузнаваемости лицо отца, она плакала неудержимыми слезами. О, какъ она жалѣла теперь, что недостаточно внимательна была къ отцу за время его болѣзни, что ни разу не приласкалась къ нему, ни разу не поговорила съ нимъ просто, по-дочерински, искренно и откровенно. Да, она мало любила его, мало слушалась его приказаній, а если и слушалась, то только подъ страхомъ наказаній, подъ угрозою. Какъ тяжело, какъ тяжело ей было сознавать все это теперь, когда ничего нельзя ни вернуть, ни поправить!

Въ день похоронъ шелъ дождь, была слякоть... Немногіе изъ сослуживцевъ пришли проводить покойника на кладбище; однихъ испугала непогода, другимъ помѣшала служба. За скромными дрогами, кромѣ своихъ, шло всего нѣсколько человѣкъ. Клавденька, зеленая отъ пережитыхъ ею волненій и страданій, съ убитымъ лицомъ и вспухшими вѣками энергично шагала подъ руку съ братомъ. На блѣдномъ, замкнутомъ лицѣ Сережи, помимо горя по горячо любимомъ отцѣ, къ которому сынъ, кромѣ сыновнихъ чувствъ, питалъ исключительное уваженіе, какъ къ труженику-человѣку, — отражалась упорная забота о предстоящей имъ всѣмъ новой жизни. Теперь, какъ никакъ онъ, Сережа, оставался единственнымъ мужчиной въ семьѣ, единственнымъ защитникомъ и покровителемъ сестеръ и тетки. Надо было подумать о томъ, какъ возможно легче устроить ихъ жизнь. Пособіе, выданное имъ на похороны отъ банка, изсякло съ поразительною быстротою; панихиды, гробъ, трауръ, — все это стоило денегъ. Сейчасъ онъ заплатитъ на кладбищѣ послѣдніе оставшіеся у нихъ рубли. Тетиной пенсіи едва хватитъ платить за квартиру. Клавденькѣ совсѣмъ нельзя такъ много работать; у нея и такъ ослабли глаза да и горбъ ноетъ отъ продолжительнаго сидѣнья надъ машинкой. Значитъ, болѣе чѣмъ необходима

его поддержка, его помощь. Надо завалить себя уроками безъ передышки, безъ пощады къ самому себѣ. Надо работать, не покладая рукъ съ утра до ночи. Надо спасать семью отъ страшнаго призрака нужды, которая грозитъ ей ежеминутно.

— Со святыми у-по-кой...— еще звучитъ въ ушахъ Нади, когда, вернувшись съ кладбища, она, вмѣстѣ съ остальными членами осиротѣвшей семьи, поднимается къ себѣ въ четвертый этажъ, гдѣ находится ихъ убогая квартирка и на послѣдней площадкѣ останавливается, какъ вкопанная. Легкій радостный крикъ срывается у нея съ губъ.

Знакомая полная фигура въ нарядномъ манто, съ мѣхомъ на шеѣ, отдѣляется отъ стѣны и протягиваетъ ей навстрѣчу руки.

— Слышала, слышала о горѣ вашемъ... Какъ только узнала, тотчасъ же пріѣхала къ вамъ... Милушка, бѣдняжка, родная моя, какъ вы настрадались,— и пухлыя руки Анны Ивановны обнимаютъ Надю.

Слезы непроизвольно выкатываются изъ глазъ дѣвочки и капаютъ на грудь Поярцевой. Какъ хорошо переживать снова сочувствіе друга! О, какъ она страдала всѣ эти дни! Какъ отрадно посѣтовать

на судьбу въ объятьяхъ сочувствующаго ей всею душою человѣка!

Тетя Таша приглашаетъ гостью къ себѣ. Она страшно стѣсняется ихъ бѣдности и въ то же время очень польщена визитомъ такой знатной барыни.

Въ маленькой столовой еще не прибрано послѣ покойника. Сережа и Клавденька исчезаютъ куда-то. Гостья беретъ тетю Ташу подъ руку и мягко усаживаетъ ее подлѣ себя на рваномъ клеенчатомъ диванѣ.

— Я пріѣхала, собственно говоря, къ вамъ по дѣлу, — говоритъ Анна Ивановна. — Вы разрѣшите переговорить съ вами наединѣ?

— Дѣти, выйдите въ кухню, — коротко обращается тетя Таша къ Надѣ и Шуркѣ, не спускавшимъ все время глазъ съ модно и дорого одѣтой фигуры гостьи.

Дѣвочки повинуются неохотно. Въ кухнѣ онѣ обѣ, не сговариваясь, приникаютъ къ дверямъ. Остренькая лисья рожица Шурки съ заплаканными глазами и вздувшейся отъ слезъ губой теперь вся олицетвореніе самаго жгучаго любопытства.

— О тебѣ, о тебѣ говорятъ, Надя, — захлебываясь, шепчетъ она сестрѣ.

Дѣйствительно, Анна Ивановна говоритъ о Надѣ, и тетя Таша съ замираніемъ сердца вслушивается въ ея слова.

— Вамъ будетъ тяжело послѣ кончины главы семейства, — своимъ мягкимъ голосомъ говоритъ Поярцева, — семья не маленькая. Дѣтямъ надо будетъ дать приличное образованіе; средствъ же на это нѣтъ. Да и, помимо этого, жизнь требуетъ расходовъ. Вотъ я и хочу предложить вамъ: не найдете ли вы возможнымъ отдать мнѣ вашу Надю? Ну, да, отдать мнѣ ее совсѣмъ. Я такъ полюбила вашу прелестную дѣвочку, полюбила, какъ родную дочь и буду заботиться о ней, повѣрьте. Средства позволятъ мнѣ окружить ее довольствомъ и комфортомъ, дать ей хорошее образованіе, воспитаніе. Соглашайтесь, Татьяна Петровна, въ видахъ Наденькинаго же благополучія на мое предложеніе, право, — закончила Анна Ивановна свою рѣчь.

Нѣтъ, больше Надя не въ силахъ оставаться нѣмою свидѣтельницею въ тѣ минуты, когда рѣшается ея судьба, когда на карту поставлено ея благополучіе, счастье! Оттолкнувъ отъ себя руки Шурки, пытавшейся удержать ее, она быстро распахиваетъ дверь и вихремъ вносится въ столовую, испугавъ своимъ неожиданнымъ стремительнымъ появленіемъ обѣихъ женщинъ, и хозяйку и гостью.

— Тетя Таша, милая, отпустите меня! Отпустите жить совсѣмъ къ Аннѣ Ивановнѣ! Я хочу къ вамъ! Я хочу къ вамъ! Возьмите меня къ себѣ, душечка,

дорогая, милая! и Надя, какъ изступленная, бросается цѣловать руки Поярцевой.

Она внѣ себя. Ея щеки горятъ, глаза сверкаютъ.

— Я хочу жить у васъ... быть съ вами...— лепечетъ она, какъ въ забытьѣ.—Мнѣ тяжело оставаться дома послѣ смерти папаши... Я не хочу жить здѣсь... Увезите меня, увезите отсюда...— почти крикомъ заканчиваетъ она свою изступленную рѣчь.

Тетя Таша совсѣмъ растерялась. Она буквально не знаетъ, что дѣлать. Едва только успѣли схоронить главу семейства, а семья его уже распадается на части. Чтобы сказалъ на это покойный Иванъ Яковлевичъ, если бы былъ живъ? На тетю Ташу жаль смотрѣть въ эти минуты, такъ она несчастна, такъ смущена. Ей жаль огорчать отказомъ Надю, тѣмъ болѣе жаль, что, кто знаетъ? можетъ быть, жизнь въ роскоши и довольствѣ и есть истинное счастье для Нади, и въ то же время ей жутко подумать о томъ, что такой поступокъ былъ бы противенъ волѣ покойнаго Таирова.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда волненіе тети Таши достигаетъ высшаго предѣла, съ порога комнаты слышится молодой энергичный голосъ.

— Простите, что вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но судьба сестры близка и мнѣ. Конечно, было бы для насъ много пріятнѣе, если бы Надя осталась

жить съ нами, въ родной семьѣ, но разъ она такъ неудержимо стремится изъ дома (тутъ голосъ Сережи Таирова предательски вздрагиваетъ), то удерживать ее мы не станемъ. Только я буду васъ очень просить отъ имени покойнаго папаши не баловать Надю. Рано или поздно я надѣюсь отдать вамъ все, что она будетъ стоить вамъ, то-есть, жизнь и воспитаніе Нади въ вашемъ домѣ. Такъ сдѣлалъ бы папаша, если бы былъ живъ, такъ долженъ сдѣлать и я. Тетя Таша, соберите Надины вещи, она, навѣрное, пожелаетъ уѣхать сегодня же,—съ плохо скрытой горечью добавилъ, обращаясь къ теткѣ, Сергѣй.

Тетя Таша съ невольнымъ уваженіемъ взглянула на племянника.

О, онъ выросъ на цѣлую голову сейчасъ этотъ мальчикъ! И изъ нѣжныхъ юношескихъ чертъ его лица на нее неожиданно выглянули энергичныя черты его отца, выражающія суровую, непреклонную волю. И какъ онъ умно все это придумалъ! Даже Анна Ивановна съ невольною почтительностью взглянула въ это умное, энергичное юношеское лицо.

Изъ груди Нади вырвался вздохъ облегченія. Какой славный, какой милый этотъ Сережа! Какъ онъ все это хорошо придумалъ. Положительно, она никогда не любила такъ сильно брата, какъ сейчасъ.

Потомъ, сразу поднялась суета, начались сборы.

Тетя Таша, Клавдія и Шурка съ лихорадочной поспѣшностью укладывали вещи Нади въ старенькій сундучокъ. А Сережа говорилъ въ это время Аннѣ Ивановнѣ, слушающей его съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ рѣчи вполнѣ сложившихся взрослыхъ людей.

— Сейчасъ у меня нѣтъ источника, изъ котораго я могъ бы платить за сестру. Но когда я окончу ученіе и поступлю на службу, я выплачу все, что будетъ стоить жизнь Нади въ вашемъ домѣ. Покойный отецъ не разрѣшилъ бы на иныхъ условіяхъ отпустить сестру въ чужой домъ. Когда же сама Надя поступитъ на мѣсто, я надѣюсь, что она пойметъ всю необходимость вносить деньги за себя. Я увѣренъ, что она не пожелаетъ висѣть на чужой шеѣ. Вѣдь такъ, Надя?

— Такъ, — машинально срывается съ улыбающихся губокъ дѣвочки въ то время, какъ мысли ея особенно далеки сейчасъ отъ мыслей Сережи.

Какъ интересно! Какъ удивительно романтично все это вышло! Добрая волшебница похищаетъ ее, маленькую Сандрильону, изъ дома мачехи и даетъ ей возможность попасть въ королевскій дворецъ. Ну, не сказка ли это? Совсѣмъ сказка!

Эта сказка продолжается и тогда, когда Надя въ своемъ скромномъ траурномъ платьицѣ наскоро

цѣлуетъ благословляющую ее и плачущую тетю Ташу, обнимаетъ брата и сестеръ...

— Не забывай насъ, Наденька, — проситъ тетка.

— Пріѣзжай почаще, — вторитъ ей Шурка.

— На могилу отца ѣздить не забывай, — наставительно и строго говоритъ Клавдія, недружелюбно глядя на сестру.

— Что за безчувственная уродилась у насъ эта Надя!—думаетъ Клавдія. — Въ самый день похоронъ, когда горе должно было бы сблизить еще тѣснѣе осиротѣвшую семью, она покидаетъ ихъ съ такимъ легкимъ сердцемъ... А о папашѣ даже и не вспоминаетъ совсѣмъ... Черствая, холодная эгоистка! И Клавдія холодно отвѣчаетъ на поцѣлуй сестры.

Сережа даетъ послѣднія наставленія Надѣ.

— Учись хорошенько. Вы вѣдь будете учить ее, не правда ли, сударыня? — почтительно, но энергично спрашиваетъ онъ Поярцеву. — Ее надо подготовить хоть въ прогимназію. Если позволите, я самъ буду приходить заниматься съ нею.

Конечно, Анна Ивановна соглашается на все. — Какъ можно не довѣрить занятій дѣвочки ея энергичному, умному брату? — мягко говоритъ она Сережѣ.

Но молодого Таирова не такъ-то легко усыпить лестью.

— Я буду приходить послѣ гимназіи ежедневно и заниматься съ тобою по два часа въ день, — тономъ, не допускающимъ возраженій, говоритъ онъ сестрѣ, держа ее за руку.

За другую руку Надю тянетъ къ себѣ Шурка.

— Надюша, милая, позволь мнѣ прибѣгать къ тебѣ хоть изрѣдка, — шопотомъ молитъ она сестру.— Посмотрѣть на твое житье-бытье.

— Хорошо, приходи, — съ высоты своего величія бросаетъ Надя.

Печальная рожица Шурки оживляется сразу. Ей такъ хочется посмотрѣть на новую жизнь Нади въ «Поярцевскомъ дворцѣ», какъ она мысленно окрестила домъ Анны Ивановны. Сколько захватывающе интереснаго слышала она уже про него отъ Нади! И вотъ она увидитъ своими глазами «дворецъ». И осунувшееся отъ горя за послѣдніе дни личико Шурки уже сіяетъ.

Тетя Таша въ послѣдній разъ дрожащей рукой креститъ Надю, цѣлуетъ ея глаза, щеки, губы...

— Не забывай, не забывай насъ, дѣточка... — слышится ея надорванный голосъ.

Надя вырывается, наконецъ, изъ ея объятій. Ужъ эти минуты прощанія! Только нервы треплютъ даромъ, — мысленно негодуетъ она. — Точно Богъ вѣсть куда отправляютъ, на край свѣта. И, еще

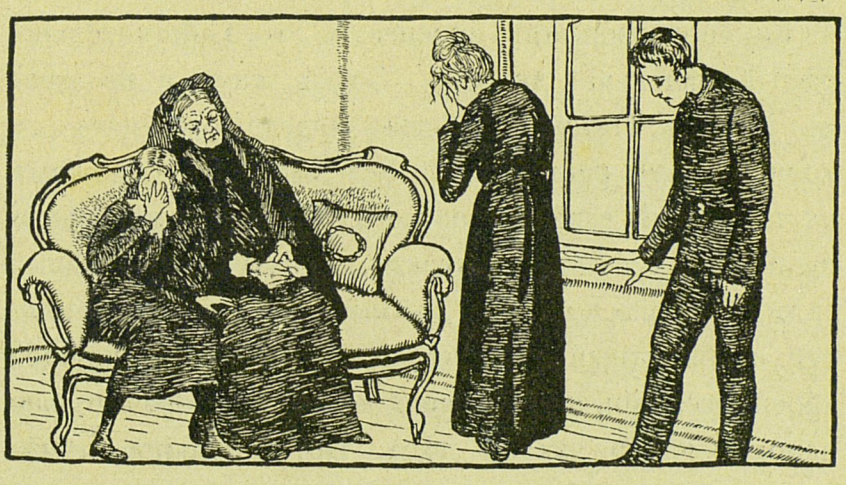
разъ кивнувъ всѣмъ головою, она выскакиваетъ за порогъ маленькой квартирки въ сопровожденіи своей новой покровительницы, веселая и щебечущая, какъ птичка.

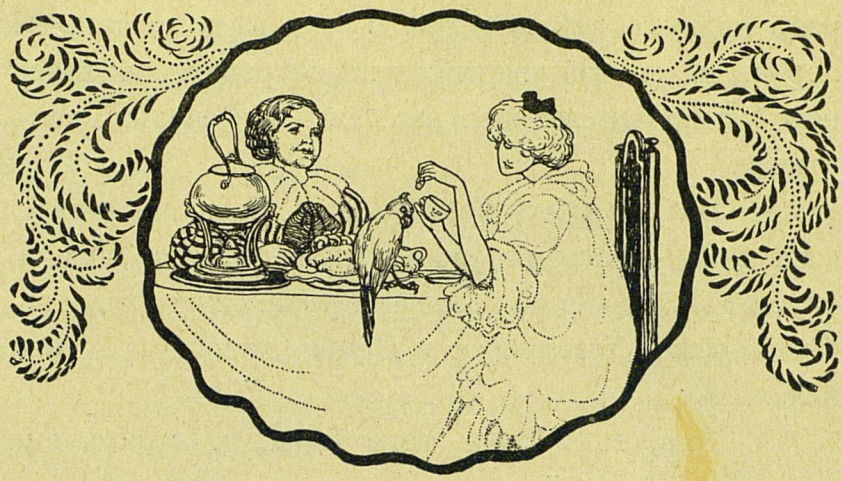
— Вотъ и нѣтъ нашей Нади! Была и исчезла, какъ сонъ, — говоритъ по ея отъѣздѣ тетя Таша и, опустивъ сѣдѣющую голову на руки, глухо рыдаетъ.

Сережа, Клавденька и Шурка хлопочутъ около нея.

— Эхъ, тетя Таша, тетя Таша, не стоитъ она того, чтобы о ней такъ убиваться, — внезапно раздражаясь, говоритъ Клавденька. — Право не стоитъ! Сами поймете это потомъ.

Сергѣй молчитъ. Но въ душѣ онъ согласенъ съ сестрою. Эгоизмъ и черствость Нади поразили и его.





Мечты сбылись. Волшебная сказка.

Петроградская квартира Анны Ивановны Поярцевой помѣщается въ небольшомъ домѣ-особнякѣ на Каменноостровскомъ проспектѣ. Это, дѣйствительно, цѣлый маленькій дворецъ. Здѣсь, какъ и на дачѣ въ Новомъ Петергофѣ, есть «зеленая» комната съ тропическими растеніями и зеленымъ же, похожимъ на пушистый газонъ, ковромъ. Но здѣсь это помѣщеніе еще менѣе напоминаетъ комнату. Это — цѣлый садъ, иллюзію котораго добавляютъ мраморныя статуи и комнатный фонтанъ изъ душистой, пахнущей хвоей, эссенціи, освѣжающей комнату и поразительно напоминающей запахъ лѣса. Все остальное помѣ-

щеніе особняка представляетъ собою рядъ прелестно и богато обставленныхъ горницъ. Внизу живетъ хозяйка. Наверху размѣщены приживалки и прислуга. На дворѣ находится кухня, конюшня, гаражъ. Позади дома — садъ, небольшой, но тѣнистый, съ качелями и лаунъ-теннисомъ. И здѣсь, словно гдѣ-то на дачѣ или въ деревнѣ, шумятъ значительно старыя липы. И совсѣмъ забывается, что тутъ уголокъ столицы, что этотъ великолѣпный старый садъ — кусочекъ шумнаго Петрограда, почти что центръ его.

Надя въ восторгѣ и отъ сада, и отъ дома, и отъ своей комнаты, похожей на голубую бомбоньерку. Изящная, въ стилѣ модернъ мебель, хорошенькій письменный столъ, крытая шелковымъ одѣяломъ и батистовымъ бѣльемъ постель, коверъ во всю комнату, масса красивыхъ картинъ и бездѣлушекъ — все это дѣлаетъ удивительно милымъ и уютнымъ этотъ уголокъ. И самая жизнь Нади теперь является вѣнцомъ желаній всѣхъ ея требованій. Это та самая волшебная сказка, тотъ идеалъ, о которомъ она такъ мечтала всегда. Она поднимается поздно, потому что и хозяйка поднимается поздно. Только приживалки, прислуга, собаки и птицы встаютъ съ восходомъ солнца въ этомъ домѣ. Только въ двѣнадцать часовъ дня слышится первое движеніе въ комнатѣ Анны Ивановны; въ часъ она пьетъ чай съ

Надей и завтракаетъ въ столовой. Приживалки и собаки, а часто и говорливый ручной Коко — все это группируется тутъ же вокругъ нихъ. Надю очень забавляетъ всегда это утреннее чаепитіе. Собаки разсаживаются вокругъ хозяйки, умильно вертятъ хвостиками и просятъ подачекъ. Неугомонный Коко несетъ всякую дичь, выкрикивая ее кстати и некстати своимъ рѣзкимъ голосомъ. Приживалки — Домна Арсеньевна и Ненила Васильевна громко восхищаются Надей. Это вошло даже въ привычку восторгаться за утреннимъ чаемъ и завтракомъ ея красотой, ея свѣжестью, даже ея скромнымъ траурнымъ платьицемъ, которое, по ихъ мнѣнію, такъ прелестно оттѣняетъ чудное личико «златокудрой королевны». Лизанька вторитъ старухамъ, пѣвуче растягивая слова и поджимая тонкія губы. Она любитъ употреблять высокопарныя книжныя фразы, безцеремонно выхватывая ихъ изъ тѣхъ макулатурныхъ изданій, которыя поглощаетъ дѣвушка не менѣе рьяно, нежели Надя. Ея обязанности Кокошиной няньки очень несложны и оставляютъ Лизанькѣ много свободнаго времени, которое она и посвящаетъ чтенію. Но кромѣ бульварныхъ романовъ, дѣвушка очень любитъ читать божественное и потомъ долго разсказываетъ матери о прочитанномъ, о мукахъ того или другого угодника, о святыхъ подвигахъ отшельниковъ, и

обѣ вздыхаютъ или плачутъ тихо у себя въ комнатѣ, гдѣ пахнетъ лампаднымъ масломъ.

Лизанька и ея мать не нравятся Надѣ, несмотря на ихъ льстивую угодливость. Что-то враждебное чудится Надѣ въ ихъ заискивающей предупредительности по отношенію къ ней. Къ Домнѣ Арсеньевнѣ Надя вполнѣ равнодушна. Старуха Арсеньевна, вполнѣ безцвѣтная личность, правда, льстиво заискивающая и угодливая не меньше Лизаньки и ея матери, но безъ того чуть уловимаго духа непріязни, который проглядываетъ въ тѣхъ двухъ. Кто больше всѣхъ нравится Надѣ — такъ это Кленушка. Безтолковая, примитивная, недалекая и грубоватая по виду «собачья нянюшка» представляетъ собою цѣнность нетронутой натуры. На собакъ она кричитъ и сердится безо всякаго зазрѣнія стыда и совѣсти.

— Чтобы вы пропали! Удержу на васъ нѣту. Максъ, ненавистный ты этакій! Будешь ты слушаться, Заза? Ледка, вотъ я васъ кнутомъ, дождетесь вы у меня! — разносится ея голосъ по всему двору во время прогулокъ съ бѣдовой сворой.

Но угрозъ своихъ никогда Кленушка не приводитъ въ исполненіе. Никогда еще ея рука не поднималась на всѣхъ этихъ левретокъ, мопсовъ, пуделей, шпицовъ. А слезы Кленушка проливала и

не разъ, когда заболѣвала та или другая собачонка. Когда же мопсъ Пупсикъ объѣлся пышками, незамѣтно похищенными имъ изъ кухни за спиною повара и едва не околѣлъ вслѣдствіе своего обжорства, Кленушка «выла бѣлугой», по выраженію Лизаньки, у себя въ мезонинѣ, ухаживая за собачкой.

По происхожденію своему Кленушка была крестьянкой. Ее десятилѣтней дѣвочкою привезла изъ деревни судомойка, служившая у Поярцевой и которой Кленушка приходилась племянницей. Судомойка умерла, и, черезъ два года, Клену, не имѣвшую родныхъ, оставила жить у себя Анна Ивановна, призрѣвъ круглую сиротку, и, давъ ей новую обязанность ухаживать за ея собачками, также пріютила она въ свое время и бѣдную овдовѣвшую чиновницу, Ненилу Васильевну, съ малолѣтней дочкой и бывшую просвирню Домну Арсеньевну, хозяйничавшую другой десятокъ лѣтъ въ ея домѣ.

Надю положительно забавляла Кленушка. Забавляли ея разсказы про деревню, которую прекрасно помнила Кленушка и къ которой стремилась всей своей душой.

— Ну, какая я городская? Поглядите-ка на меня, деревенщина я, какъ есть деревенщина: толстая, нескладная; щеки — ишь какъ надулись, словно лопнуть хотятъ, — разглядывая себя въ зер-

кало, часто иронизировала на собственный счетъ Кленушка. — А платье-то городское идетъ ко мнѣ, какъ коровѣ сѣдло. То ли дѣло, сарафанъ на плечи да серпъ въ руки да въ поле ржаное подъ самое солнышко. Небось, жиръ-то бы живо согнало... То ли бы дѣло: и квасокъ тутъ тебѣ и хлѣбушко. Смерть не люблю разносоловъ вашихъ...

— А сама досыта разносоловъ-то этихъ кушаешь, — ехидно замѣчала въ такихъ случаяхъ Лизанька.

— Ну, да и кушаю ну, и что жъ изъ этого? — огрызалась Кленушка. — Надо же кушать что-нибудь. Не помирать же голодомъ.

— Ты-то помрешь! — язвила Ненила Васильевна, въ свою очередь недружелюбно поглядывая на толстую, здоровую фигуру Кленушки.

— И вѣдь родятся же такія крѣпкія да гладкія, кровь съ молокомъ, тогда какъ у ея бѣдняги Лизаньки всѣ ребрышки, всѣ косточки наперечетъ, — мысленно негодовала старуха.

Ежедневно послѣ завтрака Анна Ивановна велитъ подавать автомобиль и ѣдетъ съ Надей въ магазины. Онѣ останавливаются у пассажа, у Гостинаго двора, и всюду Поярцева накупаетъ массу

всякихъ нужныхъ и ненужныхъ вещей. Стоитъ только заикнуться Надѣ, что ей нравится та или другая вещица, выставленная въ магазинѣ, какъ вещица тотчасъ переходитъ въ полное, неотъемлемое владѣніе дѣвочки.

— Ахъ, зачѣмъ это! Не нужно, — слабо протестуетъ Надя въ то время какъ сердечко ея замираетъ восторгомъ, а лицо такъ все и сіяетъ отъ удовольствія.

Эти часы объѣздовъ магазиновъ и покупокъ — самые лучшіе въ жизни Нади. Она совершенно забыла о томъ, что говорилъ недавно Сергѣй. О томъ, о чемъ предупреждалъ юноша: отнюдь не брать подачекъ отъ ея новой покровительницы. Такой соблазнъ имѣть у себя всѣ эти прелестныя вещицы, которыми щедрыми руками награждаетъ ее добрая Анна Ивановна. Эти длинные шелковые чулки, эти тонкія эластичныя лайковыя перчатки, эти прелестныя гребенки изъ настоящей черепахи. Потомъ вѣеръ, потомъ еще серебряную сумочку-кошелекъ, потомъ перламутровый съ золотой, ея, Надиной, монограммой бинокль. Какъ жаль, что она въ траурѣ! Какъ жаль, что нельзя прикинуть на себя всѣ эти прелестныя шляпы и платья, которыми она цѣлыми часами готова любоваться у оконъ магазиновъ. Но Сережа, а за нимъ и тетя Таша, строго-настрого

наказали ей носить это траурное платьице, обшитое крепомъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ со дня смерти отца, и она должна волей-неволей подчиниться ихъ требованію.

Къ тремъ часамъ Надя возвращается нагруженная покупками, блаженная, улыбающаяся, усталая отъ массы пережитыхъ только-что ею радостныхъ впечатлѣній.

Ровно въ три раздается звонокъ въ прихожей. Лакей несется открывать. За нимъ несутся съ оглушительнымъ лаемъ собачонки. Канарейки трещатъ; попугай выкрикиваетъ какое-то безсмысленное привѣтствіе.

Входитъ Сережа. Юноша является сюда прямо изъ гимназіи, онъ смертельно усталъ. Шутка ли, притти съ Песковъ на Каменноостровскій! На трамвай же нѣтъ денегъ — каждая копейка нужна въ домѣ. Бросивъ въ уголъ свой ранецъ, юноша сразу приступаетъ къ уроку. Занимаются они съ Надей въ кабинетѣ Анны Ивановны. Сама хозяйка дома присутствуетъ неустанно на этихъ урокахъ съ работою въ рукахъ. Надя всегда разсѣяна, всегда невнимательна и лѣнива на этихъ урокахъ. Отвѣчаетъ невпопадъ, дѣлаетъ непростительныя ошибки.

Сережа при всей своей сдержанности начинаетъ раздражаться, сердиться на сестру.

— О чемъ ты думаешь? — повышаетъ онъ голосъ. — Гдѣ твоя голова?

Онъ правъ. Голова Нади далеко отъ занятій. Мысли ея тамъ, въ голубой бонбоньеркѣ-комнатѣ, гдѣ разложены на столѣ только что пріобрѣтенныя покупки. Одна мысль о томъ, что она ихъ полновластная владѣтельница, приводитъ Надю въ дикій восторгъ, заставляя выскакивать изъ головы всѣ эти скучныя правила на букву «ѣ» и названія рѣкъ Россійской имперіи и поясненія Символъ Вѣры и басню Крылова, которыя она подготовила къ этому дню.

— Очнись! Очухайся! Что ты за чушь болтаешь! — чуть ли не въ голосъ, потерявъ всякое терпѣніе, уже кричитъ Сережа.

— Сереженька, голубчикъ, — вмѣшивается Анна Ивановна, откладывая на минуту работу въ сторону (она вяжетъ безконечный шарфъ на двухъ спицахъ). — Вы бы не такъ строго. Вѣдь смотрѣть на васъ обоихъ жалко. Вы и себя волнуете и Наденьку.

— Ей надо волноваться, Анна Ивановна, она бѣдная дѣвушка, почти нищая. Ей необходимо хорошо учиться, запастись знаніями, чтобы потомъ легче было найти мѣсто, службу, занятія, уроки. За ученаго двухъ неученыхъ даютъ, сами знаете, — говоритъ сдержанно, волнующимся голосомъ Сережа и снова переводитъ глаза на сестру.

— Приведи мнѣ эти дроби къ одному знаменателю, Надя, — приказываетъ онъ, начертивъ цифры и знаки карандашомъ въ тетрадкѣ своей ученицы.

А самъ отваливается на спинку стула, побѣжденный усталостью. Если бы можно было не заниматься самому съ этой лѣнтяйкой, нерадивой Надей! Если бы можно было пригласить учителей, чтобы себя и свою энергію сохранить для болѣе прилежныхъ учениковъ. Но, увы! нельзя этого, нельзя! Учителя стоятъ дорого, а онъ и такъ кругомъ въ долгу у Анны Ивановны за жизнь Нади въ ея домѣ. Когда-то все выплатитъ онъ — вѣдаетъ одинъ Богъ.

Въ пять часовъ уроки кончаются и Надя облегченно вздыхаетъ. Еще бы! Два часа занятій съ такимъ небольшимъ, пятиминутнымъ перерывомъ!

— Оставайтесь обѣдать у насъ, Сережа, — неизмѣнно каждый день приглашаетъ юношу Анна Ивановна по окончаніи уроковъ.

Но тотъ неизмѣнно отказывается каждый разъ.

Онъ очень благодаренъ, но ему надо спѣшить домой. Вечеромъ у него еще есть уроки и необходимо самому подготовиться къ завтрашнему дню. У нихъ въ гимназіи очень требовательны къ знанію предметовъ.

Уходя, онъ наставительно замѣчаетъ Надѣ:

— Внимательнѣе будь. Смотри, чтобы завтра знать все у меня на-зубокъ. Вѣдь ты не маленькая,

Надежда, можешь понять, кажется, всю пользу и необходимость ученія. И на могилу отца не забудь съѣздить въ будущее воскресенье. Слышишь? Въ прошлое тебя не было на кладбищѣ. Какой стыдъ, опять проспала?

Наконецъ-то онъ уходитъ, такой, по мнѣнію Нади, требовательный, суровый, несправедливо строгій къ ней, еще такой юной, такой хрупкой дѣвочкѣ.

Радостная, съ легкимъ сердцемъ, напѣвая какую-нибудь веселенькую пѣсенку, Надя въ припрыжку бѣжитъ въ зеленую комнату полюбоваться канарейками, подразнить Кокошку. За нею бѣгутъ Ами, Бижу, Заза, Леда, Пупсикъ и Нусикъ, всегда неравнодушные къ суетливымъ движеніямъ человѣка. Меланхолично выступаетъ за ними величаво спокойный черный пудель Максъ.

Изъ зеленой комнаты вплоть до самаго обѣда несутся изступленные крики Коко, смѣхъ Нади, лай собачекъ...

— Кушать подано, — докладываетъ лакей, и, прискакивая и смѣясь беззаботнымъ смѣхомъ, Надя снова бѣжитъ въ столовую.

— Королевна златокудрая наша! Явилось наше красное солнышко! Ишь какъ разгорѣлась вся! Такъ и пышетъ, ягодка вы наша! — сладко запѣваетъ Ненила Васильевна, умильно заглядывая въ лицо дѣвочки.

— Наденька совсѣмъ у насъ надменная принцесса, сказочная богиня, алебастровая красавица! — обычными безсмысленными комплиментами и некстати скомпанованными фразами вторитъ ей, вычурно поджимая губки, Лизанька.

А Домна Арсеньевна спѣшитъ наложить на тарелку дѣвочки лучшіе куски.

Анна Ивановна довольно улыбается. Ее безконечно радуетъ такое преклоненіе передъ ея любимицей. Надя нравится ей все больше и больше съ каждымъ днемъ. Ея прелестное личико кажется совсѣмъ кукольнымъ въ массѣ бѣлокурыхъ волосъ. А Анна Ивановна любитъ такія кукольныя головки, которыя можно хорошо причесать къ лицу, которымъ удивительно идутъ наряды. Вообще, Надя ей кажется очаровательною, живою куколкою, подаренной ей судьбой въ утѣшеніе подъ старость. Она и имя ей придумала другое. Надя — слишкомъ вульгарно звучитъ. Имя Нэдъ гораздо болѣе подходитъ къ бѣлокурой поэтичной головкѣ и тонкимъ, точно изваяннымъ, чертамъ дѣвочки. Скорѣе бы проходили эти дни строгаго траура. О, она сумѣетъ одѣть, нарядить Надю такъ, что всѣ ахнутъ отъ восторга. Къ ней должны итти всѣ нѣжные цвѣта: розовый, голубой, зеленый. Но и въ черномъ она прелестна.

Послѣ обѣда къ Надѣ приходитъ учитель му-

зыки. Дѣвочка учится у него играть на роялѣ. Это желаніе самой Анны Ивановны. Она болѣе чѣмъ увѣрена, что ея очаровательная Надя должна обладать какимъ-нибудь талантомъ, который необходимо найти и развить. И Анна Ивановна «находитъ» и развиваетъ талантъ Нади при помощи учителя и рояля, несмотря на завѣренія честнаго нѣмца, что у «фрейлейнъ Нади абсолютно мало слюха», не считаясь съ жалобою клавишъ, стонущихъ и плачущихъ подъ совсѣмъ бездарными, деревянными пальцами Нади.

Въ семь часовъ уходитъ учитель, въ достаточной мѣрѣ истерзанный исполненіемъ гаммъ и экзерцицевъ своей ученицы. Тутъ-то и начинается едва ли не лучшее время для Нади. Въ голубой комнатѣ-бонбоньеркѣ, въ коридорѣ, въ апартаментахъ Анны Ивановны поднимается въ этотъ часъ веселая суматоха. Бѣгаютъ приживалки, бѣгаетъ прислуга, съ оглушительнымъ лаемъ носятся слѣдомъ за бѣгущими собаченки, попадая подъ ноги и съ громкимъ визгомъ отскакивая назадъ.

Это Надю собираютъ въ театръ, куда почти ежедневно возитъ ее Анна Ивановна. Впрочемъ, иногда театръ замѣняется кинематографомъ, циркомъ, иногда же простымъ катаньемъ по островамъ и поѣздками въ гости. Но все одинаково требуетъ прически, туалета, «прихорашиванія», какъ говорятъ

поярцевскія приживалки. Анна Ивановна собственноручно причесываетъ и завиваетъ Надю. Приживалки хлопочутъ тутъ же, подаютъ нагрѣтые щипцы, шпильки, бантики въ голову, гребенки и громко ахаютъ и восторгаются роскошными волосами Нади, къ полному удовольствію послѣдней.

И опять искренно сожалѣетъ Анна Ивановна, что нельзя снять съ ея Нади этого чернаго печальнаго платья и замѣнить его болѣе изысканнымъ свѣтлымъ туалетомъ, въ которомъ еще рельефнѣе, по ея мнѣнію, выступила бы красота дѣвочки. Но пока приходится только скрасить, оживить это черное платье живыми цвѣтами и свѣжимъ кружевнымъ воротникомъ. Зато стройныя маленькія ножки Нади ничто не мѣшаетъ обуть по своему усмотрѣнію. На нихъ дорогіе шелковые чулки и щегольскія туфельки. На тонкихъ рукахъ дѣвочки — изящныя перчатки. Черный прелестный вѣеръ и живыя бѣлыя розы довершаютъ туалетъ Нади.

Счастливая, сіяющая входитъ она въ ложу бельэтажа рядомъ со своей благодѣтельницей. За ними робко прокрадывается Лизанька съ Ненилой Васильевной или Кленушка съ Домной Арсеньевной по очереди. Надя плохо слушаетъ то, что говорится или поется на сценѣ. Она больше занимается самой собою: замѣтя устремленные на нее изъ дру-

гихъ ложъ взгляды, она начинаетъ принимать самыя эффектныя, по ея мнѣнію, позы. Ей такъ пріятно быть центромъ всеобщаго вниманія, такъ удивительно интересно. А позади нея Лизанька и Ненила Васильевна шепчутъ ей на ушко:

— Королевна наша, поглядите, вонъ барышни изъ ложи напротивъ глазъ съ васъ не сводятъ. Небось лопаются отъ зависти, на красоту вашу глядя.

— Ангелъ нетлѣнный... Томная принцесса наша, — приводитъ совсѣмъ уже неосновательное и безсмысленное сравненіе Лизанька и съ дѣланной восторженностью чмокаетъ Надю въ плечо.

Когда вмѣсто нихъ въ театрѣ «дежурятъ» Кленушка и Домна Арсеньевна — восторговъ бываетъ меньше со стороны этихъ двухъ. Кленушка вытаращенными глазами смотритъ на сцену. Ея ротъ открытъ; брови подняты. Игра актеровъ, а особенно пѣніе дѣйствуетъ на нее изумительно. Подъ звуки голосовъ, раздающихся съ эстрады, Кленушка забываетъ весь міръ и погружается въ мечты о деревнѣ. Никогда ей такъ не хочется, какъ въ эти часы, вернуться туда. А Домна Арсеньевна клюетъ носомъ и дремлетъ все время спектакля...

И снова дѣйствительность исчезаетъ для Нади и снова она погружается въ міръ грезъ, центромъ котораго является она, конечно, сама Надя и не Надя

Таирова, а новая Надя — сказочная принцесса Нэдъ.

Но гораздо болѣе театра любитъ Надя кинематографъ. Еще бы! Тамъ всегда бываютъ такія мало дѣйствительныя комбинаціи, такія захватывающія неожиданности, такія страшныя приключенія! Тамъ она часто видитъ своего любимца Шерлока Холмса или Рокамболя. Тамъ получается такой богатый матеріалъ для фантазіи. Дѣвочка еще слишкомъ молода, слишкомъ легкомысленна, чтобы умѣть отличать истинную красоту искусства отъ грубой фальсификаціи.

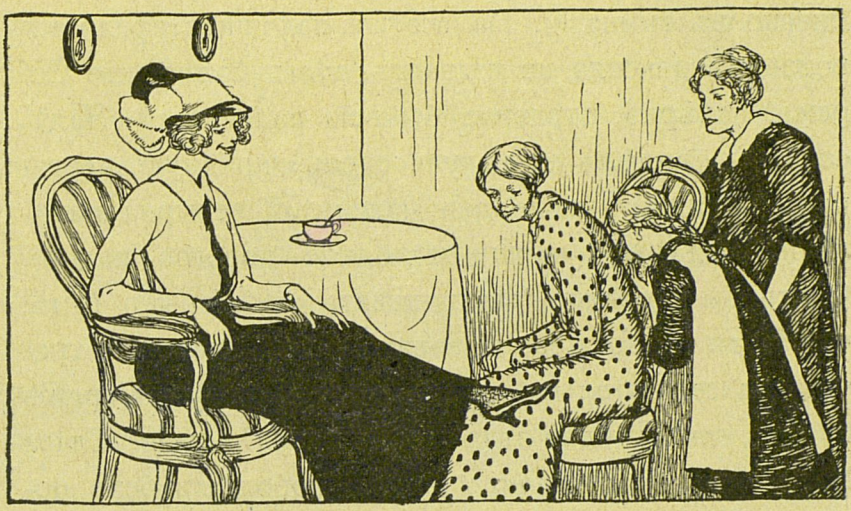
Но больше всего Надя любитъ ѣздить со своею благодѣтельницею въ гости. Теперь рѣдкую недѣлю она не бываетъ у Ратмировыхъ, Ртищевыхъ, Стеблинскихъ. Анну Ивановну уважаютъ всѣ и дорожатъ ея знакомствомъ, а, чтобы сдѣлать удовольствіе Поярцевой, всѣ очень любезны и предупредительны къ ея любимицѣ. Но Надя принимаетъ такіе знаки вниманія къ себѣ исключительно ради своихъ собственныхъ достоинствъ и гордо поднимаетъ голову и надменно задираетъ свой крошечный носикъ, видя расточаемое ей любезное гостепріимство. Она усвоила даже особую манеру говорить съ равными ей, особую — съ высшими и съ низшими. Ея тонъ пріобрѣлъ въ разговорѣ съ прислугою непріятную рѣз-

кость, зато со стоящими выше себя людьми Надя мало чѣмъ отличается отъ приторно льстивой Лизаньки и ея мамаши. Съ Наточкой Ртищевой она «раздружилась», зато старшая княжна Ратмирова, Ася, занимаетъ теперь Надины мысли. Ее тянетъ къ Асѣ, чтобы имѣть право говорить: «Я подруга старшей Ратмировой. Мы съ Асей закадычные друзья».

Но Ася уклоняется отъ этой дружбы. Она всегда держится какъ-то сама собою въ сторонѣ да и старше она Нади почти на три года.

Тогда Надя мѣняетъ тактику и притягиваетъ къ себѣ хохотушку Лоло. Эта проще и доступнѣе и скоро подпадаетъ цѣликомъ подъ вліяніе Нади.

Желаніе послѣдней исполняется: у нея теперь есть закадычная подруга-княжна.



Непріятный визитъ. 17-ое сентября.

— Батюшки мои! Неужто Надя? Вотъ-то не узнала! Нарядная какая, скажите, пожалуйста! — и Клавденька, только что стиравшая бѣлье на кухнѣ, обтираетъ мыльныя руки о передникъ и обнимаетъ Надю.

— Тетя Таша! Шурка! Надя пріѣхала! Идите скорѣе!

— Я не на долго, — говоритъ Надя, — тамъ внизу ждетъ Лизанька въ автомобилѣ. А Сережа дома? — оглядываясь съ нѣкоторой опаской, спрашиваетъ она, хотя и знаетъ отлично, что въ эти часы Сережа еже-

дневно въ гимназіи. Но все же излишняя предосторожность никогда не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что Сережа, навѣрно, отравилъ бы всю радость ей, Надѣ, если бы увидѣлъ ея новую, очень нарядную, черезчуръ нарядную даже для маленькой четырнадцатилѣтней дѣвочки шляпу и модное дорогое пальто. Опять бы пришлось выслушивать выговоры о томъ, что Надя не должна позволять Аннѣ Ивановнѣ тратить на себя столько денегъ, которыя ему — Сережѣ будетъ такъ трудно отдавать ей впослѣдствіи. Слава Богу, его нѣтъ, значитъ можно поболтать безъ помѣхи о своемъ житьѣ-бытьѣ въ поярцевскомъ домѣ.

Откуда-то изъ дальняго угла квартирки выходятъ тетя Таша и Шурка. Первая со слезами на глазахъ обнимаетъ Надю и ласково пеняетъ свою любимицу.

— Забыла ты насъ, Наденька, забыла совсѣмъ.

А Шурка сразу впивается въ элегантный костюмъ Нади, въ ея щегольской зонтикъ и сумочку.

— Неужто серебряная? — пожирая взглядомъ послѣднюю, замирающимъ голосомъ шепчетъ Шурка.

— Конечно, — небрежнымъ тономъ роняетъ Надя. — Ну, какъ поживаете безъ меня? — тѣмъ же тономъ, прищуривая глаза, (манера, заимствованная ею у кого-то изъ ея знакомыхъ взрослыхъ барышенъ) освѣдомляется она у сестеръ и тетки и огля-

дываетъ критическимъ взглядомъ окружающую, болѣе нежели скромную, обстановку комнаты.

Боже, до чего все ничтожно и нищенски жалко все кругомъ! И какъ только могла она здѣсь жить столько времени! Эта поломанная разношерстная мебель, эти крохотныя клѣтушки, эта убогая лампа! О, она не вернется никогда къ этой жизни, никогда! И эти будничные сѣрые интересы семьи! Удивительно забавно слушать про то, что теперь дѣла какъ будто чуточку получше стали, потому что Клавденька получила опредѣленный, постоянный заказъ на магазинъ, а у Сережи появились вечернія занятія въ конторѣ одного купца-мебельщика и онъ будетъ получать жалованье каждый мѣсяцъ да два урока вдобавокъ ко всему. А Шурку въ профессіональное рѣшено отдать нынче.

Все это тетя Таша съ Клавденькой говорятъ по очереди, стараясь какъ можно скорѣе посвятить во все Надю.

Послѣдняя слушаетъ однимъ краешкомъ уха. Какое ей, въ сущности, дѣло до всего этого! Ее волнуетъ и тревожитъ совсѣмъ другая мысль.

— Въ это воскресенье мои имянины, — улучивъ удобный моментъ и перебивая сестру, говоритъ Надя, — и вотъ...

— Ахъ, Боже мой! Конечно, конечно помнимъ, —

волнуется тетя Таша. — Вѣдь 17-ое уже послѣ завтра. А я тебѣ подарокъ приготовила, Наденька. Ужъ какой—не взыщи, не поярцевскимъ чета, мы—бѣдняки, не можемъ тратить столько, сколько тратитъ Анна Ивановна.

— Она мнѣ часы обѣщала подарить на имянины, — не слушая словъ тетки, небрежно роняетъ Надя.

— Золотые? — вся вспыхиваетъ любопытствомъ Шурка.

— Понятно, не никелевые, — усмѣхается Надя.

— Неужели съ цѣпочкой? — почти стонетъ отъ восторга и нетерпѣнія узнать Шурка.

— Понятно, съ цѣпочкой. Не на шнуркѣ же носить ихъ, — пожимая плечами, отвѣчаетъ Надя.

— А я тебѣ дюжину платковъ намѣтила, — говоритъ Клавденька. — Въ воскресенье послѣ обѣдни и принесу.

— И я принесу мой подарочекъ,—кивая и улыбаясь, говоритъ тетя Таша.

— А я тебѣ пастилы рябиновой, твоей любимой куплю. Ты вѣдь позволишь принести мнѣ, Наденька? — трогательно проситъ сестру Шурка.

Надя молчитъ. Ея брови сдвигаются; ея лобъ хмурится. Она непріятно поражена. Въ день ея имянинъ позваны гости. Будутъ Ратмировы, Стеб-

линскіе, Ртищевы, даже Софи Голубеву позвала Анна Ивановна, предварительно посовѣтовавшись съ Надей и заручившись ея согласіемъ. (Пусть Софи полюбуется теперь на ея новую жизнь. Пусть попробуетъ теперь съязвить или затронуть ее, Надю. Небось не посмѣетъ задѣть ее теперь!)

И вотъ, при всѣхъ этихъ богатыхъ дѣтяхъ изъ лучшихъ домовъ Петрограда ей придется принять своихъ бѣдныхъ, обносившихся родныхъ. Придется подчеркнуть свое ничтожество, свое незнатное происхожденіе, свою прежнюю, полную нужды и бѣдности, жизнь дома. Нѣтъ, слуга покорный, на это она, Надя, не пойдетъ ни за что.

— Тетя Таша... Клавдія... Что, если вы заглянете ко мнѣ въ другой разъ когда-нибудь?.. Я буду очень рада...— мямлитъ Надя, избѣгая смотрѣть на тетку и сестру.

Тетя Таша теряется. Ея милое морщинистое лицо покрывается багровой краской густого старческаго румянца. Она боится, не хочетъ повѣрить своимъ ушамъ. А между тѣмъ, гдѣ-то въ мысляхъ мелькаетъ смутная догадка: «Неужели она стыдится насъ, своихъ близкихъ? Неужели стѣсняется показать насъ своимъ новымъ друзьямъ?» И сама испугавшись своихъ мыслей, уходитъ поспѣшно за подаркомъ для своей ненаглядной Надюши.

Чтобы пріобрѣсти этотъ подарокъ, полдюжины настоящихъ тонкихъ фильдекосовыхъ чулокъ (тетя Таша знаетъ, что грубыхъ, бумажныхъ, не выноситъ ея Наденька), она отказывала себѣ во всемъ самомъ необходимомъ за эти двѣ послѣднія недѣли: ходила пѣшкомъ съ Песковъ на Сѣнную за провизіей каждое утро, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ трамваѣ, пила по утрамъ кофе безъ булки, не покупала «Петербургской Газеты», которую такъ любитъ читать; словомъ, урѣзывала себя во всемъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы вручить этотъ, съ такой любовью купленный ею подарокъ въ день ангела имянинницѣ, что особенно цѣнится тетей Ташей, она передаетъ его ей сейчасъ.

Надя мелькомъ бросаетъ взглядъ на чулки.

— Мерси, — бросаетъ она небрежно и словно случайно вытягиваетъ свои, изящно обутыя въ шелкъ и тонкое шевро, ножки.

— Я привыкла къ шелковымъ. Анна Ивановна покупаетъ мнѣ ихъ еженедѣльно. Они очень непрочны, ихъ приходится мѣнять каждый день, — тянетъ она, щурясь на свои ажурные шелковые чулки.

Это уже слишкомъ! Точно что-то ударяетъ Клавдію въ самое сердце при этихъ словахъ, и горбунья вскакиваетъ со своего мѣста. Она блѣдна сейчасъ, какъ можетъ быть только блѣдно чело-

вѣческое лицо въ минуту самаго тяжелаго душевнаго потрясенія. И глаза ея сверкаютъ гнѣвомъ, когда она говоритъ дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ Надѣ:

— Молчи, молчи лучше, безсердечная, черствая дѣвчонка! Какъ у тебя языкъ поворачивается говорить такъ? Ты думаешь, что я не раскусила тебя? Не поняла твоихъ кривляній? Ты насъ стыдишься! Стыдишься своихъ родныхъ, единокровныхъ тебѣ близкихъ!.. Этого ангела, тетю Ташу, твоихъ сестеръ, твоего брата, всѣхъ насъ! Ну и Богъ съ тобою и стыдись, сдѣлай милость. Не нужно намъ твоей привязанности, твоей любви. Если у тебя заглохло къ намъ родственное чувство, здѣсь ничего ужъ не подѣлаешь. Слава Богу, что папаша не дожилъ еще до этого, не видитъ тебя, такую глупую, такую напыщенную, такую пустую!

Послѣднія слова вырываются почти что крикомъ у Клавденьки.

Надя сразу закипаетъ гнѣвомъ. Какъ смѣетъ Клавдія третировать ее такъ?

— Ну и радуюсь, что глупая, что напыщенная и пустая, — кричитъ она въ свою очередь, уколотая словами сестры. — А все-таки многія желали бы быть на моемъ мѣстѣ, на мѣстѣ пустой и глупой Нади... И ты первая изо всѣхъ... И ты... Конечно... По-

тому-то ты и злишься, что завидуешь мнѣ. Ну, да завидуешь и злишься, что ты горбунья, уродка, калѣка...

Надя сама не помнитъ, какъ сорвались у нея съ губъ послѣднія слова. Она тутъ же пожалѣла, что позволила себѣ произнести ихъ. Но что дѣлать, сказанное вернуть нельзя. Она видитъ, какъ потемнѣло сразу лицо Клавдіи, какъ наполнились слезами большіе выразительные глаза горбуньи и какъ, точно подкошенная былинка, опустилась голова Клавдіи на грудь тети Таши, обвившей ее своими худенькими, дрожащими ручками.

— Надя! — съ упрекомъ и горечью вырвалось у Татьяны Петровны. — Какъ могла ты сказать это, Надя?

Но Надя только молча отворачиваетъ голову. Она спѣшитъ уйти, ей здѣсь больше нечего дѣлать. Да къ тому же скоро уже два часа — надо еще успѣть повторить уроки къ приходу Сережи.

— Прощайте. Теперь я не скоро пріѣду опять, некогда, — буркаетъ она себѣ подъ носъ и налету чмокнувъ тетку въ голову, поспѣшно бѣжитъ къ дверямъ.

— Чулки, Надя, чулки забыла! — кричитъ ей вслѣдъ Шурка.

Но Надя не слышитъ ничего. Проворно сбѣгаетъ она съ лѣстницы, выходитъ за ворота и садится въ автомобиль около ожидавшей ее Лизаньки.

— Домой, — хозяйскимъ тономъ командуетъ шоферу дѣвочка.

Когда машина отъѣзжаетъ отъ недавно еще дорогого Надиному сердцу дома, въ этомъ сердцѣ плотно и настойчиво укладывается жестокое, недѣтское рѣшеніе:

— Долго-долго, а можетъ быть и совсѣмъ не возвратится она больше сюда.

Въ воскресенье 17 сентября Надя просыпается съ тяжелымъ чувствомъ. Всегда въ этотъ день, до институтскаго періода ея жизни, дѣвочка неизмѣнно встрѣчала около своей постели любящій ласковый взглядъ тети Таши, ожидавшей ея пробужденія. При одномъ воспоминаніи о домашнихъ, сердце Нади болѣзненно сжалось.

— Безспорно, она была неправа тогда въ свое послѣднее посѣщеніе своихъ. Но и Клавденька хороша была тоже! Какъ смѣла она такъ кричать на нее — Надю? А что произошла такого рода ссора, такъ это даже и къ лучшему, пожалуй: по крайней мѣрѣ, Надя гарантирована, что никто изъ домашнихъ

не придетъ поздравлять ее въ этотъ день. А все же тяжело какъ-то не видѣть ихъ нынче.

Со вздохомъ дѣвочка обводитъ глазами свою голубую комнату-бонбоньерку и громкое радостное «ахъ» вылетаетъ изъ ея груди. На столѣ, плотно приставленномъ къ изголовью постели, она видитъ небольшой зеленый плюшевый футляръ, потомъ японскій ящичекъ, потомъ еще футляръ поменьше и легкое бѣлое шелковое платье съ чернымъ широкимъ поясомъ и такимъ же галстукомъ у отложнаго воротничка.

Съ крикомъ радости Надя вскакиваетъ съ постели и бѣжитъ разсматривать подарки. И вся ея горечь, всѣ сомнѣнія и печали разсѣиваются, какъ дымъ. Какіе часики! Какая прелесть! Душа Нади загорается восторгомъ. Дѣйствительно, миніатюрные золотые часы-браслетъ, о которыхъ такъ мечтала Надя, прелестны и изящны, какъ могутъ быть только изящны такіе вещицы. Замирая отъ радости, дѣвочка надѣваетъ ихъ на руку. Въ другомъ футлярѣ — поменьше, она находитъ кольцо, очаровательное колечко съ брилліантомъ, о которомъ также давно мечтала Надя. А въ японскомъ ящикѣ дивной работы красиво уложены кружевные платки, перчатки и ажурные шелковые чулки. Тутъ же стоитъ коробка съ изящной почтовой бумагой отъ Ненилы

Васильевны и Лизаньки. На коробкѣ прикрѣплена бумажка съ начертанными на ней словами:

«Королевнѣ нашей отъ ея преданныхъ слугъ Н. В. и Л.».

А рядомъ большая коробка конфектъ отъ Домны Васильевны и имянинный крендель отъ Кленушки.

Но на всѣ эти приношенія Надя даже и не смотритъ. Все ея вниманіе поглощено теперь бѣлымъ платьемъ. Что за догадливая, что за умница эта милая, добрая Анна Ивановна! Именно такое бѣлое съ чернымъ поясомъ только и можетъ надѣть нынче Надя въ мѣсяцы ея траура. Когда только успѣли снять съ нея мѣрку, вотъ забавно-то! Только бы лишь пришлось оно ей впору. Вѣдь такъ рѣдко бываетъ, чтобы платье хорошо сидѣло безъ примѣрки.

Надя такъ увлечена разсматриваніемъ подарковъ, что не слышитъ, какъ открывается дверь ея бонбоньерки-комнаты, и Анна Ивановна тихо, на цыпочкахъ, приближается къ дѣвочкѣ.

— Ну, что, милая Нэдъ, довольны ли вы моими подарками? — спрашиваетъ она, вдоволь полюбовавшись счастливымъ личикомъ дѣвочки.

Та вздрагиваетъ отъ неожиданности, потомъ съ радостнымъ крикомъ падаетъ на грудь своей «доброй волшебницы».

Къ тремъ часамъ дня съѣхалось приглашенное юное общество: явились Ратмировы, Стеблинскіе, Карташевскій, Зоинька Лоренцъ и даже, къ великому Надиному удовольствію, Софи Голубева, передъ которой Надѣ такъ хотѣлось блеснуть и своими подарками и своимъ нарядомъ.

Прелестная въ бѣломъ полутраурномъ платьѣ (Анна Ивановна настояла на своемъ желаніи видѣть въ немъ нынѣшній день Надю), причесанная къ лицу и вся сіяющая отъ удовольствія, Надя казалась прехорошенькой нынче.

— Мы извиняемся, но танцевъ и музыки у насъ не будетъ нынче — я въ траурѣ, — съ любезной улыбкой встрѣчая своихъ юныхъ гостей, говоритъ каждому Надя. — Вмѣсто танцевъ устроимъ послѣ обѣда petits jeux, будемъ играть въ мнѣнія, въ почту. Согласны?

— Согласны. Конечно, согласны! — спѣшатъ отвѣтить юные гости. Въ сущности, танцовать или играть — не все ли равно, лишь бы весело было, лишь бы быть всѣмъ вмѣстѣ.

Чтобы не стѣснять молодежь, та же предусмотрительная Анна Ивановна просила родителей дѣтей не присылать съ ними гувернеровъ и гувернантокъ, и тѣ охотно пошли навстрѣчу ея желанію.

До обѣда Надя свела своихъ юныхъ гостей въ зеленую комнату. Никто, кромѣ Ратмировыхъ, не бывалъ еще здѣсь, поэтому убранство оригинальнаго помѣщенія, фонтанъ, статуи, обиліе клѣтокъ съ канарейками, а главное, съ пестрымъ Коко, привело въ полный восторгъ юныхъ гостей и цѣликомъ овладѣло ихъ вниманіемъ. Особенно понравился дѣтямъ Коко. Онъ былъ нынче особенно въ ударѣ и казался очаровательнымъ со своею безудержною болтовнею.

— Здравствуй, братецъ! — по настоянію Нади, обратился Ванечка къ забавной птицѣ.

— Здравія желаю, ваше высокородіе! — прикладывая лапку къ клюву и какъ бы отдавая честь, отчеканивая каждое слово, отвѣтилъ забавный попугай мальчику.

— Ха, ха, ха! — весело залились дѣти.

— Ха, ха, ха! — вторилъ имъ Коко. — Что тутъ смѣшного, не могу понять! — перекрикиваетъ онъ ихъ.

Смѣхъ при этихъ словахъ усиливается.

— Кто его выучилъ? Какой онъ забавный... — спрашиваетъ Маня Стеблинская Надю.

— У него есть своя собственная воспитательница, одна изъ приживалокъ Анны Ивановны, — отвѣчаетъ небрежнымъ тономъ дѣвочка, не замѣчая

присутствія Лизаньки тутъ же въ комнатѣ, около клѣтки.

Зато ее замѣчаютъ другія дѣти. Отъ нихъ не ускользнулъ румянецъ гнѣва и негодованія, вспыхнувшій на щекахъ Лизаньки, ни полный злобы и обиды взглядъ, брошенный ею въ сторону Нади.

— Приживалка! Скажите, пожалуйста! Да какъ она смѣетъ такъ? Сама не лучше, сама живетъ изъ милости. Ахъ, ты фря этакая, выскочка, какъ зазналась!—мысленно злобствуетъ уязвленная дѣвушка, предусмотрительно пряча, однако, подъ рѣсницами все еще сверкающій злобой и негодованіемъ взглядъ.

Наточка, мягкая и чуткая по натурѣ, замѣтивъ создавшееся положеніе, спѣшитъ разсѣять его. Она очень любезно разговариваетъ съ Лизанькою; участливо разспрашиваетъ ее о привычкахъ Коко, восторгается ея терпѣніемъ и усидчивостью, заставившей научиться глупую птицу такъ чисто и такъ много говорить, а главное, отвѣтить такъ кстати.

Потомъ появляется Кленушка со своими питомцами, и собачки теперь овладѣваютъ вполнѣ вниманіемъ дѣтей. Какъ забавна Заза, умѣющая ходить на заднихъ лапкахъ! А флегматичный Максъ, налету подхватывающій кусочекъ сахара, положенный ему на носъ! А Нусикъ и Пупсикъ, стоящіе по пяти минутъ въ ожиданіи подачки на часахъ!

— Да у васъ тутъ цѣлый собственный циркъ. Къ Чинизелли и ѣздить не надо, — говоритъ Никсъ, большой любитель всякихъ цирковыхъ зрѣлищъ.

— Они прелестны, — картавитъ княжна Ася, лаская то одну, то другую собачку.

Даже смущающаяся ежеминутно Зоинька Лоренцъ и та рѣшается разспросить Кленушку о томъ, какъ живутъ между собою, не ссорятся ли, не грызутся ли всѣ эти четвероногія живыя игрушки.

— А мнѣ все-таки больше всего нравится Коко. Искренно признаюсь въ этомъ, — говоритъ Софи, снова возвращаясь къ клѣткѣ съ попугаемъ. — Что онъ, однако, ѣстъ? — обращается она съ вопросомъ къ Лизанькѣ.

— Зерно, подсолнухи, молоко съ булкой... — съ готовностью перечисляетъ та.

— И даже сыръ, вообрази, сыръ, Софи, — вмѣшивается въ ихъ разговоръ Надя. — Я это сейчасъ продемонстрирую на вашихъ глазахъ. Лизанька, принесите кусокъ сыра отъ Домны Арсеньевны, — тономъ хозяйки тутъ же приказываетъ Надя дѣвушкѣ.

— Но, Надежда Ивановна... — заикается было Лизанька.

— Пожалуйста, извольте слушать, что вамъ го-

ворятъ, — отрѣзываетъ Надя, награждая дѣвушку ледянымъ взглядомъ.

Лизанька потупляетъ глазки и смиренно поджимаетъ губы. Она не узнаетъ нынче Нади. Правда, у любимицы ихъ общей благодѣтельницы есть привычка «задавать тонъ» и выставлять себя хозяйкой въ присутствіи постороннихъ, но такъ повелительно, такъ властно она еще не говорила никогда. Однако, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, Лизанька покорно идетъ исполнить порученіе Нади съ цѣлой бурей въ душѣ. Она возвращается вскорѣ, неся кусокъ сыра на тарелкѣ и ножъ.

Надя нетерпѣливо вырываетъ у нея изъ рукъ то и другое.

— Какъ вы долго прохлаждаетесь, Лизанька! Куда вы пропадали? — съ капризно надутыми губками роняетъ она.

Отъ этого замѣчанія Лизанька вспыхиваетъ до ушей.

— Скверная зазнавшаяся дѣвчонка! — награждаетъ она мысленно далеко нелестнымъ эпитетомъ Надю и смотритъ ей въ глаза недоброжелательнымъ взглядомъ.

Но Надя не замѣчаетъ этого взгляда. Не замѣчаетъ ничего, кромѣ сгруппировавшихся вокругъ нея дѣтей, съ самымъ живымъ интересомъ слѣдив-

шихъ, какъ жадно хватаетъ Коко мелко нарѣзанные куски сыра изъ рукъ Нади.

— Въ первый разъ вижу такого гастронома-попугая, — усмѣхается Митя Карташевскій.

— Ха, ха, ха! — вторитъ ему Лоло, всегда готовая посмѣяться кстати и некстати.

— И такого прожору! Смотрите, смотрите, десятый кусокъ убираетъ! — удивленно роняетъ Маня.

— Онъ можетъ съѣсть цѣлый фунтъ, если хотите, — хвастливо говоритъ Надя, чувствуя себя центромъ общаго вниманія не менѣе самого Коко и, отрѣзавъ кусочекъ побольше, вкладываетъ его въ жадно раскрывшійся ему навстрѣчу клювъ попугая.

— Будетъ, да будетъ же, правда, Надежда Ивановна, — испуганно шепчетъ Лизанька въ понятномъ страхѣ слѣдившая все это время за процедурой этого кормленія. — Не было бы худо нашему Коко.

— Не ваше дѣло, — рѣзкимъ шопотомъ отвѣчаетъ ей Надя. — Пойдите, принесите ему свѣжей воды, — снова повышая голосъ, приказываетъ она.

Ей хочется во что бы то ни стало подчеркнуть передъ юными гостями свою хозяйскую власть въ этомъ домѣ, а сегодня у нея и съ Лизанькой, и съ

Кленушкой, и съ прислугой совсѣмъ особенный тонъ, особенная манера говорить и даже, какъ это ни странно, какой-то особенный голосъ.

Дѣти замѣчаютъ это и конфузятся. Одна Софи Голубева кажется довольной. Ей, какъ нельзя болѣе пріятны всѣ промахи Нади, всѣ ея ошибки и плохое воспитаніе, особенно рѣзко подчеркнутое нынче. Она терпѣть не можетъ эту «выскочку изъ мѣщанокъ», какъ давно уже окрестила про себя Надю Софи. И если она втайнѣ и завидовала ея теперешней жизни и окружающей Надю роскоши и богатству, то видя въ такомъ смѣшномъ и глупомъ положеніи эту напыщенную, зазнавшуюся мѣщаночку, Софи удовлетворена вполнѣ. «Богатство глупому не впрокъ», рѣшаетъ она, поглядывая на Надю насмѣшливыми глазами.

Къ счастью, Надя не замѣчаетъ ничего... Весь сыръ съ тарелки перешелъ, наконецъ, въ зобъ Коко. Сытый, наѣвшійся до отвала, попка теперь почувствовалъ пріятную сонливость и завелъ глаза, вполнѣ довольный угощеніемъ. Какъ разъ въ это время дѣтей позвали къ столу. За столомъ Надя старалась выказать себя самой гостепріимной хозяйкой. Анны Ивановны не было; она рѣшила дать дѣтямъ полную свободу дѣйствій и велѣла подать обѣдать къ себѣ въ комнату.

И опять Надя, почувствовавъ себя полновластной хозяйкой, опять командовала Лизанькой и Кленушкой, хлопотавшими тутъ же у стола и покрикивала на прислугу.

Лакеи и горничныя съ удивленіемъ посматривали на разошедшуюся «маленькую барышню», никогда не проявлявшую до сихъ поръ такого страннаго задора.

Къ концу обѣда, когда былъ поданъ десертъ, въ столовую неслышно вошла Ненила Васильевна.

— Королевна наша, красавица-душенька, — своимъ быстрымъ шопоткомъ заговорила она, наклоняясь къ Надиному уху: — сестрица ваша тамъ пришли изъ дома, васъ спрашиваютъ.

— Какая сестрица? — нетерпѣливо передернула плечами Надя.

— Да, ваша родная сестрица. Шурочкой звать.

О! Вся кровь бросилась въ лицо Нади, и она густо покраснѣла отъ неожиданности и смущенія. Покраснѣли даже лобъ, шея, даже маленькія уши, окруженныя завитками бѣлокурыхъ волосъ.

Какъ посмѣла она прійти сюда, эта Шурка, вопреки ея, Надиному, желанію! Вѣдь, кажется, русскимъ языкомъ наказывала Надя ей и всѣмъ домашнимъ не приходить поздравлять ее въ этотъ день!

Бросивъ пытливый взглядъ на гостей (слышали или не слышали?), Надя тоже шопотомъ отвѣчаетъ Ненилѣ Васильевнѣ:

— Скажите ей, что сейчасъ мнѣ некогда, сейчасъ я занята съ моими гостями. Пусть завтра придетъ... Завтра утромъ часовъ въ одиннадцать... Тогда уже, навѣрное, не будетъ никого.

— Ахти, красавица, а вѣдь я не знаючи-то впустила сестрицу въ комнаты. Неловко какъ-то отказывать ей теперь, — сокрушенно качая головою, снова шепчетъ Ненила Васильевна.

Гримаса нетерпѣнія морщитъ лицо Нади. Она бросаетъ мимолетный взглядъ на дверь... Такъ и есть. Этого еще недоставало! Изъ залы ей умильно киваетъ съ улыбкой во всю ширину рта сіяющая Шурка.

Надя вскакиваетъ, какъ ужаленная со своего мѣста и, забывъ извиниться передъ сидящимъ за столомъ юнымъ обществомъ, несется, какъ на крыльяхъ, въ залу.

— Ты зачѣмъ пришла безъ разрѣшенія? Кто тебѣ позволилъ? — сразу накидывается она на Шурку.

Та, вся сіявшая улыбкой удовольствія за минуту до этого, сразу какъ-то потускнѣла при первыхъ же словахъ сестры.

— Наденька, — жалобно тянетъ дѣвочка, складывая губы трубочкой, готовая заплакать отъ смущенія и испуга.

— Что Наденька? Что Наденька? Я тебѣ толкомъ говорила: не смѣть приходить. Ума хватило пустить тебя у нашихъ. У меня гости-аристократы: княжны Ратмировы, Ртищевы, Стеблинскіе, а ты такой ободрашкой пришла. Въ ситцевомъ платьѣ. Какъ тебя отпустили только, какъ отпустили?

— Да меня... меня и не пускали, Наденька. Я сама пришла. Захотѣлось поздравить, вотъ и пришла... Думаю, вызову тишкомъ Наденьку, никто и не увидитъ. Я тебѣ рябиновой пастилы принесла, Наденька, твоей любимой... — заикаясь отъ волненія, бормотала Шурка, протягивая Надѣ коробку съ пастилой.

— Сама пришла? Безъ спросу? Такъ убирайся вонъ! Сію же минуту уходи. И дрянь эту уноси скорѣе. Не хочу я твоей пастилы. Сейчасъ гости перейдутъ въ залу. Бѣда, если застанутъ тебя здѣсь. Ну же, уходи, уходи скорѣе!

И Надя безъ церемоніи подталкивала сестру къ двери.

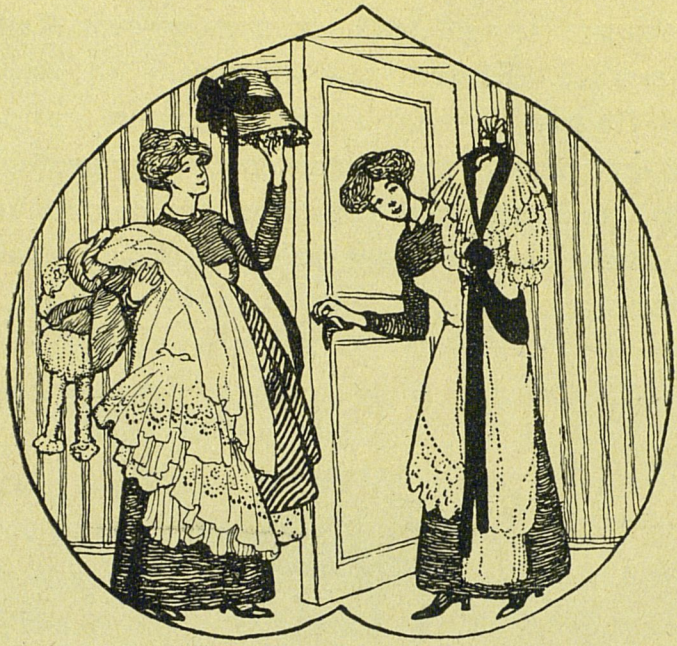
— Ухожу, Наденька, ухожу... — роняя слезы, совсѣмъ огорченная и несчастная лепетала Шурка.

Еще минута, и ея жалкая маленькая фигурка скрылась за дверью... Маленькая фигурка въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ и холстинковомъ фартучкѣ, тщательно вымытомъ и выутюженномъ собственными проворными руками спеціально для дня Надинаго рожденія, для нынѣшняго дня! И вотъ надо же было такъ случиться!..

Совсѣмъ уничтоженная Шурка съ поникшей головой сходитъ съ лѣстницы и выходитъ на улицу. Какъ тяжело, какъ гадко все это произошло! А виновата она сама. Никто другой, какъ сама Шурка. Убѣжала безъ спроса, не посовѣтовавшись со старшими, вотъ и по дѣломъ тебѣ, глупая, несмышленная дѣвчонка, — уже негодуя на самое себя, мысленно укоряетъ себя дѣвочка. Гдѣ-то въ глубинѣ ея души, въ самыхъ тайникахъ, закипаетъ негодованіе и на Надю. Но это мимолетное чувство. Надя права. Куда же ей, Шуркѣ, такой простушкѣ, знакомиться съ важными барами, только Надю срамить своимъ затрапезнымъ ситцевымъ платьишкомъ. Ну, конечно, осрамила бы только. И очень хорошо, что Надя не приняла ее. А какой домъ-то у Поярцевой, какія комнаты! Дворецъ, сущій дворецъ! А швейцаръ-то какой важнѣющій. Шурка книксенъ ему сдѣлала по нечаянности, когда онъ открылъ дверь передъ нею. А теперь домой торопиться надо, а то хватятся.

Попросилась къ подругѣ сходить у тети Таши, а сама сюда... Бѣжать надо бѣгомъ.

И Шурка машинально прижимая къ груди коробку съ злополучною пастилою, о существованіи которой она совсѣмъ позабыла въ этотъ мигъ, быстрымъ ходомъ направляется вдоль Каменноостровскаго проспекта.



Знаменательный вечеръ.

— Что это вы насъ покинули, Надинъ? Кто похитилъ васъ на такой продолжительный срокъ изъ нашего общества? Я рѣшительно протестую противъ такого злодѣйства!

И Ванечка при этихъ словахъ такъ грозно и сурово сдвинулъ брови, придавъ комическое выраженіе своему дѣтскому лицу, что всѣ остальныя дѣти покатились со смѣху.

— У тебя, кажется, была сейчасъ твоя младшая сестренка? — съ невиннымъ видомъ, скрывая насмѣшливую улыбку, обратилась къ Надѣ съ вопросомъ Софи.

Надя, менѣе всего ожидавшая такого вопроса, вздрогнула отъ неожиданности. Не удалось ей-таки скрыть прихода Шурки, эта противная Софи успѣла разглядѣть маленькую фигурку въ ситцевомъ платьицѣ. Какая досада, право. Что же, однако, отвѣчать ей? Нельзя же сказать, что это неправда, что это ложь, что Шуркинаго духа не было здѣсь даже.

Съ минуту Надя колеблется, думаетъ упорно... Въ головѣ ея бродятъ самыя упорныя мысли... Она ищетъ, измышляетъ способъ выйти изъ неловкаго, по ея мнѣнію, положенія...

А обѣ княжны Ратмировы, Маня Стеблинская и Наточка смотрятъ на нее удивленными глазами.

— Почему вы не позвали сюда вашу сестру, Надя? Намъ бы очень хотѣлось познакомиться съ нею, — говоритъ Ася со своей обычной улыбкой.

Знакомиться съ Шуркой? И кому же? Этой изящной, нарядной, изысканно-свѣтской княжнѣ? О, нѣтъ, не такъ ужъ глупа она, Надя, чтобы показать такому избранному обществу свою одѣтую въ полинявшій

ситецъ и лишенную самыхъ примитивныхъ манеръ и выдержки сестру-мѣщанку.

И Надя глубоко смущается отъ одной такой мысли. Вдругъ счастливая идея приходитъ ей въ голову. Благодаря ей, Надя можетъ выйти изъ глупаго положенія, можетъ вернуть себѣ нарушенное приходомъ Шурки спокойствіе. Поистинѣ счастливая мысль! И не совсѣмъ естественно дѣвочка начинаетъ смѣяться.

— Ха, ха, ха! Какъ это забавно, господа! Вотъ потѣха-то! — такъ и заливается дѣланнымъ смѣхомъ Надя.—Здѣсь приняли посланную ко мнѣ прислугу-дѣвочку за мою сестру. Какъ вамъ нравится это? Моя тетя и сестра прислали мнѣ поздравленіе съ маленькой служанкой, нашей подгорничной. Какъ это забавно, не правда-ли? Ха, ха, ха!

Однако, Софи Голубеву не такъ легко провести, какъ это кажется на первый взглядъ. Она нѣсколько секундъ глядитъ въ лицо Надѣ внимательными, насмѣшливыми глазами, потомъ, отчеканивая каждое слово, произноситъ вѣско и громко на весь столъ:

— Какъ странно. Дѣйствительно, странно, потому что насколько я помню, въ институтъ на пріемъ къ тебѣ приходила именно эта дѣвочка, или удивительно похожая на нее и всѣ говорили, что она твоя младшая сестра Шура.

Если бы у Нади была возможность зажать рукою этотъ противный ротъ Софи, уличающей ее, Надю, съ такой удивительной послѣдовательностью, если бы она могла заставить молчать Софи и вывести ее изъ-за стола! Но увы! Это было невозможно, и Надя принуждена молчать и выслушивать до конца эту противную дѣвчонку. Какое счастье еще, что Наточка и Митя Карташевскій пришли такъ вовремя въ эти минуты на помощь.

— Мнѣ жаль, что и сегодня не удастся познакомиться съ вашимъ милымъ братомъ, — говоритъ догадливый Митя, чтобы перевести на что-нибудь другое вниманіе дѣтей.

— Надя, ты разрѣшаешь, въ качествѣ хозяйки, встать намъ изъ-за стола? — спрашиваетъ въ свою очередь Наточка, съ шутливой почтительностью обращаясь къ Надѣ.

— Конечно, конечно! — спѣшитъ отвѣтить та. Она сама рада-радехонька, что можно отвлечь вниманіе юныхъ гостей отъ только что случившагося «недоразумѣнія». Приказавъ прислугѣ перенести десертъ въ залу, снова ожившая и успокоившаяся Надя уводитъ туда своихъ гостей.

— Mesdames et messieurs! — поднимаетъ голосъ Никсъ, — я предлагаю играть въ мнѣнія. Кто согласенъ со мною?

— Отлично, отлично! Блестящая идея! — звучатъ нѣсколько оживленныхъ голосовъ.

— Игра во мнѣніе... Гм. Гм... Не привела бы она всѣхъ насъ въ сомнѣніе, — пробуетъ острить Ванечка.

— Ха, ха, ха! — заливается самымъ звонкимъ смѣхомъ Лоло.

— Потому что начнутся счеты и обиды,— подхватываетъ его сестра Маня. — Лучше давайте играть въ комнатный крокетъ. У васъ навѣрное есть такой крокетъ, Надя?

Крокетъ есть, но желанія играть въ него находится у немногихъ. Большая часть молодежи стоитъ за petits jeux. Большинствомъ голосовъ принято первое предложеніе. Бросаютъ жребій, и Ванечка уходитъ изъ комнаты, потому что въ первую голову мнѣнія будутъ собираться про него.

— Господа, пожалуйста, щадите мое самолюбіе,— прижимая руки къ сердцу, молящимъ тономъ посылаетъ онъ съ порога.

— Иди ужъ, иди! Будь покоенъ, подъ орѣхъ раздѣлаемъ, — утѣшаетъ брата Никсъ и дѣлаетъ ему въ догонку зловѣщіе глаза.

Ванечка юркаетъ за портьеру, притворяясь испуганнымъ. Когда онъ возвращается въ залу, гдѣ комфортабельно устроилось все молодое общество,

на него нельзя смотрѣть безъ смѣха. Скрестивъ по-наполеоновски руки на груди, сдвинувъ брови и поджавъ губы съ мрачнымъ видомъ и размѣреннымъ шагомъ приближается онъ къ играющимъ.

Княжна Ася, едва удерживая улыбку, выступаетъ впередъ.

— Про васъ сказали ваши добрые пріятели,— начинаетъ она торжественнымъ тономъ,— и очень просили не обижаться, во-первыхъ, что вы прелесть...

— Благодарю покорно. Чувствительно тронутъ такою любезностью...— склоняется чуть ли не до пола Ванечка.

— Во-вторыхъ, что вы — шалунъ, какихъ мало. Въ третьихъ, что вы — сорви-голова.

— Сорви-голова, это Маня сказала, она всегда меня называетъ такъ...— неожиданно прерываетъ Асю Ванечка и съ тѣмъ же зловѣщимъ видомъ грозитъ пальцемъ сестрѣ, которая отрицательно трясетъ головой и лукаво смѣется въ свою очередь.

— Pardon! я еще не кончила...— останавливаетъ Ванечку Ася.— Въ четвертыхъ, что вы — хорошенькій и пригоженькій. Въ пятыхъ, что вы — сказочный принцъ.

— Ого!— знаменательно роняетъ Ванечка, поднимая палецъ кверху,— прошу почтительно обращаться съ его высочествомъ.

— ...Въ седьмыхъ, что вы — рубаха парень. Въ восьмыхъ, что вы — башибузукъ.

— Протестую. Я питомецъ моего родного корпуса, гдѣ нѣтъ мѣста башибузукамъ и я православный, — дурачится Ванечка.

Еще цѣлый рядъ эпитетовъ сыплется на его голову. Онъ и милый, и добрый, и веселый, и красавчикъ алебастровый.

Послѣднее вызываетъ взрывъ смѣха всего юнаго общества, а Лизанька смущается и краснѣетъ. Это она «книжнымъ» и «мудренымъ», по ея мнѣнію, словомъ наградила Ванечку.

Лизанька и Кленушка, по настоянію Наточки Ртищевой и обѣихъ княженъ, тоже приглашены участвовать въ играхъ.

— А вѣдь я знаю каждаго автора отдѣльнаго мнѣнія, — неожиданно изрекаетъ Ванечка и, ударивъ себя пальцемъ по лбу, дѣйствительно, совсѣмъ неожиданно для дѣтей, угадываетъ кто что про него сказалъ:

— Сказочный принцъ—это вы изволили сказать, Надя, потому что вы сами похожи на принцессу...— смѣется онъ. — Бова Королевичъ — Кленушка сказала. Лизанька — конечно, «красавчикъ алебастровый». (Пожалуйста не краснѣйте, Лизанька, мнѣ очень лестно быть таковымъ). А бранилъ меня свой братъ-

мужчина: Никсъ башибузукомъ, Митя разбойникомъ, Маня (pardon, но мою дрожайшую сестричку я, къ ея полному удовольствію, впрочемъ, считаю тоже своимъ братомъ-мальчуганомъ) и такъ братецъ-Маня, повторяю, назвалъ меня сорви-головой.

— Браво, Ванечка, браво! Всѣхъ разгадалъ,— подъ взрывъ веселаго смѣха восклицаютъ дѣти.

— Вотъ магъ и волшебникъ, дѣйствительно, угадалъ! — разводила Ася руками. — Надинъ, теперь ваша очередь, прошу удалиться.

— Ну, мы же и зададимъ вамъ! — смѣясь, послала вдогонку Надѣ Маня Стеблинская.

— Чуръ, не обижаться! — предупредилъ Митя, собиравшій мнѣнія на этотъ разъ. — Пожалуйста!— крикнулъ онъ черезъ три минуты, предупредительно раздвигая передъ Надей полосы портьеры.

Надя впорхнула легко и граціозно, какъ птичка, въ залу.

— Про васъ говорятъ ваши друзья съ покорною просьбою не обижаться, что вы чрезвычайно милая, что вы любезная хозяйка, что вы очень хорошенькая, что вы удивительно изящная... — вызывая на губы Нади самую пріятную улыбку, перечислялъ собиравшій теперь мнѣнія Митя, — но что вы легковѣрная и часто принимаете комплименты и лесть за истинную правду, что вы очаро-

вательны и что вы, простите, иногда немножко бываете вороною въ павлиньихъ перьяхъ. Еще разъ просимъ не обижаться, вѣдь это шутка, игра.

Увы, послѣднее предостереженіе опоздало. Лицо Нади, улыбавшееся до сихъ поръ самой очаровательной улыбкой, сейчасъ искривилось непріятной, кислой гримасой злобы и негодованія.

— Какъ вы смѣете передавать мнѣ это? — топнувъ ногою, накинулась она на Митю.

Тотъ недоумѣвающе поднялъ глаза. Въ первое мгновеніе мальчикъ подумалъ, что Надя шутитъ, нарочно представившись разсерженной. Но нѣтъ, это уже не шутка эти пылающіе гнѣвомъ глаза и красная сердитая физіономія.

— Вы не смѣете такъ говорить про меня... Я не позволю... — совершенно забывшись, лепечетъ она, топая ногами съ тѣмъ же краснымъ, какъ вареный ракъ, лицомъ.

— Но вѣдь это же шутка, игра, поймите! Здѣсь никто не можетъ обижаться. Вѣдь это же глупо въ концѣ концовъ... — пробуютъ разубѣдить расходившуюся Надю Никсъ, Маня, Ванечка, Ася и Лоло.

— Конечно, нельзя обижаться, — рѣшается поднять голосъ въ защиту «мнѣній» даже и тихая Зоинька.

— Нельзя быть такой обидчивой, Надюша, — шепчетъ ей Наточка, приникая губами къ Надиному ушку.

— Перестань! Это же право смѣшно, Надя! Неужели тебѣ хочется обязательно выставить себя въ такомъ смѣшномъ видѣ?..— напоминаетъ ей съ другой стороны Софи тихимъ, чуть слышнымъ шопотомъ.

Этотъ шопотъ, казалось, переполнилъ Надино сердце обидой и гнѣвомъ. Она, какъ ужаленная, отскакиваетъ отъ Софи.

— Это ты про меня сказала! Ты сказала! Я узнала сразу тебя! — въ запальчивости кричитъ ей Надя.

Софи теряется. Всѣ смущены. Проходитъ добрая минута времени, пока Голубева находитъ въ себѣ возможность отвѣтить.

— Во-первыхъ, это сказала не я; а во-вторыхъ, я не позволю тебѣ кричать на меня,— говоритъ она сдержанно,— и лучше уѣду домой. Прощай, до болѣе удачной встрѣчи, Надя,— насмѣшливо добавляетъ она и, обратившись къ Лизанькѣ, проситъ дѣвушку узнать, не прислали ли изъ дому горничную за нею.

Слѣдомъ за Софи собираются по домамъ и остальные гости. У каждаго изъ нихъ находится

вдругъ какое-нибудь оправданіе для такого быстраго и внезапнаго ухода, тѣмъ болѣе, что коляска Ратмировыхъ давно стоитъ у подъѣзда, а отъ Ртищевыхъ и Стеблинскихъ уже прислали прислугу. А Зоиньку Лоренцъ давно ждетъ ея англичанка въ комнатѣ Ненилы Васильевны.

Надя робко и смущенно проситъ ихъ остаться, подождать. Но ни у кого нѣтъ охоты видѣть сердито взволнованную и неосновательно будирующую имянинницу. Гостьи разъѣзжаются. Сконфуженная дѣвочка остается одна.

Какъ прекрасно начался и какъ печально кончился этотъ вечеръ!

И подумавъ объ этомъ, Надя чувствуетъ себя въ самомъ дѣлѣ несчастной. Она бродитъ по комнатамъ унылая и печальная и въ душѣ бранитъ уѣхавшихъ дѣтей. О, какія противныя! Оставить ее одну въ день ангела. Этого она никогда имъ не проститъ! Никогда въ жизни!

Анны Ивановны нѣтъ дома. Чтобы дать полную свободу дѣтямъ, она уѣхала на лекцію въ Соляной Городокъ.

Если бы она знала, что сейчасъ переживаетъ ея любимица! Бѣдная Надя такъ одинока сейчасъ... И, всячески стараясь разжалобить себя такими

мыслями, дѣвочка направляется въ зеленую комнату. Здѣсь, ей, однако, тоже невесело. Канарейки затихли, собираясь на покой. Но пестрый Коко еще съ открытыми глазами сидитъ на жердочкѣ. Но какой у него странный, нахохлившійся видъ! Что это? Получается такое впечатлѣніе, какъ будто Коко чѣмъ-то подавился. Какъ неровно дышетъ его грудка; какъ усиленно движется зобъ.

Тутъ Надя вспоминаетъ внезапно: да вѣдь онъ объѣлся! Неужели же этому причина сыръ? Неужели она перекормила его сегодня?

Дѣвочка холодѣетъ при одной этой мысли. Не доставало еще того, чтобы заболѣлъ Коко! Онъ — любимецъ Анны Ивановны, подаренъ ей еще покойной матерью и уже пятнадцать лѣтъ живетъ у нея въ домѣ. Его болѣзнь будетъ большимъ ударомъ для старухи. А если еще Лизанька откроетъ истинную причину ея, то, Богъ знаетъ, какъ разсердится тогда Анна Ивановна на Надю. Надо во что бы то ни стало бѣжать за Лизанькой, привести ее сюда, предупредить опасность.

И быстрыми, легкими шагами Надя мчится по лѣстницѣ въ мезонинъ, гдѣ живетъ Ненила Васильевна съ дочерью.

Еще на первомъ поворотѣ круглой лѣстницы Надя слышитъ громкіе голоса. Черезъ открытую

дверь комнаты эти голоса доносятся особенно отчетливо, тѣмъ болѣе, что собесѣдницы не стѣсняются и говорятъ громко. Надя замираетъ, какъ вкопанная, при первыхъ же услышанныхъ ею словахъ.

— Нечего сказать, хороша! Всѣхъ гостей повыгнала! А еще барышня-институтка бывшая, благодѣтельницына любимица,—сердито, слово за словомъ роняетъ Лизанька. — А кабы вы послушали, мамаша, какъ она командовала нами нынче! — То принеси, это унеси. То подай, да это. Да какъ еще — все съ покрикомъ, будто и вѣкъ здѣсь жила. Кокошку обкормила сыромъ. Я останавливать было сунулась, такъ она-то какъ закричитъ: «Молчите, молъ, не ваше дѣло, сама знаю». По правдѣ сказать, не стерпѣла я и какъ играть-то сѣли, стали мнѣнія собирать про фрю эту, выскочку, такъ думаю отплачу ей, отведу душу. Ну, вороной въ павлиньихъ перьяхъ ее и обозвала. А она-то какъ зайдется, какъ зайдется...

— А будто и не ворона? И то ворона, — подхватила слова дочери Ненила Васильевна. — Неужто-жъ и, впрямь, королевна она? Да не люби ее такъ благодѣтельница наша, ужели бы возились мы съ нею всѣ такъ? Королевна — подумаешь тоже! Судомойкой ей впору быть, а не королевной! Глупа она, видно, что вообразила себя не Богъ вѣсть чѣмъ. Правда, взлюбила ее Анна Ивановна, благодѣтельница

наша, обряжаетъ какъ куклу, подарками заваливаетъ, балуетъ напропалую. А на долго ли? Вѣдь и любитъ-то за то, что рядить ее да выводить на люди ей можно, да хвастаться ею лестно. А на самомъ-то дѣлѣ, небось, Кокошка и тотъ дороже Надежды ея сердцу... А Наденька-то прекрасная на положеніи собакъ да канареекъ у нея, въ родѣ Зазы да Леды... Небось, тѣшится ею, какъ куклой, покуда не надоѣла, да покуда нашей-то въ глаза смотритъ, а чуть станетъ противорѣчить благодѣтельницѣ въ чемъ ни на есть, живо охладѣетъ къ ней Анна-то Ивановна наша... Видали мы ужъ такіе примѣры не разъ!

Что такое? Надѣ кажется, что ступени шатаются у нея подъ ногами и вся лѣстница вертится подъ нею какъ вьюнъ. Въ глазахъ даже потемнѣло у дѣвочки и сердце совсѣмъ перестало биться, замерло, какъ не живое, бѣдное маленькое уязвленное сердце. Все, что услышала сейчасъ Надя, совсѣмъ сразило ее. Да нѣтъ, не можетъ этого быть, онѣ лгутъ тамъ обѣ! Какъ разобраться во всемъ этомъ, какъ докопаться до истины? Ахъ, если бы тетя Таша, Сережа и Клавдія были здѣсь, очутились бы чудомъ съ нею сію минуту на этихъ самыхъ ступеняхъ, на этой лѣстницѣ и прослушали бы весь этотъ разговоръ Ненилы Васильевны съ дочкой! Они сумѣли бы посовѣтовать ей, Надѣ, конечно, что дѣлать. Они

бы научили, какъ поступать ихъ Надѣ. Но она одна, совершенно одна, не съ кѣмъ поговорить ей, не съ кѣмъ посовѣтоваться. А поговорить надо, необходимо даже, чтобы разобраться съ болѣе опытными людьми въ ея положеніи. Вѣдь если подумать только, что часть, самая незначительная часть ихъ бесѣды Ненилы съ Лизанькой — правда, то и тогда можно съ ума сойти отъ уколовъ самолюбія и обиды. Какъ? Она, — Надя — и вдругъ представляетъ собою только ничтожную игрушку, что-то среднее между собачонкой и канарейкой въ этомъ домѣ? Игрушка, кукла, слѣпое орудіе забавы! Нѣтъ, нѣтъ, она должна узнать, въ концѣ концовъ, на сколько все это правда, она должна докопаться до истины! Если ей не съ кѣмъ сейчасъ посовѣтоваться, то она знаетъ, что надо дѣлать: теперь она будетъ внимательной и наблюдательной съ этого дня; она должна умѣть отличить истинную любовь къ ней людей отъ пустого тщеславія. Она не маленькая. Ей уже четырнадцать лѣтъ! А все же какъ хочется ей сейчасъ увидѣть хоть однимъ глазкомъ милую тетю Ташу, ея истиннаго друга, въ любви которой она уже не можетъ сомнѣваться. И даже Клавденьку, даже Сережу, хотя они были часто суровы къ ней, и Шурку. (Ахъ, зачѣмъ она, глупая, прогнала ее нынче отъ себя)! Вѣдь они — ея единственные

близкіе, родные... Имъ она близка, какъ племянница, какъ сестра... И дорого бы дала она сейчасъ, чтобы очутиться въ ихъ маленькой квартиркѣ среди ласково сіяющихъ ей улыбками привѣтливыхъ лицъ.

Когда Анна Ивановна возвращается домой, она непріятно поражена, не найдя у себя въ домѣ юныхъ гостей Нади, для которыхъ, уѣзжая, приказала сервировать ужинъ и десертъ.

— Что у васъ за растроенное лицо, Нэдъ, моя крошка и гдѣ же ваши гости? — озабоченно спрашиваетъ она, близкая уже къ догадкѣ о случившемся.

Въ первую минуту Надѣ хочется броситься къ ней на шею и вылить всѣ свои жалобы, всѣ обиды на груди у благодѣтельницы.

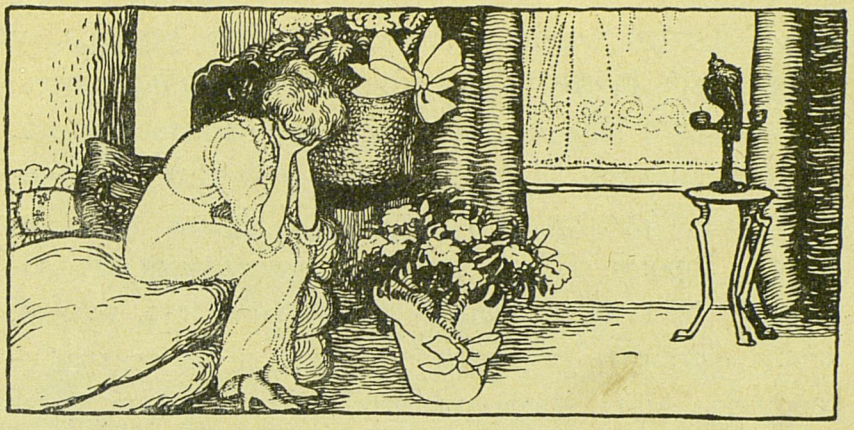
Но Анна Ивановна удерживаетъ дѣвочку. При видѣ ея исказившагося страдальческой и слезливой гримасой лица, Поярцева говоритъ, слегка недовольнымъ тономъ, сразу расхолодившимъ весь порывъ Нади.

— Не плачьте же, Нэдъ, не портите ваши милые глазки. Завтра надо быть свѣжей и хорошенькой, а слезы истощаютъ и душу и тѣло. Я повезу васъ на дѣтское литературное утро. Это будетъ превесело. Я чувствую, что васъ снова обидѣла эта гадкая Софи! Не обращайте на нее вниманія, дѣточка, она

изъ зависти дѣлаетъ все это. И зачѣмъ только мы ее пригласили? Зачѣмъ я, старая профанка, послушала васъ! Развѣ вы не замѣтили, какъ она завидуетъ вамъ?

Увы, Надя замѣтила... Но замѣтила не то, о чемъ говорила Анна Ивановна, а нѣчто иное, чего совсѣмъ не замѣтила она раньше. Замѣтила, что Аннѣ Ивановнѣ нѣтъ почти дѣла до ея тоски, до ея горя. Ей только хочется видѣть Надю веселой, довольной, радостной и хорошенькой, чтобы всѣ любовались ею тамъ, куда, нарядивъ какъ куколку, ее повезутъ завтра.

И глубокій вздохъ вырвался изъ груди Нади. И ее снова неудержимо потянуло домой, подъ родную кровлю, къ дорогимъ близкимъ, къ тетѣ Ташѣ, Клавденькѣ, Шуркѣ и Сережѣ, которые все-таки больше всѣхъ любятъ ее, строптивую и капризную Надю, любятъ искренно, всей душой, прощая всѣ ея, Надины, слабости и недостатки.



Мечты разбиты! Конецъ волшебной сказки! Новая Надя.

— Надѣвайте ваше бѣлое платье, Нэдъ, мы ѣдемъ къ Ратмировымъ. Лизанька или Кленушка, кто тамъ? велите подавать шоферу машину.

— Я не могу ѣхать сегодня въ гости, Анна Ивановна... — слышится тусклый голосокъ Нади.

— Но почему нѣтъ, моя крошка? Насколько я замѣтила, у васъ наилучшія отношенія съ обѣими княжнами.

— О, да, княжна Ася очень мила и Лоло тоже, но... мнѣ просто не хочется ѣхать, у меня голова болитъ, — такъ же апатично роняетъ Надя.

— Опять болитъ голова? Но это странно, у васъ теперь почти каждый день что-нибудь болитъ, моя милая, а отъ доктора вы упорно отказываетесь. Что это значитъ? Тогда вы тоже не поѣхали изъ-за головной боли на дѣтское утро. Право, мнѣ кажется, дорогая Нэдъ, что эти ежедневныя, то головныя, то зубныя боли — одинъ предлогъ только, чтобы избѣжать поѣздокъ въ гости и въ театръ, — говоритъ Анна Ивановна, пронизывая Надю внимательнымъ взглядомъ.

Послѣдняя опускаетъ глаза. Дѣйствительно, Поярцева права. Она, Надя, выдумываетъ эти ежедневныя головныя или зубныя боли потому только, что ее не тянетъ никуда, потому что ей опротивѣли сразу послѣ подслушаннаго ею нечаянно разговора на антресоляхъ всѣ эти поѣздки въ гости, въ театръ, даже за покупками въ Гостиный дворъ. Опротивѣли съ той самой минуты, какъ она узнала, какую жалкую роль, роль игрушки, временной забавы, какой-то куклы-манекена или декораціи приходится ей играть въ домѣ Поярцевой. Да, именно игрушки и забавы. Теперь особенно рельефно вспоминается Надѣ все пережитое ею здѣсь. Какъ она была глупа и наивна, не замѣчая раньше многаго того, что теперь прямотаки бросается ей въ глаза. Зато сейчасъ, когда она «прозрѣла», воспоминанія ея жизни въ этомъ домѣ

не оставляютъ ее въ покоѣ. Картины, наглядно подтверждающія слова Лизаньки и Ненилы, теперь не выходятъ изъ головы. Ну, конечно, Надю, ублажали, баловали и лелѣяли, пока она представляла собою интересную игрушку. Ее причесывали къ лицу, наряжали, везли въ театръ...

— Какая прелестная дѣвочка! — слышался вокругъ восхищенный шопотъ, заставляющій Анну Ивановну расцвѣтать улыбкой удовольствія.

— Какъ мила ваша Нэдъ! Что за прелестное личико! И какъ она всегда изящно одѣта! — тонко льстили друзья и знакомые Поярцевой, когда старуха возила къ нимъ въ домъ Надю.

И сама Надя была весела, забавна, безпечна и щебетала, какъ птичка, потѣшая свою благодѣтельницу много больше канареекъ, собачекъ и Коко въ первое время пребыванія ея здѣсь. Но вотъ теперь, съ нѣкотораго времени, дѣвочка круто измѣнилась. Она никуда не ѣздитъ, ссылаясь на всевозможныя причины. Не хочетъ ни причесаться, ни одѣться, какъ прежде. Она точно устала. И характеръ ея измѣнился къ худшему. Это уже не прежняя веселая щебетунья-птичка; она все время или молчитъ или отвѣчаетъ односложно на вопросы окружающихъ. И прежняя жизнерадостная улыбка уже не озаряетъ

ея юнаго личика и ничто не развлекаетъ, ничто не тѣшитъ ее теперь.

— И такъ она подурнѣла за это время, — съ неудовольствіемъ отмѣчаетъ Анна Ивановна, глядя въ измѣнившееся угрюмое лицо Нади. — Неужели болѣзнь Коко такъ дѣйствуетъ на нее?

Дѣйствительно, Коко боленъ. Съ семнадцатаго сентября едва прошло четыре дня только, а Коко сдѣлался неузнаваемымъ. Коко, или, вѣрнѣе, тѣнь Коко теперь, неизмѣнно сидитъ на жердочкѣ, печально нахохлившійся, и никто въ домѣ уже не слышитъ его прежней громкой болтовни. Приходилъ ветеринаръ, тщательно и долго осматривалъ птицу и назвалъ какую-то болѣзнь желудка непонятнымъ для окружающихъ латинскимъ терминомъ.

— Это очень серьезно и требуетъ упорнаго леченія, — произнесъ онъ, пряча въ карманъ полученную отъ Анны Ивановны трехрублевку.

Послѣдняя совсѣмъ разстроилась при этомъ извѣстіи. Коко, ея любимцу Коко, грозитъ опасность! Его болѣзнь серьезна и требуетъ упорнаго леченія. Неужели ей суждено потерять Коко, послѣднюю память матери? Коко, умѣвшаго такъ мило забавлять ее своею болтовнею? Нѣтъ, нѣтъ, этого допустить нельзя.

— Почему заболѣлъ Коко? Что съ нимъ случилось? — допытывается Поярцева у Лизаньки.

Но та только съ значительнымъ видомъ поджимаетъ губки и опускаетъ глаза. Ни за что не откажетъ себѣ Лизанька какъ можно дольше промучить ненавистную ей Надю. Вѣдь если сказать теперь же ихъ общей благодѣтельницѣ, кто и что послужило причиною болѣзни Коко, эта негодная дѣвчонка получитъ выговоръ и все успокоится постепенно. Анна Ивановна, добрая по природѣ, скоро проститъ ее, конечно, не въ тюрьму же посадятъ Надю за то, что она обкормила сыромъ этого несчастнаго Коко. А такъ, куда пріятнѣе и лучше, по крайней мѣрѣ, мучить Надю какъ можно дольше, заставляя ея сердце трепетать отъ постояннаго страха за то, что вотъ-вотъ она, Лизанька, донесетъ на нее Аннѣ Ивановнѣ, укажетъ на причины болѣзни попугая. Тѣмъ болѣе, что сама Анна Ивановна замѣтно измѣнила свое отношеніе къ Надѣ эти дни. Она уже не такъ ласкова къ ней послѣднее время, какъ бывало прежде и, конечно, Надя уже успѣла наскучить ей... Надо выждать еще и нанести послѣдній ударъ Надѣ тогда, когда Анна Ивановна окончательно охладѣетъ къ своей новой любимицѣ.

Впрочемъ, холодокъ въ отношеніяхъ Поярцевой къ Надѣ замѣчаетъ не одна Лизанька, замѣчаютъ

его и Ненила Васильевна, и Домна Арсеньевна и долгими часами совѣщаются объ этомъ между собою за неизмѣннымъ кофе, который пьютъ у себя на антресоляхъ по нѣскольку разъ въ день. Теперь онѣ уже не льстятъ, какъ прежде, Надѣ, не называютъ ее «златокудрой королевной», не смотрятъ ей въ глаза. Ненила Васильевна и Лизанька тѣ даже идутъ дальше: онѣ зачастую тонко язвятъ Надю, отпуская на ея счетъ колкіе намеки и замѣчанія. Не отстаетъ отъ нихъ и Домна Арсеньевна, завѣдующая хозяйствомъ въ поярцевскомъ домѣ.

Надя и за столомъ даже замѣчаетъ перемѣну къ ней со стороны приживалокъ. Теперь лучшіе куски переходятъ на тарелку Лизаньки. Домна Арсеньевна видитъ отлично, что ихъ общая благодѣтельница стала особенно ласкова къ Лизанькѣ за послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ ея любимецъ Коко и Лизанька неустанно ухаживаетъ за нимъ. Кто знаетъ, не займетъ ли вскорѣ Лизанька мѣсто замѣтно попавшей въ опалу «королевны», такъ ужъ лучше пораньше заручиться ея, Лизанькиною, благосклонностью. И недалекая, но хитрая Домна Арсеньевна заранѣе заручается этимъ расположеніемъ, усиленно угощая Лизаньку за столомъ.

Одна только Кленушка остается тою же, что и раньше въ отношеніи Нади; она точно не замѣчаетъ

Надиной «опалы» и по-старому ласкова, разговорчива и предупредительна съ нею, попрежнему дѣлится съ Надею своими завѣтными мечтами о деревнѣ, забѣгая поболтать къ ней въ ея голубую комнату-бомбоньерку. При всей своей наивности, Кленушка не можетъ не замѣтить угнетеннаго состоянія Нади.

— Эхъ, Надежда Ивановна, зачѣмъ грустить? Что вы одинокая, что-ли? Никого родныхъ развѣ нѣтъ у васъ на свѣтѣ? — грубовато, но искренно срывается у нея при видѣ грустно-поникшей бѣлокурой головки. — Вѣдь тетенька у васъ недалече, сестрица, братецъ. Да захотите только — начихать вамъ на всѣхъ здѣшнихъ, на Ненилу Васильевну, на Лизу эту, язву, на Домну-скаредницу. Завейте горе веревочкой и поминай васъ какъ звали. Небось, тетка-то съ раскрытыми объятіями васъ обратно возьметъ.

Подъ эти рѣчи Кленушки сердце Нади вздрагиваетъ, и сама Надя оживляется сразу. Но не надолго. Правда, ее теперь, какъ никогда, тянетъ домой, къ ласкамъ и нѣжности тети Таши, безъ которыхъ такъ изголодалась ея маленькая душа, къ суровой заботливости Клавдіи, къ серьезному, замкнутому, но безусловно любящему ее Сергѣю, къ Шуркѣ, наконецъ, къ милой суетливой Шуркѣ, такъ трогательно привязавшейся къ ней.

Но ложный стыдъ, извращенное самолюбіе запрещаетъ Надѣ вернуться туда снова. Какъ она пойдетъ къ нимъ? Съ какимъ лицомъ? Съ какими глазами? Она всѣхъ тамъ такъ больно обидѣла, оскорбила въ свой послѣдній пріѣздъ. Клавдію такъ несправедливо уязвила ея убожествомъ, Шурку просто прогнала отъ себя... Тетю Ташу обижала все время своею небрежностью и эгоизмомъ, рѣзкостью и невниманіемъ къ ней. Сережу сердила, раздражала своимъ дурнымъ, нерадивымъ ученіемъ. И потомъ, какъ вернуться домой такой, обманувшейся въ своихъ лучшихъ мечтахъ и надеждахъ? Она — Надя — такъ хвастала имъ всѣмъ радостями своей чудной, «волшебной» жизни, такъ подчеркивала свое призрачное кажущееся счастье. Такъ неужели же теперь ей придется расписываться въ противномъ, признать свое пораженіе, показаться въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! ни за что, ни за что! Ужъ пусть лучше она станетъ мучиться здѣсь, въ этомъ опротивившемъ ей до нельзя, ненавистномъ чужомъ домѣ. Пусть будетъ страдать одна, но домой она не вернется ни за что!

Съ самаго утра мороситъ нудный мелкій дождикъ. Хмурое небо задернулось сѣрой непроницаемой пеленой. Извозчики съ мокрыми верхами

пролетокъ, забрызганныя грязью колеса автомобилей и раскрытые зонтики надъ головами прохожихъ — все это довершаетъ унылую картину петербургской осени.

И въ роскошномъ особнякѣ Поярцевой тоже царитъ уныніе, тоже тоска. Несмотря на то, что только пробило два часа пополудни, уже зажгли электричество во всемъ домѣ. Въ зеленой комнатѣ вспыхнули большіе матовые шары и лампіоны, эффектно пріютившіеся между широкими листьями пальмъ и платановъ. Здѣсь, около клѣтки попугая, похожей на игрушечный домикъ, сгруппировалось почти все населеніе этого дома. Сама Анна Ивановна въ бѣломъ фланелевомъ капотѣ съ усталымъ отъ безсонницы лицомъ (она за эти сутки головы не прикладывала къ подушкѣ, ожидая съ часа на часъ катастрофы съ ея любимцемъ), обѣ старыя приживалки, Ненила и Домна, Лизанька съ распухшими отъ слезъ вѣками, Кленушка съ ея спокойнымъ, обычно флегматичнымъ видомъ, лакеи, горничная...

Ветеринаръ только что ушелъ. Онъ, какъ честный человѣкъ, не пожелалъ даромъ брать денегъ съ владѣтельницы умирающаго Коко и объявилъ рѣшительно, что дѣлать ему здѣсь больше нечего, что гибель птицы неизбѣжна и что больному попугаю грозитъ заворотъ кишекъ.

Впрочемъ, его слова явились теперь лишними: каждому изъ присутствующихъ и такъ было слишкомъ очевидно, что минуты Коко сочтены. Уже нѣсколько часовъ несчастный попугай лежитъ съ ощетинившимися перьями въ углу клѣтки на спинѣ съ поднятыми вверхъ и судорожно движущимися лапками. Его грудка бурно вздымается подъ прерывистымъ дыханіемъ. Его клювъ широко раскрытъ, и глаза подернуты предсмертной пленкой. Вотъ онъ сдѣлалъ снова судорожное движеніе лапками и глубоко вздохнулъ.

— Никакъ кончается, благодѣтельница? — прошептала Лизанька и залилась слезами.

Насколько были искренними эти слезы, вѣдаетъ только одинъ Богъ. Если бы не присутствіе Анны Ивановны, навѣрное, дальновидной Лизанькѣ и въ голову не пришло бы такъ плакать. А теперь она, буквально, разливается рѣкой на глазахъ Поярцевой. Ей вторятъ Ненила Васильевна и Домна Арсеньевна.

— Кокушка! Голубчикъ ты нашъ! Солнышко красное, на кого ты насъ покидаешь... — тянутъ онѣ раздирающими душу причитаніями, не забывая однако въ то же время подавать нюхательныя соли и нашатырный спиртъ Аннѣ Ивановнѣ, которой бу-

квально дѣлается дурно при видѣ предсмертныхъ мученій ея любимца.

— Дайте мнѣ его сюда! Дайте голубчика моего! — шепчетъ Поярцева, протягивая къ клѣткѣ дрожащія руки.

Три пары рукъ устремляются впередъ привести въ исполненіе ея желаніе.

Лизанька опережаетъ всѣхъ и со всякими предосторожностями извлекаетъ бьющееся въ агоніи тѣльце Коко изъ клѣтки и кладетъ его на колѣни Поярцевой.

— Бѣдный ты мой, голубчикъ ты мой...— захлебываясь слезами, шепчетъ Анна Ивановна, нѣжно лаская его перышки.

Но этихъ нѣжныхъ словъ, этихъ слезъ не видитъ и не слышитъ умирающая птица. Стараясь захватить побольше воздуху, широко раскрываетъ свой клювъ Коко, потомъ вздрагиваетъ еще разъ, безпомощно взмахиваетъ лапками и валится на бокъ, какъ сраженная бурей вѣтка.

— Убила! Какъ есть убила! Померъ голубчикъ нашъ! Изъ-за нея, злодѣйки, убійцы, померъ!.. — неожиданно проносится по зеленой комнатѣ, по всему особняку Поярцевой рѣзкимъ отчаяннымъ крикомъ.

И Лизанька дѣлается совсѣмъ какъ изступленная въ эти минуты. Она рветъ на себѣ волосы, громко рыдая, и выкрикиваетъ во весь голосъ:

— Убила! Убила! Убила!

Всѣ вздрагиваютъ, замираютъ отъ неожиданности. Что значитъ этотъ крикъ? Кто кого убилъ? Въ умѣ ли она, Лизанька? Не помѣшалась ли съ отчаянія и страха отвѣтственности за смерть дорогой птицы!

— Что такое? Кто убилъ? Кого? — срывается и съ устъ взволнованной до послѣдней степени Анны Ивановны, вскинувшей на плачущую и изступленно-кричащую дѣвушку испуганные, тревожные глаза.

— Да она... она... Надя!.. Кому же и быть другому... Она уморила, убила солнышко наше, Кокошу ненагляднаго, сокровище мое... Радость мою единственную... Печальную любовь сердца моего! — не забываетъ вплести въ этотъ букетъ нѣжныхъ терминовъ высокопарную по своему обыкновенію фразу Лизанька.

Но никто не обращаетъ вниманіе на эти причитанія, никто, кромѣ горничной и двухъ лакеевъ, отвернувшихся въ сторону и незамѣтно фыркнувшихъ подъ шумокъ.

— Какъ убила? Когда убила? Чѣмъ? Что ты путаешь? Говори толкомъ, — повышаетъ голосъ Анна Ивановна.

— Нѣтъ, не путаю, не путаю я, благодѣтельница. Кокошку нашего она на самомъ дѣлѣ убила, Наденька... Обкормила его сыромъ въ день своихъ именинъ. Цѣлые полуфунта на него скормила. Я ужъ и такъ и сякъ усовѣщевала и отговаривала, а они только ножкой топнули: молчи, молъ, не въ свое дѣло не суйся. А съ той поры Кокочка и заболѣлъ. Я-то все боялась докладывать вамъ. Все думала, перемелется, обойдется какъ-нибудь... Гнѣва вашего справедливаго боялась, благодѣтельница, а вотъ и не обошлось. Погибъ онъ, злосчастный мученикъ, томный любимецъ нашъ, жертва безгласная!.. Простите меня окаянную, въ тюрьму меня заточите за это, въ темницу на хлѣбъ и на воду! И Лизанька грохнулась на колѣни, воя и причитывая и рыдая въ голосъ подъ аккомпанементъ аховъ и оховъ двухъ другихъ приживалокъ.

Словно бичъ, ударили ея слова Поярцеву. Анна Ивановна выпрямилась; слезы ея высохли мгновенно; глаза блеснули сухимъ огонькомъ.

— Позвать сюда Нэдъ! — коротко приказала она лакею.

— Позвать сюда Нэдъ, — услышала эти слова и сама Надя у порога зеленой комнаты, куда спѣшила итти узнать о причинѣ громкихъ криковъ и отчаяннаго плача, разносившихся по всему дому.

— Я здѣсь, Анна Ивановна. Что прикажете? — произнесла, появляясь на порогѣ, дѣвочка.

Пустая клѣтка-домикъ, мертвое тѣльце Коко, распростертое на колѣняхъ Поярцевой, взволнованное лицо послѣдней, слезы въ глазахъ приживалокъ и ихъ притворно прискорбныя физіономіи — все это сразу дало полное освѣщеніе Надѣ о случившемся.

Какъ бы въ подтвержденіе догадки Лизанька истерическимъ жестомъ подняла руку, указывая ею Надѣ на безжизненное тѣльце Коко, и взвизгнула во весь голосъ:

— Убійца!

— Тише, Лизанька, — болѣзненно морщась и зажимая уши, проговорила Поярцева, потомъ добавила, обращаясь къ Надѣ: — Полюбуйтесь на дѣло рукъ вашихъ, Нэдъ.

Надя опустила голову. Въ головѣ ея промелькнула мысль о томъ, что она дѣйствительно виновата въ случившемся съ Коко непоправимомъ несчастьѣ.

— Виновата, Анна Ивановна... — прошептали

дрогнувшія Надины губки. — Виновата... — еще тише прошептала она.

Поярцева посмотрѣла на нее тѣми же холодными, полными укора и суроваго осужденія глазами.

— Что мнѣ въ вашемъ запоздаломъ извиненіи, Нэдъ? Оно не вернетъ мнѣ уже моего бѣднаго Коко въ жизни... Такой незамѣнимой потери мнѣ не вернуть никакъ. Онъ мнѣ былъ дороже всего на свѣтѣ. А вы погубили его. И вообще должна сознаться, что я очень ошиблась въ васъ, Нэдъ. За послѣднее время вы стали неузнаваемы. Вы — эгоистка и самая неблагодарная дѣвочка въ мірѣ. Вы не сумѣли оцѣнить оказанныхъ вамъ мною благодѣяній. Васъ такъ радушно приняли у меня; я сама отдавала вамъ свою душу. А чѣмъ вы отплатили мнѣ? Какъ вы капризничаете, какъ упрямитесь все послѣднее время, ставите меня въ глупое положеніе передъ всѣми нашими друзьями, безпричинно отказываясь продолжать съ ними знакомство, неосновательно ссоритесь съ юными вашими сверстницами... Все это мнѣ очень не нравится, Нэдъ! А главное, зачѣмъ вы скрыли свою вину отъ меня? Зачѣмъ не сознались во-время, что были причиной болѣзни этого бѣдняжки? — указала Поярцева на трупикъ, безпомощно распростертый у нея на ко-

лѣняхъ. — Вѣдь его можно было бы еще спасти! Нѣтъ, вы предпочли обречь Коко на гибель. Это доказываетъ, что у васъ нѣтъ сердца, Нэдъ, что вы черствая и жестокая натура. Я не хочу и не могу видѣть васъ сегодня... Пока я не успокоюсь, прошу не показываться мнѣ на глаза. Ступайте въ вашу комнату, вамъ подадутъ туда обѣдъ и ужинъ... А когда я приду немного въ себя послѣ этой ужасной потери, я позову васъ снова. Но помните, я позову прежнюю Нэдъ, а не эту капризную и упрямую дѣвочку, которая испортила мнѣ столько крови за послѣднее время и сдѣлалась причиной гибели моего... моего ненагляднаго... моего един...

Анна Ивановна не договорила и зарыдала, откинувшись на спинку кресла. Приживалки засуетились вокругъ нея съ нюхательными солями, нашатырнымъ спиртомъ и одеколономъ.

— Ступайте ужъ. Чего стали? Или вовсе уморить хотите благодѣтельницу нашу? — зашипѣла Лизанька на Надю, пронизывая дѣвочку злымъ, ненавидящимъ взглядомъ.

— Дождались, королевна, ваше величество, — съязвила вслѣдъ шарахнувшейся за порогъ комнаты Нади и Ненила Васильевна.

Надя не чувствовала пола подъ ногами. Въ эти минуты точно подъ нею горѣла земля. Жгучій стыдъ,

обида и боль оскорбленія, — все это вмѣстѣ взятое темной волной налетѣло на нее и заполнило все существо дѣвочки, всѣ ея мысли, всю ея душу. Эта отповѣдь, данная ей высокомѣрнымъ тономъ «благодѣтельницей» при всемъ сонмѣ приживалокъ и прислугъ прожгла ея сердце жгучимъ стыдомъ.

Нѣтъ, ни минуты не останется она здѣсь больше! Богъ съ ними со всѣми, съ ихъ роскошью, комфортомъ, богатствомъ! Ей они теперь противнѣе самой страшной, самой потрясающей нужды. Пускай она будетъ питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ, только не слышать этихъ обвиненій, уличающихъ ее въ неблагодарности, не слышать попрековъ за оказанныя ей благодѣянія.

— Сережа! — отчаянно и радостно вскрикиваетъ Надя, увидя входящаго въ комнату съ ранцемъ подъ мышкой брата, явившагося давать ей обычный ежедневный урокъ. — Сережа, голубчикъ, милый, увези меня сейчасъ отсюда. Увези скорѣе!

Натянутые нервы не выдерживаютъ. Надя разражается плачемъ, судорожно прижимаясь къ груди брата.

Сережа, взволнованный и потрясенный не менѣе сестры, не разспрашиваетъ ничего. Зачѣмъ? Она все равно разскажетъ ему все, когда успокоится

немного бѣдная дѣвчурка! А сейчасъ пусть она плачетъ, бѣдняжка, этими глубокими, душу облегчающими слезами, которыя такъ неожиданны у нея—знающей только одни капризныя слезы до сихъ поръ! Предчувствіе говоритъ на этотъ разъ Сережѣ, что эти Надины рыданья не плодъ капризовъ и воображенія прежней взбалмошной и легкомысленной мечтательницы и что въ нихъ выливается сейчасъ неподдѣльное, настоящее, недѣтское горе...

— Домой! Скорѣе домой! Ради Бога, скорѣе, Сережа, — слышитъ онъ сквозь всхлипыванія надломанный печальный голосъ сестры.

Ему остается только исполнить ея желаніе. Черезъ нѣсколько минутъ они выходятъ, ни съ кѣмъ не повидавшись, изъ дома Поярцевой. Сергѣй оставляетъ записку у швейцара, въ которой благодаритъ вѣжливо и спокойно Анну Ивановну за гостепріимство, оказанное его сестрѣ, и обѣщаетъ еще разъ возвратить со временемъ истраченныя ею на Надю деньги.

Дождь, слякоть и вѣтеръ встрѣчаютъ брата и сестру на улицѣ. Противъ своего обыкновенія, Сережа нанимаетъ извозчика. Онъ точно предугадываетъ желаніе Нади. Подъ поднятымъ верхомъ пролетки дѣвочка прячетъ заплаканное личико на груди брата и прерывистымъ шопотомъ чистосер-

дечно разсказываетъ ему все: и про свои прежнія мечты о волшебной жизни-сказкѣ, и грезы о богатствѣ и роскоши, и про тѣ призрачныя радости въ домѣ Поярцевой, которыя она, Надя, такъ цѣнила раньше. И про ея разочарованіе въ нихъ... Про все то, что такъ болѣзненно пережито ею за послѣдніе дни...

— А теперь домой. Скорѣе домой, ради Бога!

Надя такъ захвачена своимъ волненіемъ, такъ потрясана имъ сейчасъ, что не видитъ, не замѣчаетъ, какъ съ каждымъ ея словомъ свѣтлѣетъ и проясняется угрюмое, суровое лицо Сережи, какъ все крѣпче и крѣпче сжимаетъ его рука ея маленькіе дрожащіе пальцы и глубокая радость за сестру охватываетъ все существо благороднаго юноши...

— Вотъ вамъ ваша Надя... Новая Надя! Я вамъ привезъ ее домой и навсегда. Эта Надя не пожелаетъ уже больше вырваться изъ рукъ родного дома. Поцѣлуйте же ее хорошенько, обнимите ее, тетя Таша, Клавденька, Шурокъ! — съ тѣмъ же радостнымъ, просвѣтленнымъ лицомъ говоритъ Сережа, переступая порогъ крошечной квартирки и легонько подталкивая впередъ робѣющую, смущенную Надю...

Что-то есть въ смущенномъ лицѣ этой, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ, новой, преобразившейся Нади, что заставляетъ убѣдиться сразу и тетю Ташу, и Клавденьку въ правотѣ Сережиныхъ словъ, заставляетъ сразу забыть нанесенныя имъ обѣимъ прежней Надей обиды и крѣпко, горячо обнять прильнувшую къ нимъ всѣмъ по очереди бѣлокурую головку «новой Нади»...

Теперь въ крошечной квартиркѣ Таировыхъ царитъ небывалый еще миръ и покой. Слова Сережи сбылись: прежняя Надя исчезала, исчезала съ каждымъ днемъ, а новая, такая желанная и милая постепенно пріучается къ трудовой жизни, которою всѣ живутъ въ этой семьѣ.

Истинно любящіе и заботящіеся о ней отъ всего сердца люди окружаютъ теперь Надю. Ихъ чувство глубоко и ласки искренни. Они любятъ въ Надѣ не забаву, не игрушку, а человѣка Надю, Надю — разумное существо.

Подъ вліяніемъ окружающихъ ее людей и здоровой трудовой обстановки, прежнія бредни и чтеніе глупыхъ, пошлыхъ, бульварныхъ романовъ совсѣмъ заброшены Надей. Помня нанесенный ей жизнью

урокъ, она не забываетъ и того, что именно эти мечты и книги были ему причиной.

Теперь она помогаетъ хозяйничать тетѣ Ташѣ, помогаетъ Клавденькѣ подрубать платки и простыни заказчиковъ и занимается съ большимъ рвеніемъ на урокахъ съ Сергѣемъ. Осенью она поступаетъ въ гимназію вмѣстѣ съ Шуркой. Это рѣшили совмѣстно тетя Таша съ Сергѣемъ и Клавденькой. Вечернія занятія и уроки Сергѣя позволяютъ послѣднему подумать серьезно о воспитаніи младшихъ сестеръ. Онъ твердо вѣритъ, что теперь Надя пожелаетъ хорошо учиться.

А Клавденька, на которую сейчасъ буквально сыпятся заказы, мечтаетъ совмѣстно съ тетей Ташей открыть свою собственную, хотя бы и крошечную, мастерскую бѣлья.

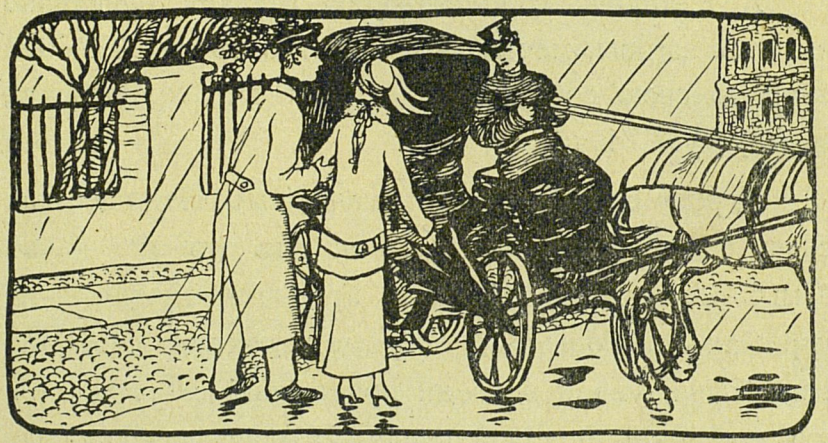
Игрою случая, съ возвращеніемъ Нади домой, счастье снова повернулось лицомъ къ маленькой семьѣ Таировыхъ. Теперь призракъ нужды не угрожалъ ей больше, и впервые вздохнула свободно тетя Таша, увидя впереди прояснившійся горизонтъ ихъ скромной трудовой жизни. И маленькая дружная семья сплотилась еще крѣпче, еще тѣснѣе, готовая дѣлить сообща и удачи, и радости, какъ дѣлила недавно еще безпощадные и жестокіе удары жизни.

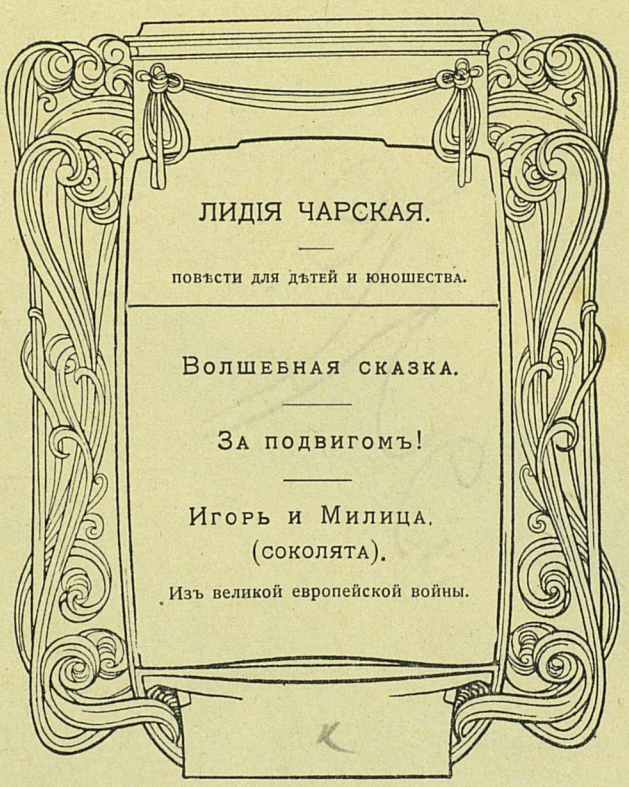
Волшебная сказка, которою грезила недавно Надя, теперь развѣялась, расплылась, какъ призракъ.

... Но и среди реальной жизни дѣвочка чувствуетъ себя теперь вполнѣ счастливой и довольной, окруженная любовью и заботами искренно преданныхъ ей людей...

И недавняя «волшебная сказка» не манитъ больше Надю...

КОНЕЦЪ.




ЛИДІЯ ЧАРСКАЯ.
повѣсти для дѣтей и юношества.
Волшебная сказка.
За подвигомъ!
Игорь и Милица.
(соколята).
Изъ великой европейской войны.

37.71.5.29.